

В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Корвин

ЧИТАЕМ, ДУМАЕМ, СПОРИМ...

Дидактические
материалы
по литературе

5

ЛИТЕРАТУРА

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

ЧИТАЕМ, ДУМАЕМ, СПОРИМ...

**Дидактические
материалы
по литературе
5 класс**

**Пособие для учащихся
общеобразовательных
организаций**

10-е издание

Москва "Просвещение" 2014

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72
К68

6+

Художник Ю. В. Христин

Коровина В. Я.

К68 Читаем, думаем, спорим... Дидактические материалы по литературе. 5 класс : пособие для учащихся общеобразоват. организаций / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. — 10-е изд. — М. : Просвещение, 2014. — 239 с. — ISBN 978-5-09-034298-8.

Книга дидактических материалов — это дополнение к учебнику «Литература. 5 класс» авторов В. Я. Коровиной, В. П. Журавлева, В. И. Коровина. В книгу включены интересные материалы о писателях и произведениях, изучаемых в 5 классе, а также произведения для внеклассной работы, викторины, кроссворды, богатый иллюстративный материал.

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72

ISBN 978-5-09-034298-8

© Издательство «Просвещение», 2009
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2009
Все права защищены

«КНИГА — ЭТО ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ ДРУГОМУ...» (А. Герцен)

Ваш учебник начинается небольшой статьей о чтении и о читателе. В интереснейшей книге «Человек читающий», составленной С. И. Бэлзой, читаем:

«Книги меняют людей, меняют их представление о мире, а в конечном счете — и сам мир. <...>

Книга может быть товаром и наркотиком, а может быть святыней и оружием. За то, что книги суть „реки, напоющие вселенную“, издавна почитались они на Руси.

В дневнике Льва Толстого (яснополянская библиотека писателя насчитывает двадцать две тысячи томов) есть и такие строки: „Написать в жизни одну хорошую книгу слишком достаточно. И прочесть тоже“.

Каждый сам определяет свой круг чтения, как и круг друзей, подбирает собственную „золотую полку“. Но для этого нужна изрядная подготовка».

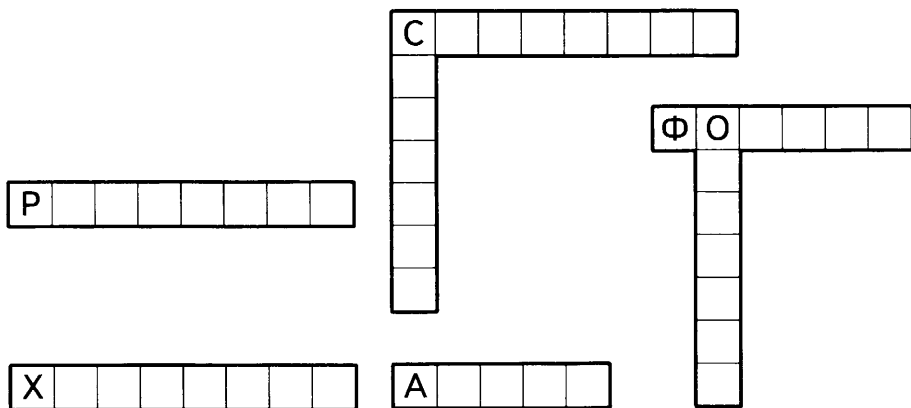
Напомним, что сказал о книге М. Горький:

«Всею хорошим во мне я обязан книгам... Я люблю книги: каждая из них кажется мне чудом, а писатель магом...»

? Вопросы и задания

- Вспомните содержание вступительной статьи в вашем учебнике и прочитайте статью в книге «Читаем, думаем, спорим...». О чем в них говорится?
- Для чего нужны книги? Как вы могли бы сформулировать ответ на этот вопрос?
- Как вы понимаете сравнение книг со ступенями? Объясните и приведите примеры.
- Как вы понимаете слова Л. Н. Толстого и А. И. Герцена?

- Расскажите о том, какие книги составляют вашу домашнюю библиотеку и ваш круг чтения.
- Что говорят нам о книге и о чтении пословицы и поговорки? Найдите и запомните такие пословицы и поговорки.
- Кто участвует в подготовке книги и какова роль каждого из них (автора, редактора, художника, корректора)?
- Из чего состоит книга (обложка, форзац, оглавление, словарь и т. д.)? Расскажите о составе, построении вашего учебника.
- Отгадайте кроссворды на тему «Книга и ее составные части. Создатели книги»:

Слова для справок: *автор, форзац, обложка, художник, редактор, страница, словарь.*

? Развивайте дар слова

- Объясните слова и составьте с ними предложения:
— *поколение, завещание, духовное завещание, представление о мире, товар, наркотик, святыня, почитались, круг чтения, изрядная подготовка, «золотая полка» книг, обязан книгам.*
- Подготовьте устное или письменное рассуждение на одну из тем:
«Что дала мне книга?»
«Чем я обязан прочитанным произведениям?»
- Постарайтесь определить, из произведения какого писателя эти слова и словосочетания — *«им она не прекословит», «и в небесах я вижу Бога».*

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ОТ МИФОВ К ПРЕДАНИЯМ, БЫЛИЧКАМ И БЫВАЛЬЩИНАМ

У жителей каждого села, города, края своя история, свои рассказы о событиях, происходивших на их малой родине, но глубинно связанных с большой историей. Эти рассказы принято называть преданиями.

В древности предания осмыслились как священная история рода. В ранних преданиях содержатся ответы на вопросы, поставленные первобытным сознанием: «Откуда мы? Кто предок людей, принадлежащих общине?» Содержание древних преданий фантастично лишь с точки зрения современного человека. Согласно им, каждый род ведет начало от предка-животного: медведя, лебедя, щуки...

Совокупность преданий — поэтическая автобиография народа. Независимо от имеющейся в них доли вымысла предания с художественной достоверностью отражают сущность событий. Вот почему можно с полным правом утверждать вслед за поэтом древности:

Слово предания — вечное слово,
Основа познания, правды основа.

Таким образом, миф о предке-родоначальнике в предании под воздействием исторического сознания народа преобразался в конкретных сюжетах, которые отражают социально-общественную деятельность человека.

И этот же миф, обращенный другой своей гранью к природе, получил развитие в ином жанре — в быличке и бывальщине. В этих произведениях запечатлелись языческие верования, некогда присущие древнему человеку. В быличке повествуется о случае, происходив-

шем с самим рассказчиком. В бывальщине — пересказ того, что было с кем-то другим. Все стихии природы наделены духами-«хозяевами» (домовой, леший, ови́нник). Наряду с духами-«хозяевами», связанными с природой и домом, в быличках фигурируют ведьмы, колдуны...

*По статье Н. Криничной в книге
«Легенды, предания, бывальщины»*

? Вопросы и задания

- Что вы знаете о мифах, быличках, преданиях, бывальщинах?
- Прочитайте былички о кладах. Подготовьте подробный пересказ одного из текстов.

ЗОЛОТОЙ САМОВАР И ГАРМАНЫ

Жила одна семья, муж и жена. Ну и вот. И был купец такой, очень богатый. И когда он умирал, он, значит, завещал клад на имя Анны. Только клад мог взять, в общем, с именем Анна.

И этот клад находился на кладбище. Нужно было, чтобы этот клад достать, идти в двенадцать часов, разрыть то место. Был оставлен план. Но где Анна-то найти? У него жена не Анна.

Нашли с именем Анна. Только Анна могла взять этот клад. Пришли на кладбище в двенадцать часов. Вот он ей и говорит:

— Вот что. Что бы тут ни было, как бы тут ни было, что бы тут ни гремело, ни шумело, — молчи. Кто бы тут ни налетал, тебя никто не тронет. Но ты должна молчать.

Наступило двенадцать часов. Стали они рыть это место, ну, как вроде бы могилу.

Роят-роют-роют. Клад этот находился в самоваре. Самовар этот золотой, и в самоваре — бриллианты, золото. Вот ему, значит, нужно было взять. Все уже вырыли. Вдруг откуда ни возмись налетело каких-то белых одеяний. И ее стали за подолы таскать.

Он роет, копает. Он не может взять, у него руки трясутся. А на нее напали эти гарманы, ее тащат со всех концов. А она со страху не знает, куда ей деваться. Петухи пропели — все. Все закрылось, клад закрыт.

Как взять этот клад? Никак нельзя. Страх такой нападает, что на нее напало столько, и вот дергать ее начали за подол. Клада не взять никак.

И вот ходили они три раза этот клад брать — и все же она не могла выдержать этой страсти, померла: с ней разрыв сердца. Бабы не могли взять. Клад остался.

ДАВАЙ БОГ НОГИ!

Раз человек десять пошли клад рыть, в лес. С ними и свяжись один шутник. Дорóгой он потстал, а те вперед пшеницей идут, тропу проложили. Он сзади шел да колосья через тропу-то и связал. Вот они пришли к месту, стали рыть, а он в стороне притаился да стонет. Те и стали переговариваться:

— Ты это?

— Нет.

— Кто-то стонет будто...

Он как заревет — они и давай Бог ноги!

Побежали тропой-то, как до завязи добегут — грох об землю! Задние набегут — да через передних-то грох! Обеспамятели со страху: насилу домой пришли. А тот хохочет сидит. Уж после они его, как узнали, ругали-ругали...

СВИНОЕ РЫЛО

Жили мы тогда в Онисимове. А ведь около Онисимова, сам знаешь, крутая гора, прекрутая, к Ветлуге-то. Тут есть маленький лесок. Пошел я этак раз — лет десять мне было — в лесок этот грибы собирать. Хожу, шатаюсь по косогору-то, где гриб, где два сорву.

Пришлось проходить мне около ключа. Вот и покажись мне, братец ты мой, стоит бы в косогоре-то сундук, как раз на ручье на самом, окован железом весь, около аршина ширины и аршина полтора в длину, весь обтыкан по сторонам костями, большущими костями, не знаю — чьими, так вот и торчат по бокам-то. Поиспугался я тут, да ничего. Мороз по коже подирает, а смотрю.

Вдруг покажись мне тут свиное рыло; оскалила зубы эта свинья и смотрит на меня, изо рта вода. Оторопь взяла меня тут, сам не свой сделался, волосы дыбом на голове. Взглянул на рыло-то, — ей, да унеси-ко оттуда, Господи, что есть прыти домой. Прибегаю домой — на мне лица нет. Что, спрашивают, с тобой? Я — в слезы. Едва-едва успокоился и рассказал, в чем дело.

На другой день ходили с крестным оба осматривать то место, но и места-то уж не нашли, ничего похожего даже нет.

КЛАД ДОМОЙ ПРИШЕЛ

Ну вот, по случаю того, что ходили искать клады. Был такой момент, что пошли два товарища искать клад, приглашали третьего. А тот говорит:

— Если Бог даст, так и на печь подаст.

Ну, эти два друга ходили и ночь там копались-копались, ничего не нашли.

А этот спал ночь. Ну, они перемокли на дожде. И на третьего были недовольны. Идут — и нашли дохлую собаку. Вот эту дохлую собаку взяли, подтащили к окну этого товарища и бросили в окно, чтобы надсмеяться над ним.

Собака эта оказалась кладом, вся рассыпалась на золото.

Ну, в результате он правильно сказал:

— Бог даст, и на печь подаст.

Значит, клад пришел домой.

БАБА С РОГАМИ

В поле мужики у нас работали. Вдруг видят: баба стоит — с рогами — клад это самый и был. Стоят они и смотрят, а подойти сами не смеют.

Так она и рассыпалась тут же на их глазах, пока они глядели. И стала тут груда камней. И до сей поры лежит, говорят... Не умели зачурать, значит.

НА ЦЕПЯХ БОЧКИ С ЗОЛОТОМ

В Саратовской губернии, в Кузнецком уезде, возле села Елюзани, клад есть: в озере на цепях бочки с золотом опущены. Тут прежде разбойники жили и оставили все награбленное добро в озере, а для того чтобы никто не узнал, куда они дели золото, сносили его в воду по ключу: по нем и от озера шли и к озеру. Озеро почти все теперь илом занесло, и клад никому еще не дался.

? Вопросы и задания

- Вспомним, что с искусством народа мы знакомимся, услышав первые в детстве песню, сказку, приняв участие в первой игре. Оно следует за нами и во взрослую жизнь. Нет человека, который не знает хотя бы несколько пословиц и не помнит напева какой-нибудь песни. «Искусство народа (от английского слова folklore — народное знание, народная мудрость: folk — народ, lore — знание) глубоко жизненно и бесконечно прекрасно», — пишет В. П. Аникин в книге «Живая вода».
- Что вы узнали о фольклоре из статьи учебника? Перескажите ее в классе. Какие вы знаете потешки, считалки, заклички, приговорки, загадки, пословицы и сказки?
- Определите, к какому жанру принадлежит каждый из текстов (колыбельные песни, заклички, скороговорки, прибаутки):

1. Спи, усни.

Бай, бай, бай!

Угомон тебя возьми...

Спи, посыпай.

Боронить поспевай...

2. Пошел котик во лесок,
Нашел котик поясок,
Чем люлечку подцепить
Да Ванюшку положить...
3. Киса, кисанька, коток,
Киса — серенький хвосток,
Приходи, киса, ночевать,
Приди Васеньку качать...
4. Дождик, дождик, пуще,
Дам тебе гущи...
5. Радуга-дуга,
Принеси нам дождя...
6. Сшит колпак,
Да не по-колпаковски.
7. На дворе трава,
На траве дрова.
8. Вашему пономарю
Нашего пономаря
Не перепомарить,
Не выпомарить.

9. Идет кузнец из кузницы,
Несет кузнец два молота.
Тук, тук, тук,
Да ударил разом вдруг.
10. Стучит, брячит на улице,
Фома едет на курице,
Тимошка на кошке —
Туда же по дорожке.
— Куда, Фома, едешь,
Куда погоняешь?
— Сено косить.
— На что тебе сено?
— Коровок кормить.
— На что тебе коровы?
— Молоко доить.
— На что тебе молоко?
— Ребяток поить.
11. Скачет галка по ельничку,
Бьет хвостом по березничку.
Наехали на галку разбойнички,
Сняли они с галки синь кафтан.

Не в чем галочке по городу гулять.
Плачет галка, да негде взять...

12. От топота копыт пыль по полю летит.

? Вопросы и задания

- Прочитайте колыбельные песни, скороговорки, прибаутки, заклички, выучите их наизусть, поупражняйтесь в произнесении. Будьте внимательны к тому, как вы произносите звуки, словосочетания.
- К какому жанру устного народного творчества относится иллюстрация? Как объяснить прямой и переносный смысл ситуаций?
- Прочитайте русские народные сказки: «Марья Моревна», «Мужик и царь», «Сердитая барыня», «Дочь-семилетка». Подумайте, какая из них относится к волшебным, какая — к бытовым сказкам. Подготовьте пересказы двух сказок.

Ответы: 1, 2, 3 — колыбельные песни; 4, 5 — заклички; 6, 7, 8, 12 — скороговорки; 9, 10, 11 — прибаутки.

СКАЗКИ

МАРЬЯ МОРЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич. У него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них померли.

Умирая, они сыну наказывали: «Кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго».

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад гулять.

Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

— Пойдемте, сестрицы, домой, — говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок и влетел к ним в горницу ясен сокол. Ударился об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич, прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

— Коли люб ты сестрице, я ее не держу — пусть идет!

Марья-царевна согласилась. Сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало. Пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдемте, сестрицы, домой, — говорит царевич.

Только пришли во дворец — как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок и влетел орел, ударился об пол и сделался добрым молодцем.

— Здравствуй, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом. — И посватал Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич:

— Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж. Орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год. Говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдем во зеленом саду погуляем.

Погуляли они; опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон. Ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем. Прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом, отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один. Целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно.

— Пойду, — говорит, — искать сестриц.

Собрался в дорогу, шел-шел и видит: лежит в поле рать — сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек — отзовися! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева.

— Здравствуй, царевич, куда тебя Бог несет — по воле аль по неволе?

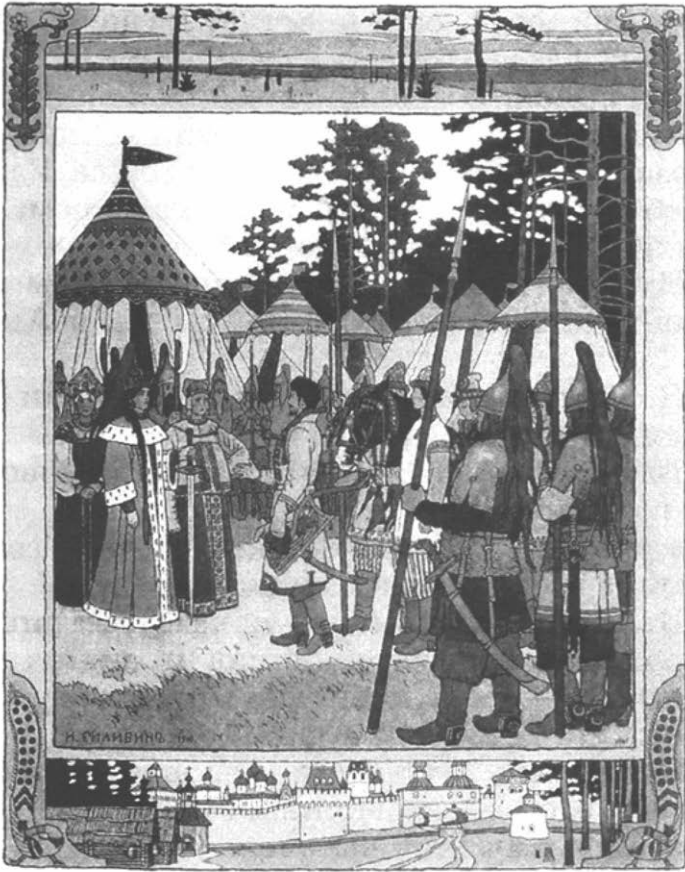
Отвечал ей Иван-царевич:

— Добрые молодцы по неволе не ездят.

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад; две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в свое государство; пожили они вме-

«Марья Моревна». Худ. И. Билибин

сте сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться. Покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не моги заглядывать.

Он не вытерпел; как только Марья Моревна уехала, бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжался надо мной, дай мне напиток! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло.

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды, дай еще.

Царевич подал другое ведро. Кощей выпил и запросил третье, а как выпил — взял свою прежнюю силу, потрянул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный. — Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих.

И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил ее и унес к себе.

А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу. «Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!»

Идет день, идет другой, на рассвете третьего дня видит чудесный дворец. У дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шуринок мой любезный!

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго: я иду искать жену мою Марью Моревну, прекрасную королеву.

— Трудно тебе сыскать ее, — отвечает сокол. — Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого; возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит. Слетел орел с де-

рева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна, милый наш братец идет!

Ольга-царевна тотчас прибежала навстречу, стала его целовать, обнимать, про здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Дольше гостить мне некогда: я иду искать жену мою Марью Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает орел:

— Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух; возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Анна-царевна, поскорей выходи, наш братец идет!

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте, пойду жену искать, Марью Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает ворон:

— Трудно тебе сыскать ее; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу. День шел, другой

шел, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич, зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного.

— Прости, Марья Моревна, не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит.

Собрались и уехали. А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы засеять, дожждаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратиться, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть да тогда вдогонь ехать — и то поспеем.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

— Ну, — говорит, — первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий оберегись — на куски изрублю.

Отнял у него Марью Моревну и увез, а Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревной. Кощея Бессмертного дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна.

— Ах, Иван-царевич, он нас догонит.

— Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведем вместе!

Собрались и уехали.

Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли догнать их?

— Можно ячменю засеять, подождать, пока вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяну напиться, выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

— Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих.

Отнял ее и увез к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревной; на ту пору Кощей дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна.

— Ах, Иван-царевич, ведь он догонит, тебя в куски изрубит!

— Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу!

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в куски и поклат в смоляную бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

— Ах, — говорят они, — видно, беда приключилась!

Орел бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег; сокол полетел за живую воду, а ворон — за мертвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули Ивана-царевича. Ворон брызнул мертвою водою — тело

срослось, съединилось; сокол брызнул живою водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Еще бы дольше проспал, если бы не мы, — отвечали зятья. — Пойдем теперь к нам в гости.

— Нет, братцы, я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила удобную минуту и стала Кощея выпрашивать. Кощей сказал:

— За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет Баба-яга. У ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у нее и других славных кобылиц. Я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то Баба-яга дала мне одного жеребеночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

— А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет.

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к Бабе-яге. Долго шел он, не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыпленочка.

— Не ешь, Иван-царевич, в некоторое время я пригожусь тебе.

Пошел он дальше; видит в лесу улей пчел.

— Возьму-ка, — говорит, — сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего меду, Иван-царевич, в некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше; попадаетея ему навстречу львица с львенком.

— Съем я хоть этого львенка: есть так хочется.

— Не тронь, Иван-царевич, в некоторое время я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему!

Побрел голодный. Шел-шел — стоит дом Баба-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечьей голове, только один незанятый.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?

— Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич, у меня ведь не год служить, а всего три дня. Если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся — торчать твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился. Баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься.

Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты, и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали.

Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул.

Солнышко уж на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич, кобылицы теперь дома.

Царевич встал, домой пошел. А Баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же нам было не воротиться: налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыпьте по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич; наутро Баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Погнал он кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал-плакал, да и уснул. Солнышко село за лес. Прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич, кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошел домой. Баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали!

— Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич; наутро посылает его Баба-яга кобылиц пасти:

— Если не упасешь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты, скрылись из глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и заснул.

Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

— Вставай, царевич, кобылицы все собраны; да как воротись домой, Баба-яге на глаза не показывайся, поди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется; ты возьми его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями. Баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо-невидимо, со всего света, и давай нас со всех сторон жалить до крови.

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич взял у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг повис через реку высокий, славный мост.

Царевич переехал по мосту, махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький.

Поутру пробудилась Баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню. Во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!»

Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и Баба-яга в реку свалилась; тут ей и лютая смерть приключилась.

Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах, стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне. Она выбежала, бросилась к нему на шею.

— Как тебе удалось от смерти избавиться?

— Так и так, — говорит, — поедем со мной.

— Боюсь, Иван-царевич, если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену!

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали.

Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Не знаю. Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

— Нет, не утерплю, — говорит Кощей Бесмертный, — поеду в погоню!

Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бесмертного и разможил ему голову, а царевич доконал его палицей¹. После того накидал царевич груды дров, развел огонь, спалил Кощея Бесмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кошеева коня, а Иван-царевич — на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы во всем свете поискать — другой не найти!

Погостили они, попиروвали и поехали в свое царство. Приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

МУЖИК И ЦАРЬ

Жил-был царь. Пуще всего на свете любил тот царь сказки слушать. И все ему хотелось новых да новых сказок. Придворные сказочники все сказки, какие знали, пересказали, и никто больше царю угодить не может. Велел царь кликнуть клич:

— Женю на своей дочери и полцарства отдам тому, кто расскажет сказку, какой я еще не слышал.

Охотников сыскалось много. Откликнулись и князья, и бояре, и генералы, и купцы — да все

¹ *Пáлица* — древнее оружие в виде тяжелой дубины.

без толку. Только кто заведет сказывать какую сказку, а царь уже кричит:

— Знаю, знаю, слышал эту сказку!

На том дело и кончится. Того жениха и прогонят.

А в том царстве жил, горе мыкал бедный мужик. Ни дома, ни хозяйства у него не было. Жил где придется, пил, ел что придется. Иной день впроголодь, иной день и вовсе не евши сидел.

Как-то раз зашел тот молодец в кабак погреться, выпить стаканчик вина. Целовальник¹ над ним глумится:

— Что не идешь царю сказки сказывать? Небось царевна все глаза проглядела: ждет тебя, жениха, не дождется.

Слушает бедняк насмешки, а сам думает: «Дай пойду, попытаю счастья. Царским зятем мне не быть, а хоть день-другой готовыми харчами попользуюсь».

Пришел во дворец. Царь спрашивает:

— Зачем, мужик, пришел?

— Хочу тебе, царское величество, сказку рассказать. Только вели сперва накормить, напоить меня.

Царь его оглядел и усмехнулся: «Ну и жених! Рубаха латана-перелатана, лапти веревкой подвязаны».

Мужика накормили, напоили. Царь собрал ближних бояр да советников и приказывает молодцу:

— Сказывай твою сказку.

— Мой покойный родитель, — говорит мужик, — был самый богатый человек в нашем царстве. Выстроил он высокие хоромы. По крыше тех хором голуби ходили да с неба звезды поклевали. Вот сколь высоки были те хоромы! А двор у нас был такой, что за весь летний день голубь не мог перелететь из конца в конец...

¹ Целовальник — продавец вина в кабаке.

Царь молчит, и бояре молчат, не перебивают, а мужик говорит:

— Дальше сказывать стану завтра, после обеда, поевши пирогов да мягкого хлеба.

И пошел на поварню ужинать.

На другой день вечером стал он сказку продолжать:

— И стоял у нас на дворе бык-семилеток. На одном рогу сидел у того быка пастух, а на другом — другой. Пастухи в трубы трубили, на рожках играли, песни пели, а друг друга в лицо не видали и голоса не слышали. Вот какой был у нас бык матёрый¹...

Молчит царь, не перебивает, и бояре молчат. Сказочник поднялся и говорит:

— Завтра сказку доскажу, а сегодня на покой пора.

И пошел на поварню ужинать. Тут царь и заговорил:

— Что станем делать, бояре? Эдакой сказки я не слышал, а отдавать свою дочь за мужика-лапотника не хочу. Придумайте, как сказочника обмануть.

Князья да бояре думу думать стали. Думали, думали и придумали:

— Скажи, царь-государь, что ты эту сказку слышал, и мы все подтвердим: «Знаем, мол, слышали про это». А чтобы крепче было, веди в том грамоту заготовить, и под этой грамотой мы все свои подписи поставим.

На том и согласились.

Мужик про тот разговор проведал, а виду не показывает. На другой день как ни в чем не бывало пришел после обеда, сел и стал сказку досказывать:

— Была у моего покойного родителя кобылица, в три дня вокруг земли обегала. Каждые сутки та кобылица жеребилась...

¹ *Матёрый* — здесь: могучий, сильный.

Князя да бояре с царем переглядываются, себе в бороды усмеваются, а сказочник рассказывает: — Золота и серебра у нас были амбары доверху насыпаны. И ты, царь-государь, в ту пору занял у нас сундук золота и по сей день еще не отдал...

Тут царь закричал:

— Знаю, знаю!

И князя да бояре поддакивают:

— Знаем, слышали эту сказку и грамоту в том подписать согласны.

С мест вскочили, подписи под грамотой поставили. Взял мужик грамоту и говорит:

— А коли слышали да грамоту в том написали, так плати долг, царское величество.

В ту пору царь догадался:

— Обманул меня мужик-лапотник!

Да делать нечего: что написано пером, того не вырубишь топором. Пришлось насыпать сундук золота.

Мужик денежки взял и стал жить-поживать. И до сих пор живет да посмеивается.

СЕРДИТАЯ БАРЫНЯ

В усадьбе жила барыня — и до того сердитая, никому житья не было! Староста придет спросить что — она его не отпустит, пока не отхлещет. А мужикам-то житья не было никакого: драла как собак.

Вот раз приходит солдат на побывку домой. Рассказали ему про барыню, а он и говорит: «Я ее проучу».

Настала ночь, барыня уснула. Велел солдат лошадей запрячь. Подъехал к усадьбе, тихонько вынес барыню и отвез ее в избу к сапожнику. А сапожникову жену отвез в усадьбу.

Пробудилась на заре жена сапожника, видит — дом преотличный. Тотчас служанки к ней подбежали, подают умываться. Помылась — по-

дали полотенце, вытерлась. Подают самовар. Села она чай пить. Староста приходит к ней на цыпочках. Она взглянула на него: что за мужик?

— Тебе, — говорит, — что надо?

— Я, барыня, пришел спросить, какой наряд на сегодня дадите.

А она догадалась, как ответить:

— Нешто вы не знаете? Что вчера делали, то и сегодня делайте!

Староста вышел на кухню и говорит:

— Сегодня барыня добрая, просто отроду такая не бывала!

Живет сапожникова жена на усадьбе месяц и другой, и так ее расхвалили крестьяне — по всей округе нет лучше барыни!

А барыня пробудилась утром у сапожника и кричит:

— Слуги!

Сапожник сидит и шьет:

— Подымайся, баба, пора печь топить!

— А ты кто такой? Подавай умываться!

— Ах ты, барыня! Сама поди по воду: солнышко давно встало. — Соскочил со стула, сдернул ремень и давай ее хлестать. — Ты нешто не знаешь своей должности? Ты должна вставать и печь затоплять!

И до того хлестал ее, пока не устал. Барыня взмолилась. Побрела по воду, потом за дровами, затопила печь, кое-чего сварила.

И так жила она месяца два. За что ни возьметсЯ, ничего у нее не выходит, все из рук валится: то щи недоварит, то воду разольет. Сапожник ее не раз колотил. И сделалась барыня добрая, работающая.

Как услышал об этом солдат, переменял ночью барыню и сапожникову жену.

Утром встает барыня тихонько, выходит из своей комнаты: «Что это, я в старом доме? Откуда я взялась?»

Спросила служанок:

— Служанки! Как же я сюда попала?

— Ты, барыня, нигде и не бывала!

И с тех пор барыня мягкая-мягкая сделалась. А сапожникова жена стала жить по-старому.

ДОЧЬ-СЕМИЛЕТКА

Ехали два брата: один бедный, другой богатый. У обоих по лошади — у бедного кобыла, у богатого мерин. Остановились они на ночлег рядом. У бедного кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенок подкатился под телегу богатого. Будит он наутро бедного:

— Вставай, брат! У меня телега ночью жеребенка родила.

Брат встает и говорит:

— Как можно, чтоб телега жеребенка родила? Это моя кобыла принесла.

Богатый говорит:

— Кабы твоя кобыла принесла, жеребенок бы подле был!

Поспорили они и пошли до начальства. Богатый дарил судей деньгами, а бедный словами оправдывался.

Дошло дело до самого царя. Велел он призвать обоих братьев и загадал им четыре загадки:

— Что всего на свете сильнее и быстрее? Что всего на свете жирнее? Что всего мягче? И что всего милее?

И положил им сроку три дня:

— На четвертый приходите, ответ дайте!

Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму и пошел к ней совета просить.

Она посадила его за стол, стала угощать, а сама спрашивает:

— Что так печален, куманек?

— Да загадал мне государь четыре загадки, а сроку всего три дня положил.

— Что такое, скажи мне.

— А вот что, кума! Первая загадка: что всего в свете сильнее и быстрее?

— Экая загадка! У моего мужа карая кобыла есть; нет ее быстрее! Коли кнутом приударить, зайца догонит.

— Вторая загадка: что всего на свете жирнее?

— У нас другой год рябой боров кормится; такой жирный стал, что на ноги не поднимается!

— Третья загадка: что всего на свете мягче?

— Известное дело — пуховик, уж мягче не выдумаешь!

— Четвертая загадка: что всего на свете милее?

— Милее всего внучек Иванушка!

— Ну, спасибо тебе, кума! Научила уму-разуму, вовек тебя не забуду.

А бедный брат залился горькими слезами и пошел домой. Встречает его дочь-семилетка:

— О чем ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?

— Как же мне не вздыхать, как слезы не ронить? Задал мне царь четыре загадки, которые мне и в жизнь не разгадать.

— Скажи мне, какие загадки.

— А вот какие, дочка: что всего на свете сильнее и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что милее?

— Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнее и быстрее всего ветер; жирнее всего земля: что ни растет, что ни живет, земля питает! Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а все руку под голову кладет; а милее сна нет ничего на свете!

Пришли к царю оба брата — и богатый и бедный. Выслушал их царь и спрашивает бедного:

— Сам ли ты дошел или кто тебя научил?

Отвечает бедный:

— Ваше царское величество! Есть у меня дочь-семилетка, она меня научила.

— Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шелкова; пусть к утру соткет мне полотенце узорчатое.

Мужик взял шелковую ниточку, приходит домой кручинный, печальный.

— Беда наша! — говорит дочери. — Царь приказал из этой ниточки соткать полотенце.

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка; отломил прутик от веника, подает отцу и наказывает:

— Поди к царю, скажи, чтоб нашел такого мастера, который бы сделал из этого прутика красна: было бы на чем полотенце ткать!

Мужик доложил про то царю. Царь дает ему полтора ста яиц.

— Отдай, — говорит, — своей дочери; пусть к завтраму выведет мне полтора ста цыплят.

Воротился мужик домой еще кручиннее, еще печальнее:

— Ах, дочка! От одной беды увернешься — другая навяжется!

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка.

Попекла яйца и припрятала к обеду да к ужину, а отца посылает к царю:

— Скажи ему, что цыплятам на корм нужно однодённое пшено: в один бы день было поле вспахано, просо засеяно, сжато и обмолочено. Другого пшена наши цыплята и клевать не станут.

Царь выслушал и говорит:

— Когда дочь твоя мудра, пусть наутро сама ко мне явится — ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка.

«Ну, — думает мужик, — такой хитрой загадки и дочь не разрешит; пришло время совсем пропадать!»

— Не кручинься, батюшка! — сказала ему дочь-семилетка. — Ступай-ка к охотникам да купи мне живого зайца да живую перепелку.

Отец пошел и купил ей зайца и перепелку.

На другой день поутру сбросила семилетка всю одежду, надела на себя сетку, в руки взяла перепелку, села верхом на зайца и поехала во дворец.

Царь ее у ворот встретил. Поклонилась она царю.

— Вот тебе, государь, подарочек! — и подает ему перепелку.

Царь протянул было руку, перепелка порх — и улетела!

— Хорошо, — говорит царь, — как приказал, так и сделано. Скажи мне теперь: ведь твой отец беден, чем вы кормитесь?

— Отец мой на сухом берегу рыбу ловит, ловушек в воду не ставит, а я подолом рыбу ношу да уху варю.

— Что ты, глупая, когда рыба на сухом берегу живет? Рыба в воде плавает!

— А ты умен? Когда видано, чтобы телега жеребенка принесла?

Царь присудил отдать жеребенка бедному мужику, а дочь его взял к себе. Когда семилетка выросла, он женился на ней, и стала она царицею.

? Поразмышляем над прочитанным

- Какими словами начинается и заканчивается сказка «Марья Моревна»?
- Какие черты характера Марьи Моревны и Ивана-царевича помогли победить Кощея Бессмертного? Назовите помощников Ивана-царевича.
- Как мужик в сказке «Мужик и царь» перехитрил царя?
- Какие загадки загадывал царь братьям в сказке «Дочь-семилетка»? Чем помогла отцу дочь-семилетка?
- Как вышла из положения дочь-семилетка, когда царь велел ей явиться — «ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка»? Как бы вы решили эту задачу? Как она посмеялась над царем и в чем его упрекнула?
- Как вы думаете, почему царь взял ее в жены, когда она подросла?
- В чем разница между волшебными и бытовыми сказками? Дайте развернутый ответ. Приведите примеры.

- Нарисуйте иллюстрации к одной из сказок, составьте кроссворды, в которые включите слова: *снарядился, оземь, невзгода* и т. д. Подумайте, как объяснить эти слова.
- Расскажите о героях прочитанных вами сказок. Кто из героев особенно понравился вам (сноровкой, смекалкой, хитростью)?

? Вопросы к сказке «Царевна-лягушка»

«Царевна-лягушка». Линогравюра худ. И. Кузнецова

«Царевна-лягушка». Линогравюра худ. И. Кузнецова

Рассмотрите рисунки к народной сказке «Царевна-лягушка», подберите к ним текст и подумайте, насколько удались художникам различные эпизоды сказки. Как бы вы изобразили героев? Подготовьте свои рисунки или устный рассказ о том, какие бы вы нарисовали иллюстрации к этой волшебной сказке.

ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Что вы знаете о древнерусской литературе? С каким произведением древнерусской литературы вы познакомились в 5 классе? О чем оно рассказывает? Кто главный герой или герои?

Познакомьтесь еще с одним произведением — «Повестью об отроке Тверского князя». Перескажите его содержание в классе.

ПОВЕСТЬ ОБ ОТРОКЕ ТВЕРСКОГО КНЯЗЯ

Был у великого князя Ярослава Ярославича Тверского¹ отрок, по имени Григорий, которого он очень любил и всегда держал при себе. Был отрок верен ему во всем, и великий князь посылал его по селам для сбора повинностей.

Случилось тому отроку быть в селе, называемом Едимоново. Жил он там у церковного пономаря² Афанасия. И увидел он дочь его очень красивую, по имени Ксения, и стал думать, как бы жениться на ней. Боялся он, что навлечет на себя великий гнев князя своего, и был в большой печали, ибо полюбил он ее сильно. Никому он о том не говорил, только сам с собою размышлял, как бы исполнить свое желание.

Однажды, оставшись наедине с Афанасием, отрок начал просить его, чтобы отдал он дочь свою за него. Отец смутился: «Как он, приближенный такого великого князя, предлагает мне такое!» И пошел Афанасий к жене и дочери сво-

¹ *Ярослав Ярославич Тверской* (1230—1271) — первый великий князь Тверской, брат Александра Невского.

² *Пономарь* — низший церковный служитель, в обязанности которого входит помощь священнику при богослужении.

ей и рассказал им все подробно. Дочь же его имела дар ясновидения и сказала отцу своему:

— Отче! Сделай, как он просит. Положись на его волю, ибо Богу так угодно. И будет так.

Была же Ксения благочестива и кротка, смиренна и весела, и разум был у нее большой. Почитала она родителей своих и повиновалась им во всем.

Отрок же все больше и больше уязвлялся любовью и неустанно говорил отцу ее, чтобы тот ничего не страшился:

— Я все возьму на себя, и князя умолю, ты не бойся.

И так договорились они обо всем и порешили, что брак будет совершен в том селе, и будут венчаться в церкви Дмитрия Солунского, и жить будут тут, если великий князь разрешит.

Исполнив все повеления великого князя, отрок возвратился с радостью во град Тверь и дивился про себя, что нигде такой девицы не встречал.

Когда же он уехал, Ксения сказала отцу своему и матери:

— Родители мои! Не удивляйтесь тому, что вам обещал отрок, ибо он так предполагает, но Бог свое строит; не он будет мне супругом, но тот, кого мне Бог даст.

Родители очень удивлялись речам дочери.

Отрок же, улучив благоприятное время, припал к ногам великого князя и молил его со слезами позволить ему сочетаться законным браком и рассказывал ему о красоте и разуме девицы. Князь же великий, выслушав его, сказал:

— Если захотел ты жениться, возьми себе жену из богатых вельмож, а не из простых людей, небогатых и худородных, чтобы не укоряли тебя твои родители, и не презирали тебя бояре и друзья, и мне не пришлось со стыда удалить тебя от себя.

Однако отрок неотступно много дней умолял великого князя, чтобы он позволил ему испол-

нить его желание и жить в том селе. Великий князь наедине увещевал его и расспрашивал подробно, почему он хочет жениться. Он же все рассказал великому князю, сказал и об обещании своем, которое дал.

Князь великий Ярослав Ярославич уступил просьбе отрока и велел приготовить насад и все необходимое и снарядить людей для услужения отроку.

И когда пришло время обручения и венчания, отпустил его в насаде по Волге-реке. Ибо то село стояло близ Волги, а коней обещал прислать ему вслед по берегу.

Отрок с радостью поклонился великому князю и поплыл в насаде по Волге-реке со всеми людьми, посланными с ним.

Наутро великий князь повелел приготовить себе коня, и соколов, и собак, чтобы ехать на охоту. Велел и приближенным ехать вместе с ним. Ибо в ту ночь великий князь видел сон, будто был он в поле на охоте и пускал своих соколов на птиц. Когда же пустил он любимого своего сокола на птичью стаю, тот сокол, разогнав всю стаю, поймал ему голубку, сияющую красотой ярче злата, и принес ему за пазуху. Очнувшись ото сна, князь много думал, что он означает, и не рассказал о том сне никому. Только повелел взять всех птиц с собою на охоту. И так поехал князь в ту же сторону, что и отрок, тешась охотой. Был же великий князь не женат и молод, не достиг он еще и двадцати лет.

А отрок, приехав в насаде по реке, пристал к берегу у села того, ожидая коней от князя, и послал вестников своих к Ксении, чтобы все было готово, по обычаю брачному. Ксения же сказала присланным:

— Возвестите отроку, чтобы помедлил там, пока сама не пришлю ему весть, что все будет готово, ибо нам не было вести о его приходе.

Ибо она провидела приход к себе великого князя и сказала родителям своим:

— Уже сват мой приехал, а жениха еще не было, но вскоре будет, в поле тешится и замедлил там, но подождем его короткое время, и придет к нам.

А о имени его никому не сказала, но только готовила ему почетные дары. Родные же ее сильно тому удивлялись, а того жениха ее не знали, только она одна ведала.

Князь же великий не знал того села и хотел быть там на другой день, чтобы увидеть своего отрока уже женатого. И потому заночевал на охоте. Село же было от града Твери в сорока верстах. И тою ночью видел он прежний сон и еще больше задумался, что он означает. А утром, по обыновению своему, тешился охотой.

Отрок же, не дождавшись ни вести от невесты, ни коней от князя, подумал: «Что, если государь мой великий князь раздумает и пошлет за мной и велит возвратиться вспять?» И потому поспешил во двор, где жила Ксения, и приготовил все, как положено было по его чину. И сели они вместе, так как вскоре должно было быть их венчание, и отрок приказал все поскорее приготовить и разносить дары. Ксения же сказала:

— Не вели ни с чем спешить. Будет у меня еще гость незванный, а лучше всех званых гостей.

Великий же князь в то время был близ села того, и увидел стадо лебедей на Волге-реке, и повелел пустить всех своих птиц — соколов и ястребов, и сам пустил своего сокола любимого, и поймали много лебедей. Сокол же великого князя, заигравшись, ударился лететь на село то. Великий князь погнался за ним и вскоре приехал в село, забыв обо всем. Сокол же сел на церкви Дмитрия Солунского. В это время множество народа собралось смотреть, как пойдут на венчание. Князь повелел спросить, чье то село.

Селяне же сказали, что то село великого князя Ярослава Ярославича Тверского, а церковь Святого великомученика Дмитрия Солунского. Князь, услышав об этом от поселян, повелел своим людям манить сокола. Сокол же и не думал слетать к ним, но расправлял крылья и чистился.

Великий князь пошел на двор, где был его отрок. Он был в дорожном платье, ибо не за тем приехал, но Богу так было угодно. Люди, видевшие князя, не узнали его. Думали, что он с конями и с потехами приехал к жениху, и никто не встретил его. Ксения же сказала всем сидящим с нею:

— Встаньте все и выйдите навстречу своему великому князю, а моему жениху.

Они же дивились.

Великий князь вошел в горницу, где сидели отрок и Ксения. Все встали, и поклонились великому князю, и просили прощения, что не узнали его. Князь же повелел им сесть, чтобы смог он увидеть жениха и невесту.

Ксения же сказала в то время отроку:

— Отойди от меня и дай место князю своему, ибо он больше тебя и жених мой, а ты был мой сват.

Великий же князь увидел, что та девица прекрасна, и лицо ее будто сияло в лучах. И сказал великий князь отроку своему Григорию:

— Выйди отсюда и найди себе иную невесту, где хочешь, а сия невеста будет моя, а не твоя.

Разгорелся он сердцем, и помутились мысли его.

И когда отрок вышел, великий князь взял Ксению за руку, и пошел в церковь Дмитрия Солунского, и обручился с нею, и обвенчался в тот же день, и был пир большой у великого князя до самого вечера. Было то летом, и повелел он селян потчевать весь день и ночь.

Когда же великий князь шел после венчания из церкви, сокол его любимый, видя своего гос-

подина, идущего с супругой своею, начал трепыхаться, сидя на церкви, будто веселясь, и взирал на князя. Князь же не видел сокола и спросил своих сокольников:

— Слетал ли к вам сокол?

Они же ответили:

— Не летит с церкви.

Князь же, посмотрев на него, кликнул его своим голосом. Тогда сокол тотчас прилетел к князю и сел на его правую руку, озирая обоих, князя и княгиню.

Отрок же был в большой кручине и не ел и не пил. Великий князь очень любил его и жаловал и, чтобы утешить его, сказал ему о своих снах: как видел во сне, так и сбылось по Божьему изволению.

А отрок тот ночью положился на Бога и на Пречистую Богоматерь, чтобы наставила его на путь. И снял с себя княжое платье и порты, и, купив себе платье крестьянское, оделся в него, и тайно ото всех вышел из села, и пошел лесом неведомо куда.

Наутро великий князь, не увидев отрока, повелел боярам прислать его к нему. Они же искали его, но не нашли, только платье его увидели. И сказали о том великому князю. Князь же великий очень опечалился и повелел искать его всюду по рекам и в колодцах, боясь, чтобы он сам не предал себя губительной и безвременной смерти. И нигде его не нашли, только тот селянин рассказал, что купил у него отрок платье ветхое, и не велел о том никому говорить, и пошел в пустыню.

Великий же князь повелел его искать по лесам. И три дня искали его, но не могли найти. Великий князь был в большой печали и говорил:

— Я повинен в смерти его.

Княгиня же сказала:

— Не печалься, господин мой. Богу было угодно, чтобы мне с тобою соединиться. Если бы не Божья воля, как бы мог ты, великий князь,

приехать к нашей нищете и взять меня женою? Не бойся ничего. Иди с миром во град свой и бери меня с собою.

Великий же князь оставался печален. И отпустил свою великую княгиню и бояр своих в насаде во град Тверь и повелел им беречь княгиню и слушаться ее во всем. Сам же великий князь поехал берегом, охотясь по-прежнему. И приехал во град Тверь раньше княгини своей. Когда же приехала великая княгиня его Ксения ко граду Твери, великий князь повелел боярам своим с боярынями, и своим дворовым, и всему городу выйти навстречу великой княгине. И вышли мужи, и жены, и дети от мала до велика с дарами и встретили ее на берегу у церкви Архангела Михаила. И, видя красоту ее, все дивились и говорили с радостью:

— Нигде очами не видали и слухом не слышали такой жены благообразной, как сия великая княгиня. Как солнце светится среди многих звезд, так и она сияет среди жен града нашего паче луны и звезд многих.

Об отроке княжеском не было ни слуха. Ходил он по пустыне три года и более, и никто не видел его. И Божиим изволением пришел он лесом на устье реки Тверцы и увидел град Тверь. Ночью забылся он тонким сном, и во сне явилась ему Пресвятая Богородица, и повелела ему воздвигнуть на месте том церковь во имя Успения и монастырь, и сказала ему:

— Иди с миром во град ко князю своему, он будет тебе помощником. Ты же, когда устроишь монастырь сей, недолгое время проживешь здесь и отойдешь от жизни сей к Богу.

И, воспрянув от сна своего, отрок стал размышлять: «Если отойду от сего места, то как же явление сие? И место мне показано. Если же пойду к великому князю и он меня станет уговаривать, не хочу в доме его быть».

И когда он так размышлял, пришли в лес мужи княжеские на охоту, увидели Григория, узнали в нем отрока князя и сказали ему:

— Великий князь печалился о тебе и доньне вспоминает о тебе. Если же увидит, что ты жив, возрадуется радостию великою.

Он же, слышав то от них, с веселием пошел с ними. Когда пришел он на двор великого князя, князь повелел ввести его в верхние палаты и возрадовался, увидев его. Отрок же поклонился великому князю и сказал:

— Прости меня, господине мой великий княже, что согрешил пред тобою, опечалил тебя сильно.

И рассказал ему все, как он ушел и как его Бог привел на это место. Князь же очень удивлялся и повелел своим приближенным дать ему его прежнюю одежду, чтобы был он в своем прежнем чине. Он же со смирением сказал:

— Господине мой великий княже, я для того пришел к тебе, чтобы ты обо мне больше не печалился и просьбу мою выполнил, позволил мне построить монастырь.

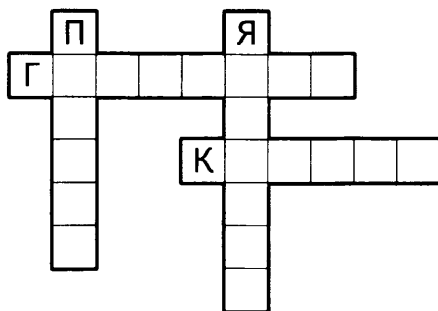
И рассказал, как во сне явилась ему Богородица и показала место, где монастырь поставить. Князь же обещался помочь ему и беседовал с ним долгое время.

И вскоре построен был монастырь. И на освящение церкви приехал сам великий князь Ярослав Ярославич со своею супругою великой княгиней Ксенией и со всеми своими приближенными и всем трапезу устроил. И по прошению отрока своего великий князь дал ему игумена Феодосия, и братию собрал, и колокола устроил. И назвал великий князь Ярослав Ярославич место то Отроч монастырь. На другой день по освящении церкви отрок Григорий постригся и наречен был Гурий. После пострижения отрок тот пожил недолгое время, и преставился к Богу, и погребен был в своем монастыре.

Сокращенный перевод Т. Михельсон

? Вопросы и задания

- Назовите имена героев прочитанного произведения древнерусской литературы. Расскажите об одном из героев.

Слова для справок: *Претич, Ксения, Ярослав, Григорий.*

- Как называются произведения древнерусской литературы, прочитанные вами? О чем они?
- Вспомните, как начинаются и завершаются волшебные сказки. Есть ли такие зачины и концовки в произведениях древнерусской литературы? Какие эпизоды повести напомнили вам народные сказки?

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ
(1769—1844)

В книге В. И. Коровина о Крылове, которая называется «Поэт и мудрец», приводятся различные высказывания педагогов XIX столетия об известных баснях Крылова. Прислушаемся к их голосам...

Педагог Н. Бунаков писал, например, о басне «Ворона и Лисица»: «Посмотрите, на чьей стороне симпатии вашего маленького слушателя — на стороне ли глупой, каркающей вороны или на стороне умной, но проголодавшейся говоруньи-лисицы? При этом помните <...> не научатся ли они скорее у умной лисицы искусно удовлетворять свой эгоизм, нежели презирать лесть и оберегаться ее?» В. Водовозов писал, что дети никак не могли согласиться с моралью басни. Моралью басни [«Уж сколько раз твердили миру...»] Крылов настраивает на традиционную мудрость, идущую от Эзопа, — «лесть гнусна, вредна». Но, чтобы эта мораль стала поучительным уроком, нужно высмеять Лисицу. Если бы Лисица подавилась сыром или съела отравленный сыр, то льстец был бы наказан.

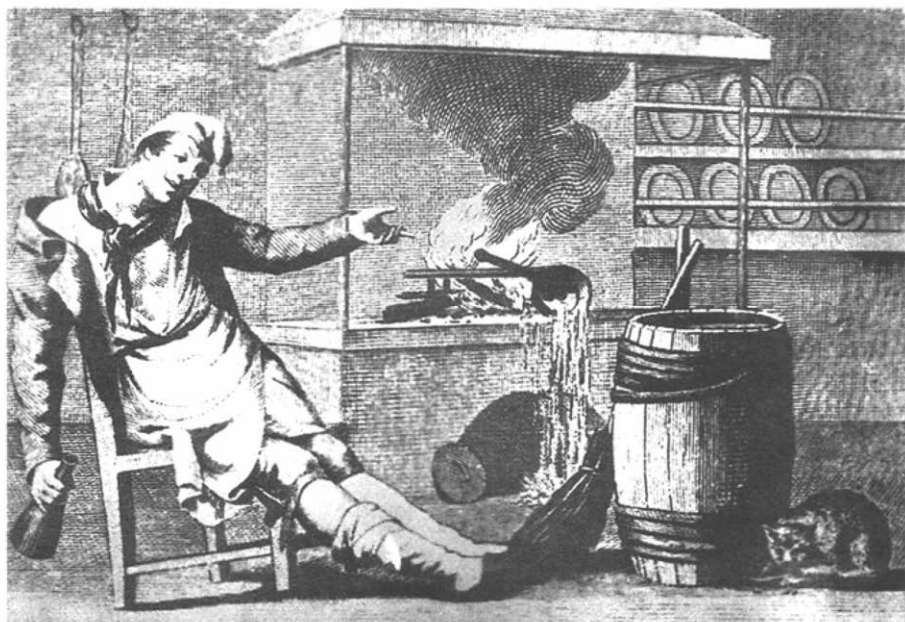
Крылов, конечно же, стоит не на стороне Лисицы, но ему важно подчеркнуть, как убедительна лесть, как легко уловляет она тщеславие Вороны... Следовательно, смысл басни состоит не в том, чтобы научить умно и ловко льстить и брать пример с Лисицы, а в том, чтобы невзначай не оказаться Вороной...

? Вопросы и задания

- Итак, вы узнали о том, как по-разному можно относиться к героям басни, объяснить ее смысл и мораль. На чьей стороне вы? С кем бы поспорили? К какому мнению присоединились?

И. А. Крылов. «Квартет». Худ. В. Серов

И. А. Крылов. «Кот и Повар». Худ. И. Иванов

И. А. Крылов. «Свинья под Дубом».
Худ. М. Алексеев и Н. Строганов

- Рассмотрите иллюстрации разных художников к басням Крылова, найдите и прочитайте эти басни. Запомните фамилии художников-иллюстраторов. Так ли вы представляли себе крыловских героев? Обоснуйте свою точку зрения.
- Какие из басен Крылова вам особенно нравятся? Представьте себе, что вы получили задание проиллюстрировать эти басни. Расскажите, какие иллюстрации вы подготовите.
- Многие афоризмы из басен Крылова стали пословицами, поговорками. Какие из них вы используете в своей речи? Приведите примеры.
- Прочитайте юмористический рассказ Саши Черного «Люся и дедушка Крылов», подумайте, почему дети так воспринимают басни Крылова. В чем юмор этого рассказа?

ВИКТОРИНА

Из каких басен взяты эти пословицы, поговорки, афоризмы?

1. «В сердце льстец всегда отыщет уголок».
2. «А ларчик просто открывался».
3. «У сильного всегда бессильный виноват».
4. «Ты все пела? Это дело.
Так поди же попляши!»

5. «Ай, Моська! Знать, она сильна,
Что лает на слона!»
6. «А Васька слушает да ест».
7. «А вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь».
8. «Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет».

Ответы:

«Ворона и Лисица», «Ларчик», «Волк и Ягненок», «Стрекоза и Муравей», «Слон и Моська», «Кот и Повар», «Квартет», «Лебедь, Щука и Рак».

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ **(1783—1852)**

В вашем учебнике даны два произведения В. А. Жуковского: сказка «Спящая царевна» и баллада «Кубок». Литературовед В. И. Коровин, подготовивший несколько книг о Жуковском, пишет в одной из них:

«Мифы, предания древности, страшные легенды Средних веков стали содержанием баллад нового жанра, широко введенного Жуковским в поэзию. С легкой руки поэта популярность баллад очень возросла. Самого Жуковского называли „балладником“, имена героев баллад присваивались членам литературного общества „Арзамас“, бессменным секретарем которого состоял Жуковский. Поэты подражали Жуковскому, а нередко и остроумно пародировали, высмеивая пристрастие к чертям, ведьмам, мрачному пейзажу с неверным мерцающим светом луны, непременно спутником преступлений, коварства и обмана.

В народных поверьях, сказаниях, легендах, мифах и преданиях постигалась духовная жизнь народа. Баллада предоставляла широкую возможность поэту выразить внутренний мир личности.

Делая переводы, Жуковский знакомил Россию с европейскими народными преданиями, обогащая читателя новыми представлениями о литературе. У Жуковского встречаются три вида баллад — „русские“,

„античные“ и „средневековые“, смотря по тому, какой сюжет развит в балладе. Правда, название „русские баллады“ условно, поскольку Жуковский перестраивал на национальный лад средневековую балладу...

Страшные сюжеты баллад Жуковского отражают его общее разочарование в современной ему действительности, в которой попорчены добродетельные истины и духовные ценности. Они служат моральным укором человеку, забывшему о чести. Жуковский в балладах строит свою особую вселенную, где все совершается по справедливости, так, как в сказке. Поэтому в балладах Жуковского всегда торжествует добро, восстанавливается истина, и оттого общий их тон не гнетущий и подавляющий, а светлый и даже оптимистичный. Жуковский испытывал доверие к жизни, к добрым началам в человеке, к тому, что в конце концов победит добро, разум, гуманность и красота».

? Вопросы и задания

- Какие типы баллад встречаются у Жуковского?
- Как перестраивал поэт европейские баллады?
- Понравились ли вам сказка о спящей царевне и баллада «Кубок»? О чем они? Какой укор слышится в балладе? Кому сочувствует автор?
- Прочитайте еще одну балладу Жуковского — «Старый рыцарь».

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ

Он был весной своей
В земле обетованной
И много славных дней
Провел в тревоге
бранной.

С неверным он врагом,
Нося ту ветку, бился
И с нею в отчий дом
Прославлен
возвратился.

Там ветку от святой
Оливы оторвал он;
На шлем железный свой
Ту ветку навязал он.

Ту ветку посадил
Сам в землю он родную
И часто приносил
Ей воду ключевую.

Он стал старик седой,
И сила мышц
пропала;
Из ветки молодой
Олива деревом стала.

Под нею часто он
Сидит, уединенный,
В невыразимый сон
Душою погруженный.

Над ним как друг
стоит,
Обняв его седины,
И ветвями шумит
Олива Палестины;

И, внемля ей во сне,
Вздыхает он глубоко
О славной старине
И о земле далекой.

В примечании к этой балладе В. И. Коровин пишет: «Баллада „Старый рыцарь“ является вольным переводом стихотворения Уланда¹ „Боярышник графа Эбергарда“. В основу положен рассказ о путешествии графа Эбергарда в Палестину, откуда он привез ветвь боярышника (у Жуковского — ветвь оливы). Жуковский опустил все имена и устранил подробности, придав балладе обобщенное лирико-романтическое звучание. Высказывалось мнение, что перевод Жуковского оказал влияние на стихотворение М. Ю. Лермонтова „Ветка Палестины“».

Баллада Жуковского положена на музыку композитором А. С. Аренским.

? Вопросы и задания

- вспомните определение баллады. Понравилась ли вам баллада? Как вы поняли первую строку произведения?
- Какие подвиги совершал рыцарь?
- Как вы думаете, почему Жуковский опустил все подробности, устранил все имена? Чего этим достиг поэт?
- Какое настроение создается благодаря введению устаревших слов (*бранный, внемля, деревом, обетованной* и др.)?

¹ *Уланд Людвиг* (1787—1862) — немецкий поэт, драматург, историк литературы.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

(1799—1837)

Известно, что в детстве А. С. Пушкин слушал народные сказки, которые сказывали ему бабушка и няня Арина Родионовна. В проспекте музея А. С. Пушкина «Захарово. Большие Вяземы» читаем: «В Захарове, имени своей бабушки Марии Алексеевны Ганнибал... маленький Пушкин провел почти шесть лет с ранней весны до поздней осени с 1805 по 1810 г., т. е. до поступления в Лицей. Здесь он впервые познакомился с красотой сельской природы, услышал крестьянские песни, увидел народные хороводы, познал материнскую ласку. Здесь впервые услышал волшебные сказки Арины Родионовны». Рассмотрите пейзажи Захарова и его окрестностей. В школьном энциклопедическом словаре «А. С. Пушкин» о сказках вы прочитаете такие слова:

«Сказка сопровождала Пушкина во всем его творчестве. Сказкой была его первая поэма „Руслан и Людмила“. В начале 1830-х гг. появляется сказка об Илье Муромце.

В третьей части „Стихотворений Александра Пушкина“ (1832) была напечатана „Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди“. Чуть позже появились в печати другие сказки Пушкина. Но на десятилетия затянулось непризнание сказок, так как в традиционном представлении народное творчество было „объектом“ собирания и умиления, домашней экзотикой. Пушкин был первым, кто обратился к народному творчеству, ибо он первый увидел в народе активного участника исторического процесса.

В пушкинских сказках широта, размах, мудрость, яркая определенность красок, непосредственность высказывания — все качества, присущие народному творчеству, предстали в форме личных качеств рассказчика». *(В. Непомнящий)*

Перечитайте сказки Пушкина, убедитесь в том, как близки они народным, как много они вобрали в себя и из зарубежного опыта создания сказок (сказок братьев

«Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она. —
Крепко связаны ей локти;
Попадетя зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть.

ЛЕГЧЕ БУДЕТ
УМЕРЕТЬ».

А. С. Пушкин. «Сказка о мертвой царевне
и о семи богатырях». Худ. Т. Маврина

Гримм, например «Белоснежка и семь гномов»). Подумайте, что вошло в «Сказку о мертвой царевне...» из сказок няни, сказок братьев Гримм и что отличает ее от всех других.

В статье известного фольклориста М. Азадовского (см. книгу «Сказки Пушкина в школе» / Сост. В. Я. Коровина. — М.: Просвещение, 1972) дано сопоставление сюжетов няниной сказки о мертвой царевне и сказки братьев Grimm о Белоснежке:

«Текст записи Пушкиным няниной сказки:

„Царевна заблудилась в лесу. Находит дом пустой, убирает его. 12 братьев приезжают. „Ах, — говорят, — тут был кто-то, али мужчина, али женщина; коли мужчина, будь нам отец родной али брат названный; коли женщина, будь нам мать али сестра...“ Сии братья враждуют с другими 12 богатырями. Уезжая, они оставляют сестре платок, сапог и шапку: „Если кровью нальются, то не жди нас“. Приезжая назад, спят они сном богатырским: 1) раз 12 дней, 2) — 24, 3) — 31 [может быть, описка: 36?]. Противники приезжают и пируют. Она подносит им сонных капель... и проч.

Мачеха ее приходит в лес под видом нищенки — собаки ходят на цепях и не подпускают ее. Она дарит царевне рубашку, которую та, надев, умирает. Братья хоронят ее в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам. Царевич влюбляется в ее труп и проч., и проч.».

Схема сюжета «Белоснежки»:

«1. Красота героини, белой как снег и румяной как кровь. 2. Зависть мачехи, обладающей волшебным зеркальцем. 3. Мачеха приказывает слугам убить героиню; слуга уводит ее в лес, но там щадит ее. 4. Мачеха отыскивает ее и пытается умертвить посредством отравленного пояса, гребня, яблока... 5. Карлики (или разбойники), приютившие у себя Белоснежку, кладут мертвую девушку в стеклянный гроб. 6. Королевский сын находит гроб и пробуждает девушку к жизни. 7. Наказание злой мачехи».

? Подумаем вместе

Какая запись больше соответствует сюжету пушкинской сказки? В какой из них есть мотив рождения дочери? мотив зависти? Где присутствуют семь богатырей, витязей, гномов?

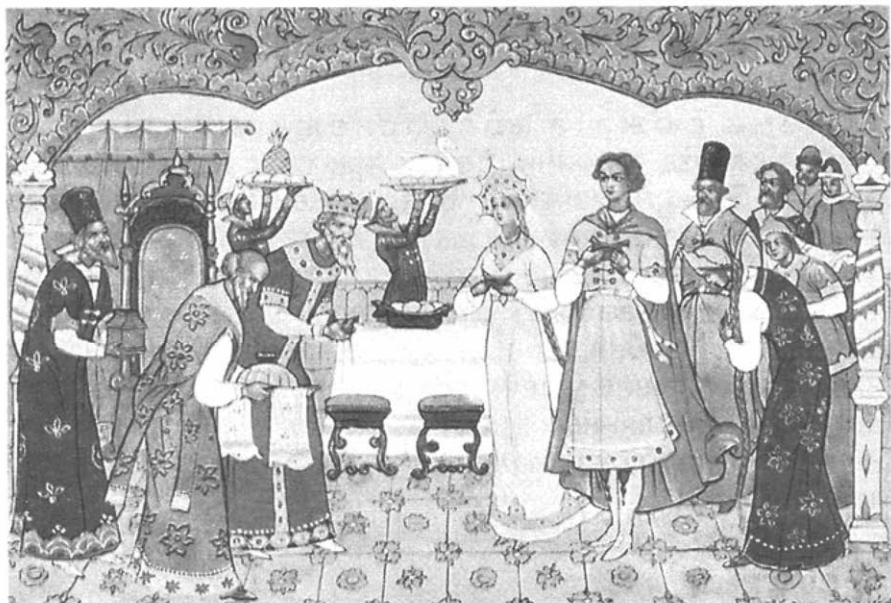
Литературовед В. С. Непомнящий, восхищаясь пленительной красотой пушкинской сказки о мертвой царевне и внутренней красотой главной героини, пишет: «Сказки Пушкина — тайна; особенно для того, кто берется их анализировать. Они ошеломляют сочетанием бесшабашного азартного простодушия, классической строгости и глубокой, почти скорбной серьезности и ускользают, как ускользает горизонт. Их дразнящая простота подвергает порой в отчаяние...»

В самом деле, перечитывая пушкинские сказки, важно всегда помнить, что каждое новое их прочтение, особенно «Сказки о мертвой царевне...», — это каждый раз открытие новой тайны пушкинских сказок.

Главное для читателя — никогда не уставать открывать эти тайны, желать все новых и новых открытий.

? Перечитаем «Сказку о мертвой царевне...» и подумаем над ее тайнами...

- Что хочет сказать поэт о настроении царицы, когда в самом начале описывает снежный пейзаж?
- Что значит слово «другая», с которого начинается описание новой царицы, царицы-мачехи?
- Почему после рассказа о мачехе, ее характере и красоте сообщение о царевне начинается со слова «но»? Как мы называем этот союз?
- Случайно ли слово «тихомолком» в предложении «Но царевна молодая / Тихомолком расцветая...»? Что хочет сказать этим автор?

А. С. Пушкин. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». Худ. А. Куркин

- Какая мелодия сопровождает описание внешнего вида царицы-мачехи и царевны? О чем это говорит?
- Проследите, как называет поэт мачеху на протяжении всей сказки. Как вы это объясните?
- Что вы можете сказать о поведении царевны в доме богатырей — как она знакоилась с домом? Как встретила богатырей? Чем интересна ее речь, ее движения?
- Какие детали терема говорят о том, что в нем «люди добрые живут»?
- Что делала царевна в доме богатырей и почему она им понравилась?
- Чем сходны мачеха и царевна и чем различны? Подтвердите примерами из текста.
- Как разыскивал Елисей царевну? Какие слова передают его волнение и напряжение?
- Какие строки передают предельное напряжение и сообщение о том, что царевна пропала, и какие — радость от того, что она жива? Прочитайте их вслух. Какие чувства они вызывают у читателя?
- Как заканчивается сказка и в чем ее близость к народным сказкам?
- Рассмотрите рисунки, иллюстрации к «Сказке о мертвой царевне...». Определите, какие эпизоды проиллюстрированы художниками.
- Какие художники и их иллюстрации понравились вам в большей степени? Как вы это объясните?
- Прочитайте сказку «Белоснежка и семь гномов» братьев Гримм, сопоставьте ее со «Сказкой о мертвой царевне...». Что в них общего, чем они различаются?

ЗАХАРОВО

Захарово и Вяземы часто называют «детской» пушкинского дома. Это, пожалуй, единственные места, которые помнят маленького Пушкина и которые питали истоки его гения.

В Захарове можно побродить по старинному парку, увидеть пруд, воспетый Пушкиным в «Послании к Юдину»:

Мне видится мое селенье,
 Мое Захарово; оно
 С заборами в реке волнистой,
 С мостом и рощею тенистой
 Зерцалом вод отражено...

Именно в Захарове А. С. Пушкин провел детские годы, впечатления от которых стали истоком его творче-

Государственный историко-литературный
музей-заповедник А. С. Пушкина
(Захарово — Большие Вяземы). Московская область

Звонница Преображенской церкви

Преображенская церковь

ства. В подмосковной бабушкиной усадьбе маленький Пушкин, домашнее воспитание которого велось на французском языке, впервые ощутил красоту русской природы и русского народа. Он слышал народные песни, былины, пословицы, наблюдал хороводы, которые водили деревенские девушки, играл в разбойники с деревенскими мальчишками. На всю жизнь запомнились будущему поэту сказки Арины Родионовны и прогулки с дядькой Никитой Козловым.

(Из проспекта Государственного историко-литературного музея-заповедника А. С. Пушкина (Вяземы — Захарово))

Один из памятных знаков о пребывании
А. С. Пушкина в Захарове

? Вопросы и задания

- Что добавляет к вашим знаниям о детстве А. С. Пушкина этот рассказ о музее в Захарове?
- Рассмотрите пейзажи подмосковного Захарова и расскажите о них.

ПРОЛОГ К ПОЭМЕ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА» «У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНый...»

Рассмотрите рисунки к «Руслану и Людмиле», подготовьте рассуждение или рассказ по каждой из иллюстраций. Иллюстрация какого художника кажется вам наиболее интересной и наиболее близкой к пушкинскому тексту?

А. С. Пушкин. «Руслан и Людмила». Худ. Н. Рамазанов

А. С. Пушкин. «Руслан и Людмила». Худ. М. Алексеев

А. С. Пушкин. «Руслан и Людмила». Худ. М. Алексеев

А. С. Пушкин. «Руслан и Людмила». Худ. Т. Маврина

1. Из какого произведения эти строки?

«Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя...»

«Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла...»

«Сват приехал, царь дал слово,
И приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов...»

2. О чьей жизни рассказывает А. С. Пушкин в этих строк

«А хозяйшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит,
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни...»

«Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись гляючи,
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьется выюга...»

3. Кто изображен А. С. Пушкиным в этих строках?

Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла...»

«...Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела...»

«К красну солнцу наконец
Обратился молодец:
„Свет наш солнышко! Ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой“ ...»

4. В каком произведении А. С. Пушкина изображены эти картины природы?

«...Вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля...»

5. Иллюстрации каких художников к произведениям А. С. Пушкина вам известны? Что в них вас особенно привлекает? Расскажите о художниках, иллюстрировавших произведения А. С. Пушкина.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814—1841)

ТАРХАНЫ

В Тарханах, имении бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, М. Ю. Лермонтов провел детские и отроческие годы.

В Тарханах впервые детскому взору будущего поэта открылся прекрасный мир природы, «Ее степей холодное молчанье, Ее лесов безбрежных колыханье, Разливы рек ее, подобные морям». Здесь он услышал народ-

М. Ю. Лермонтов в детстве.
Неизвестный художник

М. Ю. Лермонтов.
Худ. П. Заболотский

Тарханы. Музей-заповедник М. Ю. Лермонтова

ные песни и сказки, «в которых, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности».

Без тарханских впечатлений не могло быть ни «Бородина», ни «Песни про... купца Калашникова», ни «Родины». На здешнем материале создавались драмы «Люди и страсти», «Станный человек», «Я хочу рассказать вам...», автобиографическая повесть, роман «Вадим», стихотворения «Жалобы турка», «Предсказание», «Когда волнуется желтеющая нива...», «1-е января», «Весна». В них отразились биографические моменты жизни поэта и его любовь к родному краю, Тарханам. Летом 1828 года здесь написана поэма «Черкесы», а зимой 1836-го Лермонтов работал над драмой «Два брата», поэмой «Сашка», стихотворением «Умиравший гладиатор».

Тарханы были для Лермонтова родным домом. Сюда стремился он, их вспоминал в шуме праздной великосветской толпы и в трудную минуту, ожидая наказания за стихотворение «Смерть Поэта».

Классная комната М. Ю. Лермонтова

* * *

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Комната М. Ю. Лермонтова

Памятник на могиле
М. Ю. Лермонтова

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

Здесь, в Тарханах, мечтал поэт обрести и вечный покой.

Юношеское предсказание Лермонтова исполнилось. Он похоронен в Тарханах: рядом с бывшей сельской церковью Михаила Архангела стоит небольшая часовня, в ней памятник черного мрамора с короткой надписью «Михаил Юрьевич Лермонтов». По узкой лестнице можно спуститься в подземелье и при мерцающих свечах постоять у свинцового гроба поэта.

Фамильная часовня Арсеньевых.
Здесь похоронен М. Ю. Лермонтов

А над часовней шумит могучий дуб, и невольно вспоминаются строки одного из последних лермонтовских стихотворений:

Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

С 1934 года тарханская усадьба объявлена музеем, который был открыт через пять лет. В бывшем барском доме сейчас размещена экспозиция «Лермонтов в Тарханах», рассказывающая о жизни поэта: в комнатах воссоздана обстановка, в которой Лермонтов вырос; экспонаты комнат первого этажа рассказывают о детских годах поэта, о том, как отразились в его произведениях ранние впечатления (смерть матери, разлука с отцом, рассказы дворовых и родных о войне с французами и восстании декабристов).

Мемориальные вещи М. Ю. Лермонтова, подлинник его картины «Кавказский вид близ селения Сиони», книги, которые читал поэт, можно увидеть в экспозиции комнат мезонина.

Рядом с домом здание церкви Марии Египетской, где будущий поэт бывал на богослужениях, крестил крестьянских ребятишек. О трудной жизни, о жизнелюбии и талантливости тарханских крестьян рассказывает экспозиция дома ключника. В ней представлен богатый этнографический материал, собранный в селе. Тема народа, Родины, нашедшая отражение в произведениях Лермонтова, раскрыта в экспозиции «Люблю отчизну я...».

Тысячи людей приезжают ежегодно в Тарханы — страну детства Лермонтова, приезжают, чтобы прикоснуться к источнику «силы благодатной» его поэзии, пережить чувство причастности к этому чуду.

? Рассмотрим фотографии...

Рассмотрите фотографии лермонтовских мест и репродукцию его картины. Расскажите, с каким периодом жизни поэта они связаны. Подготовьте рассказ о поэте, включив в него описание Тархан и домика Лермонтова в Пятигорске:

«Барский дом был похож на все барские дома: деревянный, с мезонином, выкрашенный желтой краской».

«Кавказский вид близ селения Сиони».
Картина М. Ю. Лермонтова

Пятигорск. Домик М. Ю. Лермонтова

«Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе».

АШИК-КЕРИБ

Турецкая сказка

Давно тому назад, в городе Тифлизе, жил один богатый турок; много Аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери; хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза. Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего, кроме высоко-

го сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; на одной свадьбе он увидел Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку — и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечника), отстала и подошла к нему: «Что ты спишь под виноградником, — запела она, — вставай, безумный, твоя газель идет мимо»; он проснулся — девушка порхнула прочь, как птичка; Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить. «Если б ты знала, — отвечала та, — кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб». — «Веди меня к нему», — сказала Магуль-Мегери; и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. «Как мне не грустить, — отвечал Ашик-Кериб, — я тебя люблю, — и ты никогда не будешь моею». — «Проси мою руку у отца моего, — говорила она, — и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет». — «Хорошо, — отвечал он, — положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан; нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею». Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уже за нее сватается.

М. Ю. Лермонтов. «Ашик-Кериб». Худ. В. Конашевич

Пришел Ашик-Кериб к своей матери, взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, — он смотрит — это Куршуд-бек. «Добрый путь, — кричал ему бек, — куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ»; не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать; долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду. «Плыви вперед, — сказал Куршуд-бек, — я за тобою последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл; переправившись, глядь назад — о горе! о всемогущий Аллах! Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю. Прискакав в Тифлиз, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери: «Твой сын утонул в глубокой реке, — говорит он, — вот его одежда». В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сы-

на и стала обливаться их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул, — сказала она ей, — Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: «Не верь, это все выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем», — она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за то пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город; и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф¹; по обыкновению, вошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша², большой охотник до пельсеньников; многих к нему приводили — ни один ему не понравился; его чауши³ измучились, бегая по городу; вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос; они туда. «Иди с нами к великому паше, — закричали они, — или ты отвечаешь нам головою». — «Я человек вольный, странник из города Тифлиза, — говорит Ашик-Кериб, — хочу пойду, хочу нет; пою, когда придется, и ваш паша мне не начальник». Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. «Пой», — сказал паша, и он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нем богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался

¹ Халаф (Халап, Халеб, или, как его еще называют, Алеппо) — название города в Сирии.

² Паша — высший сановник в Турции.

³ Чауш — младший чин в турецкой армии.

очень богат; забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал; последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться; в это время отправляется один купец с керваном¹ из Тифлиза с сорока верблюдами и восьмьюдесятью невольниками; призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо. «Возьми ты это блюдо, — говорит она, — и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом». Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай² — и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. «Это мое», — сказал он, схватив его рукою. «Точно, твое, — сказал купец, — я узнал тебя, Ашик-Кериб; ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого». В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дни до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами и поскакал, не жалея коня; наконец измученный бегун упал бездыханный на Арзинган-горе³, что между Арзиньяном⁴ и Арзерумом⁵. Что ему было делать: от Арзинья-

¹ *Керван* — караван.

² *Караван-сарай* — торговое подворье на Востоке, постоянный двор со складом для товаров.

³ *Арзинган-гора* находится вблизи города Эрзинджана.

⁴ *Арзиньян* (Эрзинга, Эрзинджан) — город в Турции.

⁵ *Арзерум*, или *Эрзрум*, — город, находящийся ныне на территории Турции.

М. Ю. Лермонтов. «Ашик-Кериб». Худ. Е. Лансере

на до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дни. «Аллах всемогущий, — воскликнул он, — если ты уж мне не помогаешь, то мне нечего на земле делать», — и хочет он броситься с высокого утеса; вдруг видит внизу человека на

белом коне и слышит громкий голос: «Оглан, что ты хочешь делать?» — «Хочу умереть», — отвечал Ашик. «Слезай же сюда, если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утеса. «Ступай за мною», — сказал грозно всадник. «Как я могу за тобою следовать, — отвечал Ашик, — твой конь летит, как ветер, а я отягощен сумою». — «Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй». Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать. «Что ж ты отстаешь?» — спросил всадник. «Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен». — «Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать». — «Хоть бы в Арзерум поспеть нонче», — отвечал Ашик. «Закрой же глаза»; он закрыл. «Теперь открой». Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты¹ Арзрума. «Виноват, Ага, — сказал Ашик, — я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс». — «То-то же, — отвечал всадник, — я предупредил тебя, чтоб ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза, — теперь открой». Ашик себе не верит — то, что это Карс. Он упал на колени и сказал: «Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб, но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня; мне по-настоящему надо в Тифлиз». — «Экой ты, неверный, — сказал сердито всадник, — но, нечего делать, прощаю тебе: закрой же глаза. Теперь открой», — прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь бу-

¹ *Минареты* — башни около мечетей, с которых муэдзины призывают правоверных мусульман на молитву.

ду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство». — «Наклонись, — сказал тот, улыбнувшись, — и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху; и тогда если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза — и она увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой; стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори: я Божий гость, я холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных, есть теперь в городе свадьбы — ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии». — «Ана, — отвечал он, — я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сынапусти меня». Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему двери». — «Негодная, — отвечала старуха, — ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение». Но дочь, не вникая ее упрекам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба: сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться: и видит он — на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз. И стал он спрашивать у матери: «Что висит у тебя на стене?» — «Любопытный ты гость, — отвечала она, — будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с Богом». — «Я уж сказал тебе, — возразил он, —

что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?» — «Это сааз, сааз», — отвечала старуха сердито, не веря ему. «А что значит сааз?» — «Сааз то значит, что на нем играют и поют песни». И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. «Нельзя, — отвечала старуха, — это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет он висит на стене и ничья живая рука до него не дотрагивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему; тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О! всемогущий Аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то мой семиструнный сааз будет так же строен, как в тот день, когда я в последний раз играл на нем». И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб (нищий) — и слова мои бедны; но великий Хаде-рилиаз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: «Как тебя зовут?» — «Рашид (храбрый)», — отвечал он. «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, — сказала она, — своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет я ослепла от слез; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?» — И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: «Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и все, что получу, принесу сюда и разделю с вами». — «Не позволю, — отвечала старуха, — с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходил из дому». Но он стал клясться, что

не повредит ни одной струны, — «а если хоть одна струна порвется, — продолжал Ашик, — то отвечаю моим имуществом». Старуха оцупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его; проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршудбека. Куршудбек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой — острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршудбека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: «Селям алейкюм: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню». — «Почему же нет, — сказал Куршудбек. — Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Куршудбек спросил его: «А как тебя зовут, путник?» — «Шинды-Гёрурсез (скоро узнаете)». — «Что это за имя, — воскликнул тот со смехом. — Я первый раз такое слышу!» — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь Бог ей дал: им отвечали — шинды-гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя». — Потом он взял сааз и начал петь:

«В городе Халафе я пил мисирское вино, но Бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в три дни».

Брат Куршудбека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжешь; как можно из Халафа приехать сюда в три дни?»

«За что ж ты меня хочешь убить, — сказал Ашик, — певцов обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; а я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте».

«Пускай продолжает», — сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

«Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай Бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям (Создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери».

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. «Так-то ты сдержала свою клятву, — сказали ее подруги, — стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека». — «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», — отвечала Магуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула, бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, примолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

Придя в чувство, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

«Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, — сказал жених, — но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?» — «В доказательство истины, — отвечал Ашик, — сабля моя перерубит камень, если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, кото-

М. Ю. Лермонтов. «Ашик-Кериб». Худ. В. Конашевич

рая бы семь лет уж не видала свету Божьего, и я возвращу ей зрение». Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! — закричала она, — это точно брат и точно твой сын Ашик-Кериб», — и, взяв ее под руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комочек земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвля: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадерилияз», — и мать его прозрела. После этого никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак, возьми ее за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».

Сказка «Ашик-Кериб» была написана в 1837 году, в период первой ссылки Лермонтова на Кавказ. В это время поэт интересовался местным восточным фольклором и начал изучать татарский язык. Текст «Ашик-Кериба» представляет собой не вполне обработанную поэтом запись народной сказки. Кто рассказал Лермонтову «турецкую сказку», на каком языке и кто перевел, остается неизвестным. Сюжет сказки об Ашик-Керибе — одна из многочисленных вариаций сюжетов «возвращения мужа», «муж на свадьбе у жены». Иногда муж, как в сказке Лермонтова, заменяется женихом. Сказки об Ашик-Керибе очень популярны не только у турок, но и у других народов Востока. Это объясняет то, что в сказке встречаются не только турецкие слова, но и арабские, азербайджанские, иранские и др. Так, имя Ашик дано в азербайджанской форме. По-арабски оно означает «влюбленный», а у турок, азербайджанцев переводится как «лирический певец» (трубадур). Слово «Кериб» (по-турецки — Гариб) означает «чужеземец», «скиталец», «бедняк». Среди других азербайджанских слов — «бек» («князь», «господин»), «оглан» («сын», «парень»), «шиндыгёрурсез» (правильно: «шинди горурсукуз» — «скоро увидите», «скоро узнаете»). Турецкими являются имя Аяк-Ага, слово «чауш» («сержант», «унтер-офицер», «сторож»). Иранскими — Куршуд-бек (правильнее: Хуршуд-бек), по-ирански: «князь солнца». Типичный арабизм — имя Маулям («Создатель»). В арабской огласовке употреблено и название города Алеппо (Халаф, по-арабски — Халяп). Сочетание арабских и иранских элементов наблюдается в имени Магуль-Мегери («Луна любви»), в словах «шах-валат» («шах-вилаети») — шахская область, «керван» («караван»), «караван-сарай» — двор, где останавлива-

ются караваны. Имя Хадерилияз (у Лермонтова в записи — Хадерилияз, Хадрилияз) — соединение имен двух пророков — Хызра (Хидра, аль-Хадира) и Илиаса (Ильи). В некоторых легендах, которые приведены в Энциклопедии ислама, эти пророки действуют совместно. При этом, как отмечено в литературе, характерной чертой аль-Хадира является свершение добра, выступающее вначале как жестокость (ср. у Лермонтова: «Слезай же сюда, если так, я тебя убью...», «„Ступай за мною“, — сказал грозно всадник»). Имя Хадерилияз объяснено Лермонтовым как «святой Георгий». Такое смешение свойственно фольклору некоторых кавказских народов. Стало быть, в сказке воспроизведен турецкий фольклор, имеющий много общего с фольклором восточных народов вообще, но рассказана сказка, вероятнее всего, местным ашугом, азербайджанцем по происхождению. Лермонтов сумел точно передать сюжет и сохранить многие черты устной передачи.

? Вопросы и задания

- О каких героях рассказывает сказка «Ашик-Кериб»? Назовите их имена.
- Какие приключения пришлось пережить Ашик-Керибу и почему? Какие свойства характера он проявил при этом?
- Расскажите о каждом из героев, подчеркнув при этом собственное отношение к ним.

ВИКТОРИНА

1. Какими искусствами увлекался Лермонтов в детстве?
2. О каком герое какого произведения говорится?

«Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...»

3. Из какого произведения слова?

«Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...»

«Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали...»

4. Какими словами полковник в стихотворении Лермонтова «Бородино» поднял солдат на битву?
5. Как описывается бой в стихотворении «Бородино»? Прочитайте наизусть эти строфы.
6. Кто герои сказки М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб»?
7. Как начинается и завершается сказка?

ПРОДОЛЖАЕМ ЗНАКОМИТЬСЯ С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКОЙ

Народная сказка сыграла большую роль в развитии русской литературы. Сказочные мотивы можно встретить в рукописных книгах XV—XVII веков. Но подлинно широкий интерес к фольклору, к истории национальной культуры возникает в России со второй половины XVIII века.

Сказочная стихия проникала во все жанры литературы — поэму, повесть, роман. Почти все русские писатели отдавали дань сказке: Жуковский и Пушкин, Гоголь и Одоевский, Толстой и Салтыков-Щедрин, Лесков и Куприн. Всех не перечесать... Легко воспринимаемая воображением сказка способствовала воспитанию гуманизма и благородства, заставляла внимательно вглядываться в окружающую жизнь. Так, в конце XVIII века большой известностью в России пользовалась «Сказка о царевиче Хлоре», написанная Екатериной II для своего внука Александра... Она повествует о древних временах полулегендарного основателя Кия, когда правил на земле царь, желавший всем людям добра. Его малолетний сын — царевич Хлор славился по свету своим умом. Однажды он был похищен киргизским ханом, прослышавшим об уме и красоте мальчика и пожелавшим испытать его: хан посылает Хлора отыскать розу без шипов (символ благородства). Справиться с этой задачей царевичу помогает ханская дочь Фелица. Ее сын Рассудок наставляет царевича идти прямой дорогой, не ища обходов и легких путей. Хлор достигает вершины высокой горы, где растёт роза без шипов.

Восхвалению вечной душевной красоты в противовес физической посвящена сказка В. А. Жуковского

«Три пояса». Переплетение реальной жизни с таинственным и волшебным миром подземного королевства мы видим в замечательной сказке Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители», фантастическая образность которой и отдельные эпизоды напоминают гофманского Щелкунчика. История мальчика Алеши и курицы Чернушки (министра подземного королевства) поучительна. Но достоинство сказки не только в ее нравоучительном сюжете, но и в поэтичности того очаровательного мира, куда попадает мальчик.

По мотивам турецкой сказки, повествующей о силе любви и искусства, создана сказка М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб». Замечательный русский писатель С. Т. Аксаков включает в свое повествование сказку ключницы Пелагеи «Аленький цветочек», вошедшую наряду с «Черной курицей» Погорельского и «Городком в табакерке» Одоевского в золотой фонд детской литературы.

Лучшие образцы литературной сказки свидетельствуют о том, что это настоящая художественная литература.

Н. Листикова

Вы читали и обсуждали тексты литературных сказок А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова «Сказка о мертвой царевне...», «Ашик-Кериб». Прочитайте литературные сказки В. М. Гаршина «Лягушка-путешественница», «То, чего не было».

ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ ГАРШИН **(1855—1888)**

Автобиография

Род Гаршиных — старый дворянский род. По семейному преданию, наш родоначальник мурза Горша, или Гарша, вышел из Золотой Орды при Иване III и крестился; ему или его потомкам были даны земли в ны-

нешней Воронежской губернии, где Гаршины благополучно дожили до нынешних времен и даже остались помещиками в лице моих двоюродных братьев, из которых я видел только одного, да и то в детстве. О Гаршиных много сказать не могу. Дед мой Егор Архипович был человек крутой, жестокий и властный: порол мужиков, пользовался правом *primaе postis* и *выливал кляпком* фруктовые деревья непокорных однодворцев. Он судился всю жизнь с соседями из-за каких-то подтопов мельниц и к концу жизни сильно расстроил свое крупное состояние, так что отцу моему, одному из четверых сыновей и одиннадцати или двенадцати детей, досталось только семьдесят душ в Старобельском уезде. Станным образом отец мой был совершенною противоположностью деду: служа в кирасирах (в Глуховском полку) в николаевское время, он никогда не бил солдат; разве уж когда очень рассердится, то ударит фуражкой. Он кончил курс в 1-й Московской гимназии и пробыл года два в Московском университете на юридическом факультете, но потом, как он сам говорил, «увлекся военной службой» и поступил в кирасирскую дивизию. Квартирюя с полком на Донце и ездя с офицерами по помещикам, он познакомился с моею матерью, Екатериной Степановной, тогда еще Акимовою, и в 1848 г. женился.

Ее отец, помещик Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, отставной морской офицер, был человек очень образованный и редко хороший. Отношения его к своим крестьянам были так необыкновенны в то время, что окрестные помещики прославили его опасным вольнодумцем, а потом и помешанным. Помешательство его состояло, между прочим, в том, что в голод 1843 г., когда в тех местах чуть не полнаселения вымерло от голодного тифа и цинги, он заложил имение, занял денег и сам привез «из России» большое количество хлеба, которое и роздал даром голодавшим мужикам, своим и чужим. К сожалению, он умер очень рано, оставив пятерых детей; старшая, моя мать, была еще девочкой, но его заботы о воспитании ее

принесли плоды — и после его смерти по-прежнему выписывались учителя и книги, так что ко времени выхода замуж моя мать сделалась хорошо образованной девушкой по тогдашнему времени, а для глухих мест Екатеринославской губернии даже редко образованной.

Я родился третьим (в имени бабушки, в Бахмутском уезде), 2 февраля 1855 г., за две недели до смерти Николая Павловича. Как сквозь сон помню полковую обстановку, огромных рыжих коней и огромных людей в латах, белых с голубым колетах и полосатых касках. Вместе с полком мы часто переезжали с места на место; много смутных воспоминаний сохранилось в моей памяти из этого времени, но рассказать я ничего не могу, боясь ошибиться в фактах. В 1858 г. отец, получив наследство от умершего деда, вышел в отставку, купил дом в Старобельске, в 12-ти верстах от которого было наше имение, и мы стали жить там. Во время освобождения крестьян отец участвовал в харьковском комитете, членом от Старобельского уезда. Я в это время выучился читать; выучил меня по старой книжке «Современника» (статьи не помню) наш домашний учитель П. В. Завадский, впоследствии сосланный за беспорядки в Харьковском университете в Петрозаводск и теперь уже давно умерший.

Пятый год моей жизни был очень бурный. Меня возили из Старобельска в Харьков, из Харькова в Одессу, оттуда в Харьков и назад в Старобельск (все это на почтовых, зимою, летом и осенью); некоторые сцены оставили во мне неизгладимое воспоминание и, быть может, следы на характере. Преобладающее на моей физиономии печальное выражение, вероятно, получило свое начало в эту эпоху.

Старших братьев отправили в Петербург; матушка поехала с ними, а я остался с отцом. Жили мы с ним то в деревне, в степи, то в городе, то у одного из моих дядей в Старобельском же уезде. Никогда, кажется, я не перечитал такой массы книг, как в три года жизни с отцом, от пяти до восьмилетнего возраста. Кроме

разных детских книг (из которых особенно памятен мне превосходный «Мир Божий» Разина), я перечитал все, что мог едва понимать из «Современника», «Времени» и других журналов за несколько лет. Сильно на меня подействовала Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» и «Жизнь негров». До какой степени свободен был я в чтении, может показать факт, что я прочел «Собор Парижской Богоматери» Гюго в семь лет (и перечитав его в 25, не нашел ничего нового), а «Что делать?» читал по книжкам в то самое *время, когда Чернышевский сидел в крепости*. Это раннее чтение было, без сомнения, очень вредно. Тогда же я читал Пушкина, Лермонтова («Герой нашего времени» остался совершенно непонятным, кроме Бэлы, об которой я горько плакал), Гоголя и Жуковского. В 1863 г. матушка приехала за мною из Петербурга и увезла с собою. 15 августа мы въехали в него после путешествия из Старобельска до Москвы на перекладных и от Москвы по железной дороге; помню, что Нева привела меня в неописанный восторг (мы жили на Васильевском острове), и я начал даже с извозчика сочинять к ней стихи, с рифмами «широка» и «глубока».

С тех пор я петербургский житель, хотя часто уезжал в разные места. Два лета провел у П. В. Завадского в Петрозаводске: потом одно на даче около Петербурга; потом жил в Сольце Псковской губернии около полугода; несколько лет живал по летам в Старобельске, в Николаеве, в Харькове, в Орловской губернии, на Шексне (в Кирилловском уезде). Последний мой отъезд из Петербурга был очень продолжителен: я прожил около полутора лет в деревне у одного из своих дядей, В. С. Акимова, в Херсонском уезде, на берегу Бугского лимана.

В 1864 г. меня отдали в 7-ю Санкт-Петербургскую гимназию в 12-ю линию Васильевского острова. Учился я вообще довольно плохо, хотя не отличался особою ленью: много времени уходило на постороннее чтение. Во время курса я два раза болел и раз остался в классе по лености, так что семилетний курс для меня

превратился в десятилетний, что, впрочем, не составило для меня большой беды, так как я поступил в гимназию девяти лет. Хорошие отметки я получал только за русские «сочинения» и по естественным наукам, к которым чувствовал сильную любовь, не умершую и до сих пор, но не нашедшую себе приложения. Математику искренно ненавидел, хотя трудна она мне не была, и старался по возможности избегать занятий ею. Наша гимназия в 1866 г. была преобразована в реальную гимназию и долго служила образцовым заведением для всей России. (Теперь она — 1-е реальное училище.) Мне редко случалось видеть воспитанников, которые сохраняли бы добрую память о своем учебном заведении: что касается до седьмой гимназии, то она оставила во мне самые дружелюбные воспоминания. К В. Ф. Эвальду (директор в мое время, директор и теперь) я навсегда, кажется, сохраню хорошие чувства. Из учителей я с благодарностью вспоминаю В. И. Геннинга (словесность) и М. М. Федорова (естественная история): последний был превосходный человек и превосходный учитель, к сожалению погубленный рюмочкой. Он умер несколько лет тому назад.

Начиная с 4-го класса я начал принимать участие (количественно, впрочем, весьма слабое) в гимназической литературе, которая одно время у нас пышно цвела. Одно из изданий «Вечерняя газета» выходило еженедельно, аккуратно в течение целого года. Сколько помню, фельетоны мои (за подписью «Агасфер») пользовались успехом. Тогда же под влиянием «Илиады» я сочинил поэму (гекзаметром) в несколько сот стихов, в которой описывался наш гимназический быт, преимущественно драки.

Будучи гимназистом, я только первые три года жил в своей семье. Затем мы с старшими братьями жили на отдельной квартире (им тогда было 16 и 17 лет); следующий год прожил у своих дальних родственников; потом был пансионером в гимназии: два года жил в семье знакомых петербургских чиновников и наконец был принят на казенный счет.

Перед концом курса я выдержал тяжелую болезнь, от которой едва спасся после полугодового лечения...

Не имея возможности поступить в университет, я думал сделаться доктором. Многие из моих товарищей (предыдущих выпусков) попали в Медицинскую академию и теперь доктора. Но как раз ко времени моего окончания курса Делянов подал записку покойному государю, что вот, мол, реалисты поступают в Медицинскую академию, а потом проникают из академии и в университет. Тогда было приказано реалистов в доктора не пускать. Пришлось выбирать какое-нибудь из технических заведений: я выбрал то, где поменьше математики, Горный институт. Я поступил в него в 1874 г. В 1876-м хотел уйти в Сербию, но, к счастью, меня не пустили, так как я был призывного возраста. 12 апреля 1877 г. я с товарищем (Афанасьевым) готовился к экзамену из химии; принесли манифест о войне. Наши записки так и остались открытыми: мы подали прошение об увольнении из института и уехали в Кишинев. В кампании я был до 11 августа, когда был ранен. В это время, в походе, я написал свою первую, напечатанную в «О<течественных> з<аписках>» вещь, «Четыре дня». Поводом к этому послужил действительный случай с одним из солдат нашего полка (скажу кстати, что сам я ничего подобного никогда не испытал, так как после раны был сейчас же вынесен из огня).

Вернувшись с войны, я был произведен в офицеры, с большим трудом вышел в отставку (теперь меня зачислили в запас). Некоторое время (полгода) слушал лекции в университете (по историко-филологическому факультету). В 1880-м заболел и по этому-то случаю и прожил долго в деревне у дяди. В 1882 г. вернулся в Петербург; в 1883-м женился на Н. М. Золотиловой, в том же году поступил на службу секретарем в железнодорожный съезд.

*23 августа 1884 г.
СПб.*

В. Гаршин

ЛЯГУШКА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Жила-была на свете лягушка-квакушка. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весною громко квакала вместе со своими подружками. И весь век она прожила бы благополучно — конечно, в том случае, если бы не съел ее аист. Но случилось одно происшествие.

Однажды она сидела на сучке высунувшейся из воды коряги и наслаждалась теплым мелким дождиком.

«Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! — думала она. — Какое это наслаждение — жить на свете!»

Дождик моросил по ее пестренькой лакированной спинке; капли его подтекали ей под брюшко и за лапки, а это было восхитительно приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, вспомнила, что была уже осень, и что осенью лягушки не квакают, — на это есть весна, — и что, заквакав, она может уронить свое лягушечье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нежиться.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья, рассекая воздух, точно поют, или, лучше сказать, посвистывают. Фью-фью-фью-фью — раздается в воздухе, когда летит высоко над вами стая таких уток, а их самих даже и не видно, так они высоко летят. На этот раз утки, описав огромный полукруг, спустились и сели как раз в то самое болото, где жила лягушка.

— Кря, кря! — сказала одна из них. — Лететь еще далеко: надо покушать.

И лягушка сейчас же спряталась. Хотя она и знала, что утки не станут есть ее, большую и толстую квакушку, но все-таки, на всякий случай, она нырнула под корягу. Однако, подумав, она решила высунуть из воды свою лупоглазую

В. М. Гаршин. «Лягушка-путешественница».
Худ. Г. Никольский

голову: ей было очень интересно узнать, куда летят утки.

— Кря, кря! — сказала другая утка, — уже холодно становится! Скорей на юг! Скорей на юг!

И все утки стали громко крякать в знак одобрения.

— Госпожи утки! — осмелилась сказать лягушка, — что такое юг, на который вы летите? Прошу извинения за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у них явилось желание съесть ее, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями:

— Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные теплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Они так кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убедила их замолчать и попросила одну из них, которая казалась ей толще и умнее всех, объяснить ей, что такое юг. И когда та рассказала ей о юге, то лягушка пришла в восторг, но в конце все-таки спросила, потому что была осторожна:

— А много ли там мошек и комаров?

— О! целые тучи! — отвечала утка.

— Ква! — сказала лягушка и тут же обернулась посмотреть, нет ли здесь подруг, которые могли бы услышать ее и осудить за кваканье осенью. Она уж никак не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разик. — Возьмите меня с собой!

— Это мне удивительно! — воскликнула утка. — Как мы тебя возьмем? У тебя нет крыльев.

— Когда вы летите? — спросила лягушка.

— Скоро, скоро! — закричали все утки. — Кря, кря! Кря! Кря! Тут холодно! На юг! На юг!

— Позвольте мне подумать только пять минут, — сказала лягушка, — я сейчас вернусь, я, наверное, придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлепнулась с сучка, на который было снова влезла, в воду, нырнула в тину и совершенно зарылась в ней, чтобы посторонние предметы не мешали ей размышлять. Пять минут прошло, утки совсем было собрались лететь, как

вдруг из воды, около сучка, на котором она сидела, показалась ее морда, и выражение этой морды было самое сияющее, на какое только способна лягушка.

— Я придумала! Я нашла! — сказала она. — Пусть две из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прицеплюсь за него посередине. Вы будете лететь, а я ехать. Нужно только, чтобы вы не кричали, а я не квакала, и все будет превосходно.

Хотя молчать и тащить хоть бы и легкую лягушку три тысячи верст не бог знает какое удовольствие, но ее ум привел уток в такой восторг, что они единодушно согласились нести ее. Решили переменяться каждые два часа, и так как уток было, как говорится в загадке, столько, да еще столько, да полстолько, да четверть столько, а лягушка была одна, то нести ее приходилось особенно часто. Нашли хороший, прочный прутик, две утки взяли его в клювы, лягушка прицепилась ртом за середину, и вся стая поднялась на воздух. У лягушки захватило дух от страшной высоты, на которую ее подняли; кроме того, утки летели неровно и дергали прутик: бедная лягушка болталась в воздухе, как бумажный пауч, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлепнуться на землю. Однако она скоро привыкла к своему положению и даже начала осматриваться. Под нею быстро проносились поля, луга, реки и горы, которые ей, впрочем, было очень трудно рассматривать, потому что, вися на прутике, она смотрела назад и немного вверх, но кое-что все-таки видела и радовалась и гордилась.

«Вот как я превосходно придумала», — думала она про себя. А утки летели вслед за несшей ее передней парой, кричали и хвалили ее.

— Удивительно умная голова наша лягушка, — говорили они, — даже между утками мало таких найдется.

Она едва удержалась, чтобы не поблагодарить их, но, вспомнив, что, открыв рот, она свалится со страшной высоты, еще крепче стиснула челюсти и решила терпеть. Она болталась таким образом целый день: несшие ее утки переменялись на лету, ловко подхватывая прутик; это было очень страшно: не раз лягушка чуть было не квакала от страха, но нужно было иметь присутствие духа, и она его имела. Вечером вся компания остановилась в каком-то болоте; с зарею утки с лягушкой снова пустились в путь, но на этот раз путешественница, чтобы лучше видеть, что делается на пути, прицепилась спинкой и головой вперед, а брюшком назад. Утки летели над сжатыми полями, над пожелтевшими лесами и над деревнями, полными хлеба в скирдах; оттуда доносился людской говор и стук цепов, которыми молотили рожь. Люди смотрели на стаю уток и, замечая в ней что-то странное, показывали на нее руками. И лягушке ужасно захотелось лететь поближе к земле, показать себя и послушать, что об ней говорят. На следующем отдыхе она сказала:

— Нельзя ли нам лететь не так высоко? У меня от высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мне вдруг сделается дурно.

И добрые утки обещали ей лететь пониже. На следующий день они летели так низко, что слышали голоса:

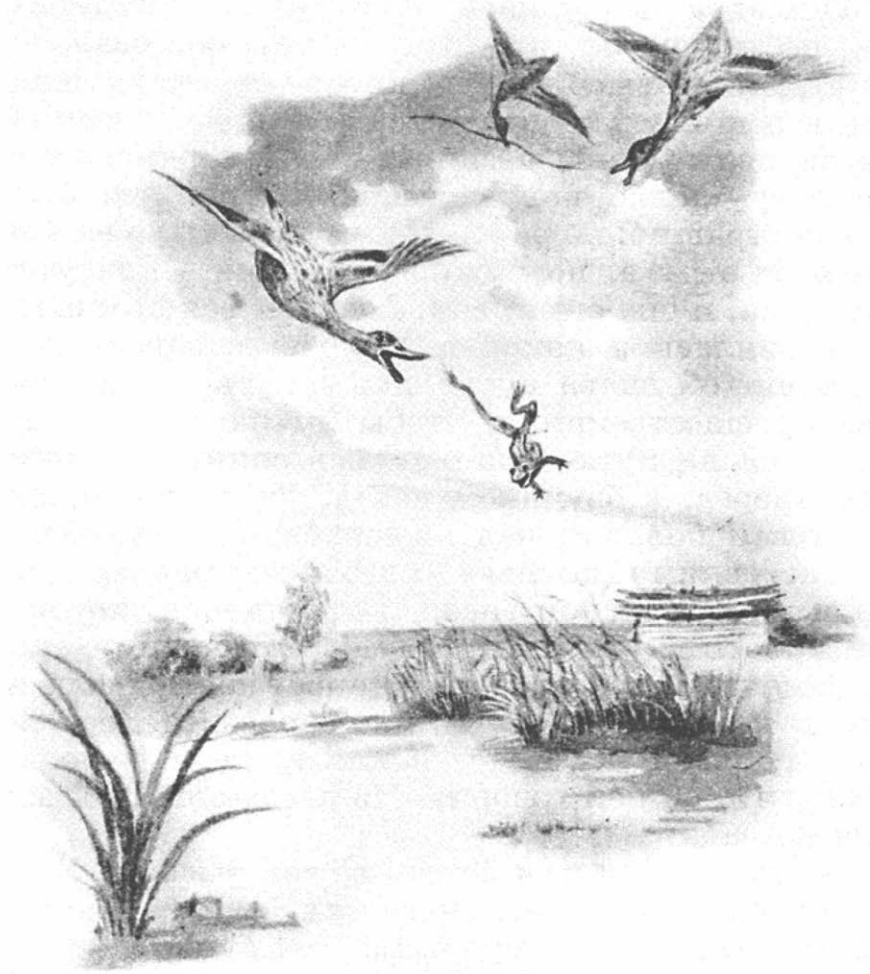
— Смотрите, смотрите, — кричали дети в одной деревне, — утки лягушку несут!

Лягушка слышала это, и у нее прыгало сердце.

— Смотрите, смотрите, — кричали в другой деревне взрослые, — вот чудо-то!

«Знают ли они, что это придумала я, а не утки?» — подумала квакушка.

— Смотрите, смотрите! — кричали в третьей деревне. — Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?

В. М. Гаршин. «Лягушка-путешественница».
Худ. Г. Никольский

Тут лягушка уж не выдержала и, забыв всякую осторожность, закричала изо всей мочи:
— Это я! я! я!

И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю. Утки громко закричали; одна из них хотела подхватить бедную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но так как утки летели очень быстро, то и она упа-

ла не прямо на то место, над которым закричала и где была твердая дорога, а гораздо дальше, что было для нее большим счастьем, потому что она бултыхнулась в грязный пруд на краю деревни.

Она скоро вынырнула из воды и тотчас же опять сгоряча закричала во все горло:

— Это я! Это я придумала!

Но вокруг нее никого не было. Испуганные неожиданным плеском, местные лягушки все спрятались в воду. Когда они начали показываться из нее, то с удивлением смотрели на новую.

И она рассказала им чудную историю о том, как она думала всю жизнь и наконец изобрела новый, необыкновенный способ путешествия на утках; как у нее были свои собственные утки, которые носили ее, куда ей было угодно; как она побывала на прекрасном юге, где так хорошо, где такие прекрасные теплые болота и так много мошек и всяких других съедобных насекомых.

— Я заехала к вам посмотреть, как вы живете, — сказала она. — Я пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила.

Но утки уж никогда не вернулись. Они подумали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалели ее.

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО

В один прекрасный июньский день, — а прекрасный он был потому, что было двадцать восемь градусов по Реомюру, — в один прекрасный июньский день было везде жарко, а на полянке в саду, где стояла копна недавно скошенного сена, было еще жарче, потому что место было закрытое от ветра густым-прегустым вишняком. Все почти спало: люди наелись и занимались послеобеденными боковыми занятиями; птицы примолкли, даже многие насекомые спрятались от жары. О домашних животных нечего и гово-

рить: скот крупный и мелкий прятался под навес; собака, вырыв себе под амбаром яму, улеглась туда и, полузакрыв глаза, прерывисто дышала, высунув розовый язык чуть не на пол-аршина; иногда она, очевидно, от тоски, происходящей от смертельной жары, так зевала, что при этом даже раздавался тоненький визг; свиньи, маменька с тринадцатью детками, отправились на берег и улеглись в черную жирную грязь, причем из грязи видны были только сопевшие и храпевшие свиные пяточки с двумя дырочками, продолговатые, облитые грязью спины да огромные повислые уши. Одни куры, не боясь жары, кое-как убивали время, разгребая лапами сухую землю против кухонного крыльца, в которой, как они отлично знали, не было уже ни одного зернышка; да и то петуху, должно быть, приходилось плохо, потому что иногда он принимал глупый вид и во все горло кричал: «какой ска-ан-да-ал!!»

Вот мы и ушли с полянки, на которой жарче всего, а на этой-то полянке и сидело целое общество неспавших господ. То есть сидели-то не все; старый гнедой, например, с опасностью для своих боков от кнута кучера Антона разгребавший копну сена, будучи лошадью, вовсе и сидеть не умел; гусеница какой-то бабочки тоже не сидела, а скорее лежала на животе: но дело ведь не в слове. Под вишнею собралась маленькая, но очень серьезная компания: улитка, навозный жук, ящерица, вышеупомянутая гусеница; прискакал кузнечик. Возле стоял и старый гнедой, прислушиваясь к их речам одним, повернутым к ним, гнедым ухом с торчащими изнутри темно-серыми волосами; а на гнедом сидели две мухи.

Компания вежливо, но довольно одушевленно спорила, причем, как и следует быть, никто ни с кем не соглашался, так как каждый дорожил независимостью своего мнения и характера.

— По-моему, — говорил навозный жук, — порядочное животное прежде всего должно заботиться о своем потомстве. Жизнь есть труд для будущего поколения. Тот, кто сознательно исполняет обязанности, возложенные на него природой, тот стоит на твердой почве: он знает свое дело, и, что бы ни случилось, он не будет в ответе. Посмотрите на меня: кто трудится больше моего? Кто целые дни без отдыха катает такой тяжелый шар — шар, мною же столь искусно созданный из навоза, с великой целью дать возможность вырасти новым, подобным мне, навозным жукам? Но зато не думаю, чтобы кто-нибудь был так спокоен совестью и с чистым сердцем мог бы сказать: «да, я сделал все, что мог и должен был сделать», как скажу я, когда на свет явятся новые навозные жуки. Вот что значит труд!

— Поди ты, братец, с своим трудом! — сказал муравей, притащивший во время речи навозного жука, несмотря на жару, чудовищный кусок сухого стебелька. Он на минуту остановился, присел на четыре задние ножки, а двумя передними отер пот со своего измученного лица. — И я ведь тружусь, и побольше твоего. Но ты работаешь для себя или, все равно, для своих жученят; не все так счастливы... попробовал бы ты потаскать бревна для казны, вот как я. Я и сам не знаю, что заставляет меня работать, выбиваясь из сил, даже и в такую жару. Никто за это и спасибо не скажет. Мы, несчастные рабочие муравьи, все трудимся, а чем красна наша жизнь? Судьба!..

— Вы, навозный жук, слишком сухо, а вы, муравей, слишком мрачно смотрите на жизнь, — возразил им кузнечик. — Нет, жук, я люблю-таки потрещать и попрыгать, и ничего! Совесть не мучит! Да притом вы нисколько не коснулись вопроса, поставленного госпожой ящерицей: она спросила, «что есть мир?», а вы говорите о своем навозном шаре; это даже невежливо. Мир —

мир, по-моему, очень хорошая вещь уже потому, что в нем есть для нас молодая травка, солнце и ветерок. Да и велик же он! Вы здесь, между этими деревьями, не можете иметь никакого понятия о том, как он велик. Когда я бываю в поле, я иногда вспрыгиваю, как только могу, вверх и, уверяю вас, достигаю огромной высоты. И с нее-то вижу, что миру нет конца.

— Верно, — глубокомысленно подтвердил гнедой. — Но всем вам все-таки не увидите и сотой части того, что видел на своем веку я. Жаль, что вы не можете понять, что такое верста... За версту отсюда есть деревня Лупаревка: туда я каждый день езжу с бочкой за водой. Но там меня никогда не кормят. А с другой стороны Ефимовка, Кисляковка; в ней церковь с колоколами. А потом Свято-Троицкое, а потом Богоявленск. В Богоявленске мне всегда дают сена, но сено там плохое. А вот в Николаеве, — это такой город, двадцать восемь верст отсюда, — так там сено лучше и овес дают, только я не люблю туда ездить: туда ездит на нас барин и велит кучеру погонять, а кучер больно стегает нас кнутом... А то есть еще Александровка, Белозерка, Херсон-город тоже... Да только куда вам понять все это!.. Вот это-то и есть мир; не весь, положим, ну да все-таки значительная часть.

И гнедой замолчал, но нижняя губа у него все еще шевелилась, точно он что-нибудь шептал. Это происходило от старости: ему был уже семнадцатый год, а для лошади это все равно что для человека семьдесят седьмой.

— Я не понимаю ваших мудреных лошадиных слов, да, признаться, и не гонюсь за ними, — сказала улитка. — Мне был бы лопух, а его довольно: вот уже я четыре дня ползу, а он все еще не кончается. А за этим лопухом есть еще лопух, а в том лопухе, наверно, сидит еще улитка. Вот вам и все. И прыгать никуда не нужно — все это выдумки и пустяки; сиди себе

да ешь лист, на котором сидишь. Если бы не лень ползти, давно бы ушла от вас с вашими разговорами; от них голова болит и больше ничего.

— Нет, позвольте, отчего же? — перебил кузничик. — Потрещать очень приятно, особенно о таких хороших предметах, как бесконечность и прочее такое. Конечно, есть практические натуры, которые только и заботятся о том, как бы набить себе живот, как вы или вот эта прелестная гусеница...

— Ах, нет, оставьте меня, прошу вас, оставьте, не троньте меня! — жалобно воскликнула гусеница. — Я делаю это для будущей жизни, только для будущей жизни.

— Для какой там еще будущей жизни? — спросил гнедой.

— Разве вы не знаете, что я после смерти сделаюсь бабочкой с разноцветными крыльями?

Гнедой, ящерица и улитка этого не знали, но насекомые имели кое-какое понятие. И все немного помолчали, потому что никто не умел сказать ничего путного о будущей жизни.

— К твердым убеждениям нужно относиться с уважением, — затрещал наконец кузничик. — Не желает ли кто сказать еще что-нибудь? Может быть, вы? — обратился он к мухам, и старшая из них ответила:

— Мы не можем сказать, чтобы нам было худо. Мы сейчас только из комнат; барыня расставила в мисках наваренное варенье, и мы забрались под крышку и наелись. Мы довольны. Наша маменька увязла в варенье, но что ж делать? Она уже довольно пожила на свете. А мы довольны.

— Господа, — сказала ящерица, — я думаю, что все вы совершенно правы! Но с другой стороны...

Но ящерица так и не сказала, что было с другой стороны, потому что почувствовала, как что-то крепко прижало ее хвост к земле.

Это пришел за гнедым проснувшийся кучер Антон; он нечаянно наступил своим сапожищем на компанию и раздавил ее. Одни мухи улетели обсасывать свою мертвую, обмазанную вареньем маменьку, да ящерица убежала с оторванным хвостом. Антон взял гнедого за чуб и повел его из сада, чтобы запряхь в бочку и ехать за водой, причем приговаривал: «ну, иди ты, хвостяка!», на что гнедой ответил только шептаньем.

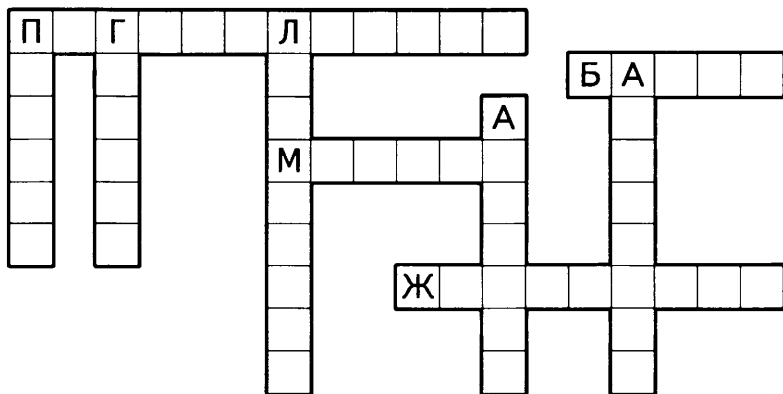
А ящерица осталась без хвоста. Правда, через несколько времени он вырос, но навсегда остался каким-то тупым и черноватым. И когда ящерицу спрашивали, как она повредила себе хвост, то она скромно отвечала:

— Мне оторвали его за то, что я решилась высказать свои убеждения.

И она была совершенно права.

? Вопросы и задания

- Вы прочитали две сказки В. М. Гаршина. Понравились ли они вам? О чем хочет предупредить нас автор?
- Какая из прочитанных сказок ближе к народным? Обоснуйте свое суждение.
- Подготовьте отзыв на каждую из этих сказок.
- Если вы умеете рисовать, создайте рисунок к одной из сказок. Подготовьте пересказы текстов для урока литературы или вечера сказок.
- Назовите авторов литературных сказок, фамилии которых заключены в кроссворде:

Вспомните, какие сказки написал каждый из них. Кто из писателей автор сказов? Какие из них вы читали? О чем они?

(Лермонтов, Пушкин, Жуковский, Гаршин, Погорельский, Аксаков, Бажов, Маршак, Андерсен.)

ВИКТОРИНА

1. Героиня какой сказки радовалась, когда была «прекрасная мокрая погода»?
2. В какой сказке лягушка придумала особый способ путешествия на утках?
3. Почему Гаршин назвал свой рассказ «То, чего не было»? А чего не было?
4. Кто из участников беседы смотрел на жизнь «слишком сухо», а кто «слишком мрачно»? Почему так говорил кузнечик?
5. Каким видит мир кузнечик, гнедой, улитка, гусеница?
6. Как объясняет ящерица, почему ей оторвали хвост?
7. Как вы думаете, есть ли в последних словах рассказчика авторская ирония?

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ (1809—1852)

Н. В. Гоголь всегда интересовался устным народным творчеством России и Украины, сообщал матери об интересе русских читателей к украинской жизни. Собирая материал для своих произведений, просил присылать ему фольклорные тексты: «Здесь так занимает всех все малороссийское... вы много знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и потому я знаю, вы не откажетесь сообщить мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно... Еще несколько слов о колядках, об Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее, с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов и проч. Все это будет для меня чрезвычайно занимательно». Повести, вошедшие в состав «Вечеров на хуторе близ Диканьки», написаны в короткий промежуток времени (май 1829 — январь 1832).

В 1831 году Гоголя познакомили с Пушкиным, их сближению способствовал переезд Гоголя в Павловск, по

соседству с Царским Селом, где проводил лето Пушкин. Здесь Пушкин и Жуковский работали над сказками, Гоголь заканчивал «Вечера на хуторе близ Диканьки». Критик В. Г. Белинский высоко оценил «Вечера...», в 1835 году он писал: «Повести г. Гоголя народны в высочайшей степени; но я не хочу слишком распространяться об их народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условие истинно художественного произведения, если под народностью должно разуметь верность изображений нравов, обычаев и характера того или другого народа, той или другой страны». «Гоголь обратился к самой действительности, к жизни украинского крестьянина, к народному творчеству и на этой основе создал яркие образы», — пишет литературовед Н. Степанов. Гоголь в письме к Пушкину сообщал: «Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, увидев меня, давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отвернувшись к стенке». Пушкин, предвидя нападки реакционной критики, писал: «Сейчас прочел „Вечера... близ Диканьки“. Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности».

? Вопросы и задания

- Вспомним «Заколдованное место»... Что могло поразить и изумить Пушкина? Как переплетается фантастика с бытовыми подробностями?
- Литературоведы считают, что основным художественным принципом повествования в «Вечерах...» является «сказ», передача событий от лица рассказчика. Расскажите о том, как повествует Гоголь о заколдованном месте. Кто рассказчик? Какие слова он использует? Что они обозначают? Рассмотрите иллюстрацию к повести. Так ли вы представляли себе это фантастическое место?
- Попробуйте пересказать произведение Гоголя «Заколдованное место» и тексты быличек и бывальщин, в которых идет рассказ о кладах. Интересны ли эти истории? Что в них общее, чем они отличаются от произведения Н. В. Гоголя?
- Как вы думаете, почему занимательнее текст Гоголя?
- Прочитайте еще одно произведение Н. В. Гоголя — «Пропавшая грамота». Обратите внимание на словарь, который дан после текста произведения. Подготовьте пересказ или отзыв о прочитанном. Какой текст вам показался интереснее — «Заколдованное место» или «Пропавшая грамота»? Обоснуйте свое суждение.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

*Быль, рассказанная дьячком ***кой церкви*

Так вы хотите, чтобы я вам еще рассказал про деда? — Пожалуй, почему же не потешить прибауткой? Эх, старина, старина! Что за радость, что за разгулье падет на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года ему и месяца нет, деялось на свете! А как еще впутается какой-нибудь родич, дед или прадед, — ну, тогда и рукой махни: чтоб мне поперхнулось за акафистом великомученице Варваре, если не чудится, что вот-вот сам все это делаешь, как будто залез в прадедовскую душу, или прадедовская душа шалит в тебе... Нет, мне пуще всего наши дивчата и молодницы; покажись только на глаза им: «Фома Григорьевич! Фома Григорьевич! а ну-те яку-небудь страховинну казочку! а ну-те, ну-те!..» — тара-та-та, та-та-та, и пойдут, и пойдут... Рассказать-то, конечно, не жаль, да загляните-ка, что делается с ними в постели. Ведь я знаю, что каждая дрожит под одеялом, как будто бьет ее лихорадка, и рада бы с головою влезть в тулуп свой. Царапни горшком крыса, сама как-нибудь задень ногою кочергу — и Боже упаси! и душа в пятках. А на другой день ничего не бывало, навязывается сызнова: расскажи ей страшную сказку, да и только. Что ж бы такое рассказать вам? Вдруг не взбредет на ум... Да, расскажу я вам, как ведьмы играли с покойным дедом в *дурня*¹. Только заранее прошу вас, господа, не сбивайте с толку; а то такой кисель выйдет, что совестно будет и в рот взять. Покойный дед, надобно вам сказать, был не из простых в свое время козаков. Знал и твердо-он-то, и словотитлу поставить. В праздник отхватывает Апостола, бывало, так, что теперь и попович иной

¹ То есть в дурачки. (Прим. автора.)

спрячется. Ну, сами знаете, что в тогдашние времена если собрать со всего Батурина грамотеев, то нечего и шапки подставлять, — в одну горсть можно было всех уложить. Стало быть, и дивиться нечего, когда всякий встречный кланялся ему мало не в пояс.

Один раз задумалось вельможному гетьману¹ послать за чем-то к царице грамоту. Тогдашний полковой писарь, вот нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... *Вискряк не Вискряк, Мотузочка не Мотузочка, Голопуцек не Голопуцек*... знаю только, что как-то чудно начинается мудреное прозвище, — позвал к себе деда и сказал ему, что вот, наряжает его сам гетьман гонцом с грамотою к царице. Дед не любил долго собираться: грамоту зашил в шапку; вывел коня; чмокнул жену и двух своих, как сам он называл, поросенков, из которых один был родной отец хоть бы и нашего брата; и поднял такую за собою пыль, как будто бы пятнадцать хлопцев задумали посереде улицы играть в кашу. На другой день, еще петух не кричал в четвертый раз, дед уже был в Конотопе. На ту пору была там ярмарка: народу высыпало по улицам столько, что в глазах рябило. Но так как было рано, то все еще дремало, протянувшись на земле. Возле коровы лежал гуляка-парубок с покрасневшим, как снегирь, носом; подале храпела, сидя, перекупка с кремнями, синькою, дробью и бубликами; под телегою лежал цыган; на возу с рыбой — чумаки²; на самой дороге раскинул ноги бородач-москаль с поясами и рукавицами... ну, всякого сброду, как водится по ярмаркам. Дед приостановился, чтобы разглядеть хорошенько.

Между тем в ятках начало мало-помалу шевелиться: жидовки стали побрякивать фляжками;

¹ *Гетьман* (гетман) — правитель Украины и глава казацкого войска.

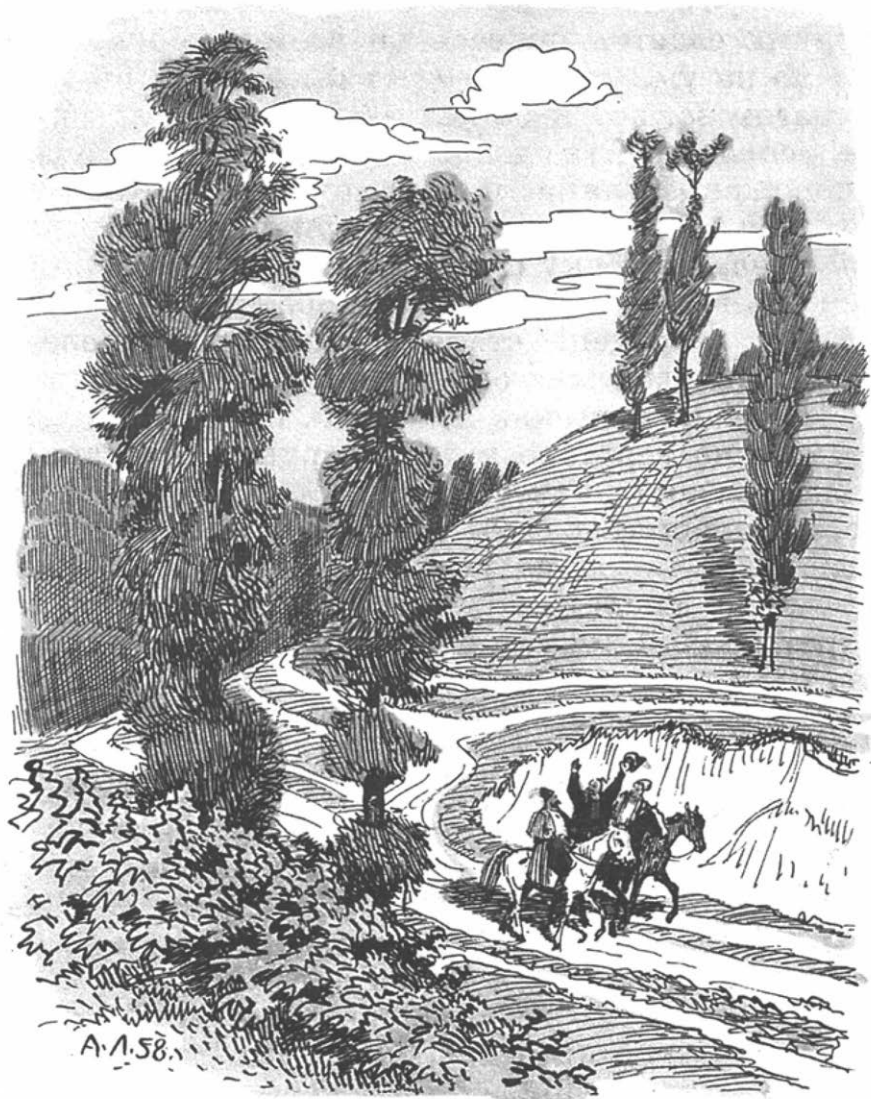
² *Чумаки* — возчик соли и рыбы из Крыма на Украину.

дым покатило то там, то сям кольцами, и запах горячих сластен понесся по всему табору. Деду вспало на ум, что у него нет ни огнива, ни табаку наготове: вот и пошел таскаться по ярмарке. Не успел пройти двадцати шагов — навстречу запорожец. Гуляка, и по лицу видно! Красные, как жар, шаровары, синий жупан¹, яркий цветной пояс, при боку сабля и люлька с медною цепочкою по самые пяты — запорожец, да и только! Эх, народец! станет, вытянется, поведет рукою молодецкие усы, брякнет подковами и — пустится! Да ведь как пустится: ноги отплясывают, словно веретено в бабьих руках; что вихрь, дернет рукою по всем струнам бандуры² и тут же, подпершись в боки, несется впрыскаду; зальется песней — душа гуляет!.. Нет, прошло времячко: не увидеть больше запорожцев! Да, так встретились. Слово за слово, долго ли до знакомства? Пошли калякать, калякать так, что дед совсем уже было позабыл про путь свой. Попойка завелась, как на свадьбе перед постом Великим. Только, видно, наконец прискучило бить горшки и швырять в народ деньгами, да и ярмарке не век же стоять! Вот сговорились новые приятели, чтоб не разлучаться и путь держать вместе. Было давно под вечер, когда выехали они в поле. Солнце убралось на отдых; где-где горели вместо него красноватые полосы; по полю пестрели нивы, что праздничные плахты³ чернобровых молодиц. Нашего запорожца раздобар взял страшный. Дед и еще другой приплевшийся к ним гуляка подумали уже, не бес ли засел в него. Откуда что набиралось. Истории и присказки такие

¹ *Жупан* — старинная верхняя одежда, род полукафтана с отложным воротником из сукна.

² *Бандура* — украинский народный струнный инструмент.

³ *Плахта* — старинная одежда украинок. Кусок шерстяной узорчатой ткани, обернутой вокруг талии и закрепленной на поясе.

Н. В. Гоголь. «Пропавшая грамота». Худ. А. Лаптев

дикий, что дед несколько раз хватался за бока и чуть не надсадил своего живота со смеху. Но в поле становилось чем далее, тем сумрачнее; а вместе с тем становилась несвязнее и молодецкая молвь. Наконец рассказчик наш притих совсем и вздрагивал при малейшем шорохе.

— Ге-ге, земляк! да ты не на шутку принялся считать сов. Уж думаешь, как бы домой да на печь!

— Перед вами нечего таиться, — сказал он, вдруг оборотившись и неподвижно уставив на них глаза свои. — Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому.

— Экая невидальщина! Кто на веку своем не знался с нечистым? Тут-то и нужно гулять, как говорится, на прах.

— Эх, хлопцы! гулял бы, да в ночь эту срок молодцу! Эй, братцы! — сказал он, хлопнув по рукам их, — эй, не выдайте! не поспите одной ночи, век не забуду вашей дружбы!

Почему ж не пособить человеку в таком горе? Дед объявил напрямик, что скорее даст он отрезать оселедец¹ с собственной головы, чем допустит черта понюхать собачьей мордой своей христианской души.

Козаки наши ехали бы, может, и далее, если бы не обволокло всего неба ночью, словно черным рядом, и в поле не стало так же темно, как под овчинным тулупом. Издали только мерещился огонек, и кони, чуя близкое стойло, торопились, насторожа уши и вковавши очи во мрак. Огонек, казалось, несся навстречу, и перед козаками показался шинок², повалившийся на одну сторону, словно баба на пути с веселых крестин. В те поры шинки были не то, что теперь. Доброму человеку не только развернуться, приударить горлицы или гопака, прилечь даже негде было, когда в голову заберется хмель и ноги начнут писать покой-он-по. Двор был уставлен весь чумацкими возами; под поветками, в яслях³, в сенях,

¹ *Оселéдец* — в старину у украинцев — чуб на темени бритой головы.

² *Шинóк* — небольшое питейное заведение, где продавали и распивали спиртные напитки.

³ *Ясли* — кормушка для лошадей.

иной свернувшись, другой развернувшись, храпели как коты. Шинкарь¹ один перед каганцом нарезывал рубцами на палочке, сколько кварт² и осьмух высушили чумацкие головы. Дед, спросивши треть ведра на троих, отправился в сарай. Все трое легли рядом. Только не успел он повернуться, как видит, что его земляки спят уже мертвецким сном. Разбудивши приставшего к ним третьего козака, дед напомнил ему про данное товарищу обещание. Тот привстал, протер глаза и снова уснул. Нечего делать, пришлось одному караулить. Чтобы чем-нибудь разогнать сон, обсмотрел он возы все, проведаль коней, закурил люльку, пришел назад и сел опять около своих. Все было тихо, так что, кажись, ни одна муха не пролетела. Вот и чудится ему, что из-за соседнего воза что-то серое выказывает роги... Тут глаза его начали смыкаться так, что принужден он был ежеминутно протирать кулаком и промывать оставшеюся водкой. Но как скоро немного прояснялись они, все пропадало. Наконец, мало погодя, опять показывается из-под воза чудище. Дед вытаращил глаза сколько мог; но проклятая дремота все туманила перед ним; руки его окостенели; голова скатилась, и крепкий сон схватил его так, что он повалился словно убитый. Долго спал дед, и как припекло порядочно уже солнце его выбритую макушку, тогда только схватился он на ноги. Потянувшись раза два и почесав спину, заметил он, что воев стояло уже не так много, как с вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до света. К своим — козак спит, а запорожца нет. Выспрашивать — никто знать не знает; одна только верхняя свитка лежала на том месте. Страх и

¹ *Шинкарь* — хозяин, содержатель шинка, продавец спиртных напитков в шинке.

² *Кварт* — мера сыпучих тел и жидкостей, немного больше литра.

раздумье взяло деда. Пошел посмотреть коней — ни своего, ни запорожского! Что бы это значило? Положим, запорожца взяла нечистая сила; кто же коней? Сообразя все, дед заключил, что, верно, черт приходил пешком, а как до пекла не близко, то и стянул его коня. Больно ему было крепко, что не сдержал козацкого слова. «Ну, думает, нечего делать, пойду пешком: авось попадетя на дороге какой-нибудь барышник, едущий с ярмарки, как-нибудь уже куплю коня». Только хватился за шапку — и шапки нет. Всплеснул руками покойный дед, как вспомнил, что вчера еще поменялись они на время с запорожцем. Кому больше утащить, как не нечистому. Вот тебе и гетьманский гонец! Вот тебе и привез грамоту к царице! Тут дед принялся угощать черта такими прозвищами, что, думаю, ему не один раз чихалось тогда в пекле. Но бранью мало пособишь; а затылка сколько ни чесал дед, никак не мог ничего придумать. Что делать? Кинулся достать чужого ума: собрал всех бывших тогда в шинке добрых людей, чумаков и просто заезжих, и рассказал, что так и так, такое-то приключилось горе. Чумаки долго думали, подперши батогами подбородки свои, крутили головами и сказали, что не слышали такого дива на крещеном свете, чтобы гетьманскую грамоту утащил черт. Другие же прибавили, что когда черт да москаль украдут что-нибудь, то поминай как и звали. Один только шинкарь сидел молча в углу. Дед и подступил к нему. Уж когда молчит человек, то, верно, зашиб много умом. Только шинкарь не так-то был щедр на слова; и если бы дед не полез в карман, за пятью злотыми, то простоял бы перед ним даром.

— Я научу тебя, как найти грамоту, — сказал он, отводя его в сторону. У деда и на сердце отлегло. — Я вижу уже по глазам, что ты козак — не баба. Смотри же! близко шинка будет

поворот направо в лес. Только станет в поле примеркать, чтобы ты был уже наготове. В лесу живут цыганы и выходят из нор своих ковать железо в такую ночь, в какую одни ведьмы ездят на кочергах своих. Чем они промышляют на самом деле, знать тебе нечего. Много будет стуку по лесу, только ты не иди в те стороны, откуда услышишь стук; а будет перед тобою малая дорожка, мимо обожженного дерева, дорожкой этою иди, иди, иди... Станет тебя терновник царапать, густой орешник заслонять дорогу — ты все иди; и как придешь к небольшой речке, тогда только можешь остановиться. Там и увидишь кого нужно; да не забудь набрать в карманы того, для чего и карманы сделаны... Ты понимаешь, это добро и дьяволы и люди любят. — Сказавши это, шинкарь ушел в свою конуру и не хотел больше говорить ни слова..

Покойный дед был человек не то чтобы из трусливого десятка; бывало, встретит волка, так и хватает прямо за хвост; пройдет с кулаками промеж козаками — все, как груши, повалятся на землю. Однако ж что-то подирало его по коже, когда вступил он в такую глухую ночь в лес. Хоть бы звездочка на небе. Темно и глухо, как в винном подвале; только слышно было, что далеко-далеко вверху, над головою, холодный ветер гулял по верхушкам дерев, и деревья, что охмелевшие козацкие головы, разгульно покачивались, шепоча листьями пьяную молвь. Как вот завяло таким холодом, что дед вспомнил и про овчинный тулуп свой, и вдруг словно сто молотов застучало по лесу таким стуком, что у него зазвенело в голове. И будто зарницею осветило на минуту весь лес. Дед тотчас увидел дорожку, пробирающуюся промеж мелкого кустарника. Вот и обожженное дерево, и кусты терновника! Так, все так, как было ему говорено; нет, не обманул шинкарь. Однако ж не совсем весело было

продираться через колючие кусты; еще отроду не видывал он, чтобы проклятые шипы и сучья так больно царапались: почти на каждом шагу забирало его вскрикнуть. Мало-помалу выбрался он на просторное место, и, сколько мог заметить, деревья редели и становились, чем далее, такие широкие, каких дед не видывал и по ту сторону Польши. Глядь, между деревьями мелькнула и речка, черная, словно вороненая сталь. Долго стоял дед у берега, посматривая на все стороны. На другом берегу горит огонь и, кажется, вот-вот готовится погаснуть, и снова отсвечивается в речке, вздрагивавшей, как польский шляхтич в козачьих лапах. Вот и мостик! «Ну, тут одна только чертовская таратайка¹ разве проедет». Дед, однако ж, ступил смело и скорее, чем бы иной успел достать рожок понюхать табаку, был уже на другом берегу. Теперь только разглядел он, что возле огня сидели люди, и такие смазливые рожи, что в другое время Бог знает чего бы не дал, лишь бы ускользнуть от этого знакомства. Но теперь, нечего делать, нужно было завязаться. Вот дед и отвесил им поклон мало не в пояс: «Помогай Бог вам, добрые люди!» Хоть бы один кивнул головой; сидят да молчат, да что-то сыплют в огонь. Видя одно место незанятым, дед без всяких околичностей сел и сам. Смазливые рожи ничего; ничего и дед. Долго сидели молча. Деду уже и прискучило; давай шарить в кармане, вынул люльку, посмотрел вокруг — ни один не глядит на него. «Уже, добродейство, будьте ласковы: как бы так, чтобы, примерно сказать, того... (дед жила в свете немало, знал уже, как подпускать турусы, и при случае, пожалуй, и пред царем не ударил бы лицом в грязь), чтобы, примерно сказать, и себя не

¹ *Таратайка* — легкая двухколесная повозка с откидным верхом.

забыть, да и вас не обидеть, — люлька-то у меня есть, да того, чем бы зажечь ее, чертма¹». И на эту речь хоть бы слово; только одна рожа сунула горячую головню прямехонько деду в лоб так, что если бы он немного не посторонился, то, статья может, распрощался бы навеки с одним глазом. Видя, наконец, что время даром проходит, решил — будет ли слушать нечистое племя, или нет — рассказать дело. Рожи и уши наставили и лапы протянули. Дед догадался: забрал в горсть все бывшие с ним деньги и кинул, словно собакам, им в середину. Как только кинул он деньги, все перед ним перемешалось, земля задрожала, и как уже, — он и сам рассказать не умел, — попал чуть ли не в самое пекло. «Батюшки мои!» — ахнул дед, разглядевши хорошенько: что за чудища! рожи на роже, как говорится, не видно. Ведьм такая гибель, как случается иногда на Рождество выпадет снегу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмарке. И все, сколько ни было их там, как хмельные, отплясывали какого-то чертовского трепака. Пыль подняли Боже упаси какую! Дрожь бы проняла крещеного человека при одном виде, как высоко скакало бесовское племя. На деда, несмотря на весь страх, смех напал, когда увидел, как черти с собачьими мордами, на немецких ножках, вертя хвостами, увивались около ведьм, будто парни около красных девушек; а музыканты тузили себя в щеки кулаками, словно в бубны, и свистали носами, как в валторны². Только завидели деда — и турнули к нему ордою. Свиные, собачьи, козлиные, дрофиные, лошадиные рыла — все повилягивались и вот так и лезут целоваться. Плюнул дед, такая мерзость напала! Наконец схватили его и посади-

¹ Не имеется. (Прим. автора.)

² *Валторна* — духовой инструмент. Произошел от охотничьего рога.

ли за стол длиною, может, с дороги от Конотопа до Батурина. «Ну, это еще не совсем худо, — подумал дед, завидевши на столе свинину, колбасы, крошенный с капустой лук и много всяких сластей, — видно, дьявольская сволочь не держит постов». Дед-таки, не мешает вам знать, не упустил при случае перехватить того-сего на зубы. Едал покойник аппетитно; и потому, не распускаясь в рассказы, придвинул к себе миску с нарезанным салом и окорок ветчины, взял вилку, мало чем поменьше тех вил, которыми мужик берет сено, захватил ею самый увесистый кусок, поставил корку хлеба и — глядь, и отправил в чужой рот. Вот-вот, возле самых ушей, и слышно даже, как чья-то морда жует и щелкает зубами на весь стол. Дед ничего; схватил другой кусок и вот, кажись, и по губам зацепил, только опять не в свое горло. В третий раз — снова мимо. Взбеленился дед; позабыл и страх, и в чьих лапах находится он. Прискочил к ведьмам:

— Что вы, иродово племя, задумали смеяться, что ли, надо мною? Если не отдадите сей же час моей козацкой шапки, то будь я католик, когда не переверочу свиных рыл ваших на затылок!

Не успел он докончить последних слов, как все чудища выскалили зубы и подняли такой смех, что у деда на душе захолонуло.

— Ладно! — провизжала одна из ведьм, которую дед почел за старшую над всеми потому, что личина у ней была чуть ли не красивее всех. — Шапку отдадим тебе, только не прежде, пока сыграешь с нами три раза в *дурня*!

Что прикажешь делать? Козаку сесть с бабами в дурня! Дед отпирался, отпирался, наконец сел. Принесли карты, замасленные, какими только у нас поповны гадают про женихов.

— Слушай же! — залаяла ведьма в другой раз, — если хоть раз выиграешь — твоя шапка; когда же все три раза останешься дурнем, то не

прогневайся — не только шапки, может, и света более не увидишь!

— Сдавай, сдавай, хрычовка! что будет, то будет.

Вот карты розданы. Взял дед свои в руки — посмотреть не хочется, такая дрянь: хоть бы на смех один козырь. Из масти десятка самая старшая, пар даже нет; а ведьма все подваливает пятерками. Пришлось остаться дурнем! Только что дед успел остаться дурнем, как со всех сторон заржали, залаяли, захрюкали морды: «Дурень! дурень! дурень!»

— Чтоб вы перелопались, дьявольское племя! — закричал дед, затыкая пальцами себе уши.

«Ну, думает, ведьма подтасовала; теперь я сам буду сдавать». Сдал. Засветил козыря. Поглядел на карты: масть хоть куда, козыри есть. И сначала дело шло как нельзя лучше; только ведьма — пятерик с королями! У деда на руках одни козыри; не думая, не гадая долго, хватъ королей по усам всех козырями.

— Ге-ге! да это не по-козацки! А чем ты кроешь, земляк?

— Как чем? козырями!

— Может быть, по-вашему, это и козыри, только, по-нашему, нет!

Глядь — в самом деле простая масть. Что за дьявольщина! Пришлось в другой раз быть дурнем, и чертанье пошло снова драть горло: «Дурень, дурень!» — так, что стол дрожал и карты прыгали по столу. Дед разгорячился; сдал в последний раз. Опять идет ладно. Ведьма опять пятерик; дед покрыл и набрал из колоды полную руку козырей.

— Козырь! — вскричал он, ударив по столу картою так, что ее свернуло коробом; та, не говоря ни слова, покрыла восьмеркою масти.

— А чем ты, старый дьявол, бьешь!

Ведьма подняла карту: под нею была простая шестерка.

— Вишь, бесовское обморачиванье! — сказал дед и с досады хватил кулаком что силы по столу.

К счастью еще, что у ведьмы была плохая масть; у деда, как нарочно, на ту пору пары. Стал набирать карты из колоды, только мочи нет: дрянь такая лезет, что дед и руки опустил. В колоде ни одной карты. Пошел уже так, не глядя, простою шестеркою; ведьма приняла. «Вот тебе на! это что? э-э, верно, что-нибудь да не так!» Вот дед карты потихоньку под стол — и перекрестил; глядь — у него на руках туз, король, валет козырей; а он вместо шестерки спустил кралю.

— Ну, дурень же я был! Король козырей! Что! приняла? а? Кошачье отродье!.. А туза не хочешь? Туз! валет!..

Гром пошел по пеклу; на ведьму напали корчи, и откуда ни возьмись шапка бух деду прямо хонько в лицо.

— Нет, этого мало! — закричал дед, прихрабрившись и надев шапку. — Если сейчас не станет передо мною молодецкий конь мой, то вот убей меня гром на этом самом нечистом месте, когда я не перекрещу святым крестом всех вас! — и уже было и руку поднял, как вдруг загремели перед ним конские кости.

— Вот тебе конь твой!

Заплакал бедняга, глядя на них, как дитя неразумное. Жаль старого товарища!

— Дайте ж мне какого-нибудь коня, выбраться из гнезда вашего!

Черт хлопнул арапником — конь, как огонь, взвился под ним, и дед, что птица, вынесся наверх.

Страх, однако ж, напал на него посередине дороги, когда конь, не слушаясь ни крику, ни поводов, скакал через провалы и болота. В каких местах он не был, так дрожь забирала при одних рассказах. Глянул как-то себе под ноги — и пуще перепугался: пропасть! крутизна страшная! А сатанинскому животному и нужды нет; прямо

Н. В. Гоголь. «Пропавшая грамота». Худ. А. Лантев

через нее. Дед держаться: не тут-то было. Через пни, через кочки полетел стремглав в провал и так хватился на дне его о землю, что, кажись, и дух вышибло. По крайней мере, что деялось с ним в то время, ничего не помнил; и как очнулся немного и осмотрелся, то уже рассвело совсем; перед ним мелькали знакомые места, и он лежал на крыше своей же хаты.

Перекрестился дед, когда слез долой. Экая чертовщина! что за пропасть, какие с человеком чудеса делаются! Глядь на руки — все в крови, посмотрел в стоявшую торчмя бочку с водою — и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать детей, входит он потихоньку в хату; смотрит: дети пятятся к нему задом и в испуге указывают ему пальцами, говоря: «Дывысь, дывысь, маты, мов дурна, скаче!»¹. И в самом деле, баба сидит, заснувши перед гребнем, держит в руках веретено и сонная подпрыгивает на лавке. Дед, взявши за руку потихоньку, разбудил ее: «Здравствуй, жена! здорова ли ты?» Та долго смотрела, выпучивши глаза, и наконец уже узнала деда и рассказала, как ей снилось, что печь ездил по хате, выгоня вон лопатою горшки, лоханки и черт знает что еще такое.

¹ Смотри, смотри, мать, как сумасшедшая, скачет! (Прим. автора.)

«Ну, — говорит дед, — тебе во сне, мне наяву. Нужно, вижу, будет освятить нашу хату; мне же теперь мешкать нечего». Сказавши это и отдохнувши немного, дед достал коня и уже не оставивался ни днем, ни ночью, пока не доехал до места и не отдал грамоты самой царице. Там нагляделся дед таких див, что стало ему надолго после того рассказать: как повели его в палаты, такие высокие, что если бы хат десять поставить одну на другую, и тогда, может быть, не достало бы. Как заглянул он в одну комнату — нет; в другую — нет; в третью — еще нет; в четвертой даже нет; да в пятой уже, глядь — сидит сама, в золотой короне, в серой новехонькой свитке, в красных сапогах, и золотые галушки ест. Как велела ему насыпать целую шапку *синицами*, как... всего и вспомнить нельзя. Об возне своей с чертями дед и думать позабыл, и если случалось, что кто-нибудь и напоминал об этом, то дед молчал, как будто не до него и дело шло, и великого стоило труда упросить его рассказать все, как было. И, видно, уже в наказание, что не спохватился тотчас после того освятить хату, бабе ровно через каждый год, и именно в то самое время, делалось такое диво, что танцуется, бывало, да и только. За что ни примется, ноги затевают свое, и вот так и дергает пуститься вприсядку.

**Слова из словаря Гоголя к сборнику
«Вечера на хуторе близ Диканьки»**

<i>Бато́г</i>	кнут
<i>Бу́блик</i>	круглый крендель, баранчик
<i>Галу́шки</i>	клецки
<i>Гопа́к</i>	
<i>Го́рлица</i>	малороссийские танцы
<i>Кага́нец</i>	род светильни
<i>Лю́лька</i>	трубка
<i>Па́рубок</i>	парень
<i>Переку́пка</i>	торговка
<i>Пове́тка</i>	сарай

<i>Світка</i>	род полукафтання
<i>Хлóпец</i>	парень
<i>Ятка</i>	род палатки или шатра

ВИКТОРИНА

1. Что сказал В. Г. Белинский о Гоголе?
2. О какой книге А. С. Пушкин сказал: «Вот настоящая веселость...»?
3. Как Гоголь определил жанр «Заколдованного места»?
4. Какие роли особенно удавались Гоголю во времена учебы?
5. Какие произведения Гоголя начинаются так:
«Ей-богу, уже надоело рассказывать! Да что вы думаете? Право, скучно: рассказывай, да и рассказывай, и отвязаться нельзя!»
«Так вы хотите, чтобы я вам еще рассказал про деда?»
6. Помните ли вы названия произведений Гоголя? О каком месте и о какой грамоте рассказал Гоголь?
7. Кто главный герой рассказов «Заколдованное место» и «Пропавшая грамота»?
8. Что такое «сопилка», на которой в рассказе «Заколдованное место» дед просит сыграть Остапа?
9. Объясните слова *жупан*, *бандура*, *оселедец*, *куколь*, не заглядывая повторно в сноски (подстрочные пояснения в книге).
10. Какими словами дед завершает рассказ о заколдованном месте?
11. Иллюстрации какого художника к рассказу «Заколдованное место» помещены в учебнике? Расскажите, что изображено на них.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ (1821—1878)

«...За нашим садом непосредственно начинались крестьянские избы. Я помню, что это соседство было постоянным огорчением для нашей матери: толпа ребятишек, нарочно избиравшая для своих игр место по ту сторону садового решетчатого забора, как магнит притягивала туда брата — никакие преследования не помогали. Впоследствии он проделал лазейку и при каждом удобном случае вылезал к ним в деревню, принимал участие в их играх, которые нередко оканчивались общей дракой...»

Из Воспоминаний сестры Н. А. Некрасова А. Буткевич

В учебник включены тексты трех произведений Н. А. Некрасова — «На Волге», стихотворение, кото-

рое передает радостные и грустные впечатления автора от волжских просторов, стихотворение «Крестьянские дети» и отрывок из поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос», в котором поэт восхищается красотой русской женщины. О чем же эта поэма? Каковы ее герои? Что радует и что возмущает поэта? Об этом вы сможете узнать, когда прочитаете поэму «Мороз, Красный нос».

Познакомьтесь самостоятельно со стихотворением «Накануне светлого праздника». Подумайте, что хотел сказать детям поэт.

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

*(Из стихотворений,
посвященных русским детям)*

I

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:
Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть ровна.
Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он все понижался
И к озеру шел.
Ни озера, дети,
Забуть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:
Тут чудо-картину
Я видел тогда!

Ее вспоминаю
Охотно всегда...

II

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В Страстную субботу,
Пред самой Святой.
Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;
Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз?
Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь и ругаться,
Да — день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сюртучишке,
Фуражка как блин, —
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите —
красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И, словно ландкарта,
Передник на нем.

Вот пыльщики: сайку
Угрюмо жуют
И, словно солдаты.
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плечах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути;
В родные деревни
Скорее прийти.

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить Святую
С веселой душой...

III

Стемнело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал все тем же
Высоким холмом,

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко
Горели костры —
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы, — толпы...
У Божьего храма
Сходились тропы, —

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

1. Какой эпитафия предваряет рассказ о Н. А. Некрасове в вашем учебнике? Как вы его понимаете?
2. Как называлось родовое имение Некрасовых?
3. Какие воспоминания о матери сохранились у поэта?
4. Каким предстает бурлак в стихотворении Некрасова «На Волге»?
5. Репродукция картины какого художника помещена в учебнике? Какими изображены на картине бурлаки?
6. Иллюстрация какого художника помещена в учебнике к поэме «Мороз, Красный нос»? Что на ней изображено? Такими ли вы себе представляли некрасовских героев? В каком произведении поэт так говорит о себе:

«Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам...»

7. Какие герои и в каких произведениях так изображены Некрасовым:

«Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...»

«Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод и холод выносит,
Всегда терпелива, равна...»

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ (1818—1883)

Вы прочитали и обсудили рассказ И. С. Тургенева «Муму». О чем этот рассказ? Понравился ли он вам? Согласны ли вы с суждением, что немота Герасима символизирует немому крепостного народа?

И. С. Тургенев. «Муму». Худ. В. Кайдалов

Почему Герасим ушел от барыни, хоть и утопил Муму? Как можно объяснить поведение барыни и ее дворовых, приживалок?

Очевидно, вы еще не раз вернетесь к этому рассказу и будете его перечитывать, у вас появятся все новые и новые мысли о героях, их взаимоотношениях, о времени, в которое происходили события, описанные И. С. Тургеневым.

* * *

Рассмотрите в учебнике иллюстрации к рассказу Тургенева «Муму». Что они добавляют к вашим размышлениям об этом произведении? Чьи иллюстрации кажутся вам наиболее близкими к тексту Тургенева?

ВИКТОРИНА

1. В каком имении прошли детские годы Тургенева? Где оно находилось?
2. Какую книгу Тургенев считал лептой, внесенной им в сокровищницу русской литературы?

3. Какие иллюстрации к рассказу «Муму» вам известны? Назовите фамилии художников.

4. О ком слова, приведенные ниже?

«Когда-то она слыла красавицей, но красота с нее очень скоро соскочила. Нрава она была весьма смиренного, или, лучше сказать, запуганного, к самой себе она чувствовала полное равнодушие, других боялась смертельно...»

«...Почитал себя существом обиженным и неоцененным по достоинству, человеком образованным и столичным, которому не в Москве бы жить, без дела, в каком-то захолустье...»

5. Назовите имена героев рассказа «Муму».

6. Вспомните, какой породы оказалась собака Герасима.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ **(1828—1910)**

М. А. Альтман в книге «Читая Толстого»¹ пишет о герое рассказа «Кавказский пленник» так:

«...Образ Жилина, несмотря на кажущуюся его простоту, очень сложен. Удивительное свойство гения Толстого — быть одновременно предельно прозрачным и беспредельно глубоким — сказалось и в образе его героя Жилина. Жилин, как мы видим, и герой литературный, связанный с традицией, идущей от Пушкина, и герой сказочный, связанный с фольклором, и герой, наделенный специфическими чертами русского характера, и, наконец, воплотивший в себе некоторые черты характера самого автора. И — не только характера. Ведь то, что Жилин попал к горцам в плен, и обстоятельства его пленения тоже связаны с биографией самого Толстого. Как Жилин и Костылин попали в плен из-за того, что отделились от обоза, желая скорее добраться до крепости, так (в 1853 г.) Толстой со своим приятелем Садо чуть не попали в плен, также отделившись от обоза...

¹ Альтман М. А. Читая Толстого. — Тула, 1966.

Конечно, огромная, безмерная дистанция между Жилиным, дивившим своим мастерством аул, и Львом Толстым, дивившим своим искусством весь мир, — но как в капле воды порой отражается солнце, так и в Жилине в какой-то степени отражается сам Толстой. И читая уже первое предложение „Кавказского пленника“: „Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин“, хочется добавить: „Звали его также... Лев Толстой“».

Согласны ли вы с этим суждением?

Почему, по вашему мнению, автор книги «Читая Толстого» увидел в Жилине замечательного русского писателя Льва Николаевича Толстого? Как вы это объясните?

ВИКТОРИНА

1. В чем суть эпитафии (слов Л. Н. Толстого) к статье о нем в вашем учебнике?

2. Где родился писатель и где провел большую часть своей жизни?

3. В каком университете учился Л. Н. Толстой?

4. В каких военных сражениях участвовал писатель?

5. Какие иллюстрации к рассказу «Кавказский пленник» вам известны? Назовите имена художников. Подумайте, такими ли вы представляли героев этого произведения.

6. Откуда эти строки?

«Солнце уже и за полдни перешло, а обоз только половину дороги прошел. Пыль, жара, солнце так и печет, и укрыться негде!»

«Была раз гроза сильная, и дождь час целый как из ведра лил. И помутились все речки».

7. Чей это портрет?

«Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано. Борода и усы подстрижены, белые, как пух; а лицо сморщенное и красное, как кирпич; нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые, и зубов нет — только два клыка».

«...Глаза черные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблучками, на шее монисто, все из русских полтинников».

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН (1870—1953)

Прочитайте стихотворение «После половодья» и рассказ «В деревне» И. А. Бунина. Поделитесь впечатлениями, которые произвели на вас воспоминания писателя о родном доме и родных местах.

ПОСЛЕ ПОЛОВОДЬЯ

Прошли дожди, апрель теплеет.
Всю ночь — туман, а поутру
Весенний воздух точно млеет
И мягкой дымкою синеет
В далеких просеках в бору.

И тихо дремлет бор зеленый.
И в серебре лесных озер —
Еще стройней его колонны,
Еще свежее сосен кроны
И нежных лиственниц узор!

По поводу этого стихотворения литературовед В. И. Коровин пишет: «В стихотворении И. Бунина весна передана в зримых, живописных и точно найденных приметах именно апрельской поры, когда воздух днем согрет, а ночью еще холодно и туман покрывает землю, а утром „точно млеет / И мягкой дымкою синеет“, да и то не везде, — лишь „В далеких просеках в бору“, куда позднее проникает тепло от солнца. В освобожденном от тумана воздухе деревья в зеленом бору кажутся особенно стройными.

И. Бунин передал нам чувственное восприятие воскресшей, заново рождающейся к жизни природы, юной, хрупкой, незащищенной, тихой и умиротворенной. Никакой тревоги, никакого порыва в ней нет, но есть удивительная тяга к жизни. И пробуждение приро-

ды очаровывает прелестью, чистотой, строгостью нежных очертаний. Это особенное восприятие весенней природы говорит нам и о все понимающей тонкой душе поэта, обогащенной созерцанием новой жизни, столь драгоценной и неповторимой».

Так ли вы восприняли это стихотворение?

В ДЕРЕВНЕ

I

Когда я был маленьким, мне всегда казалось, что вместе с рождественскими праздниками начинается весна. «Декабрь — вот это зима», — думал я. В декабре погода по большей части суровая, серая. Рассветает медленно, город с утра тонет в сизом, морозном тумане, а деревья одеты густым инеем сиреневого цвета; солнца целый день не видно, и только вечером замечаешь след его потому, что долго и угрюмо рдеет мутно-красная заря в тяжелой мгле на западе... Да, это настоящая зима!

Я с нетерпением ждал Святки¹. Когда в конце декабря я бегал по утрам в гимназию, видел в магазинах сотни блестящих игрушек и украшений, приготовленных для елок, видел на базаре целые обозы с этими зелеными, загубленными для праздника елочками, а в мясных рядах — целые горы мерзлых свиных туш, поросят и битой, оципанной птицы, я с радостью говорил себе:

— Ну, теперь уж близко праздник! Скоро настоящая зима кончится, и дело пойдет на весну. Я на целые две недели уеду в деревню и буду там встречать начало весны.

И мне казалось, что только в деревне и можно заметить, как начинается весна. Мне казалось, что только там бывают настоящие светлые, солнечные дни. И правда, ведь в городе мы забыва-

¹ *Святки* — время от Рождества до Крещения (7—18 января).

ем о солнце, редко видим небо, а больше любимся на вывески да на стены домов.

И вот наконец наступал давно желанный, радостный день. Вечером вдруг раздавался звонок в сенях нашей квартиры. Я стремглав бежал в прихожую и наталкивался там на высокого человека в большой енотовой шубе. Воротник этой шубы и шапка на голове высокого человека были в инее.

— Папочка! — взвизгивал я в восторге.

— Уйди, уйди, я — холодный, — говорил отец весело, и, действительно, от него так хорошо пахло морозной свежестью, снегом и зимним воздухом.

Весь этот вечер я не отходил от отца. Никогда я не любил его так, как в эти вечера, никогда не засыпал так сладко!

Я засыпал, упоенный мечтами о завтрашнем путешествии в деревню, и правда — это было веселое путешествие! Поезд быстро бежит среди ровных снежных полей, вагон озарен утренним солнцем. Белый дым волнующимися клубами плывет перед окнами, плавно упадает и стелется по снегу около дороги, а по вагону ходят широкие тени. Свет солнца от этого то будто меркнет, то снова врывается в окна яркими, янтарными полосами... Даже весело то, что в вагоне так много народу, так тесно и шумно!

Но вот и одинокая, знакомая станция среди пустынных полей. Тихо-тихо в полях после грохота поезда! Откинись на задок саней, прикрой глаза и только покачиваешься и слышишь, как заливаются колокольчик над тройкой, запряженной в протяжку, как визжат и постукивают на ухабах полозья. Коренник сеет иноходью, передние поджарые лошади, пофыркивая, несутся вскачь, комья снега бьют в передок, а около саней быстро-быстро, как змея, вьется длинный кнут кучера. Обернешь-

ся, — и кажется, что полоса дороги выскальзывает из-под полозьев, бежит назад, в ровное снежное поле...

А потом — шагом по занесенным вьюгами лугам, под обрывами с нависшими тяжелыми снегами! Огромными раковинами завиваются внутрь гребни снеговых навесов. Ясно и резко отделяются их чистые, холодные изваяния от фона неба: небо снизу кажется темно-темно-синим! Пристяжные на ходу хватают губами и отбрасывают снег...

— Балуй! — грозно кричит кучер, щелкая кнутом, — и опять постукивают сани на ухабах и звонко заливаается колокольчик под мерно качающейся дугою...

А между тем уже догорает короткий день; встали лиловые тучи с запада, солнце ушло в них, и наступает тихий зимний вечер. Над посиневшими снегами залегает к востоку морозная мгла ночи. Сливаётся с нею вдали снежная дорога, и мертвое молчание царит над степью. Только полозья тихо скрипят по снегу и задумчиво позванивает колокольчик: лошади идут шагом. Овсянки бесшумно перелетают перед ними по дороге... Мужик на розвальнях пристал за нами где-то на перекрестке, и заиндевшая морда его шершавой, низенькой и бокастой лошадки, которая трусит рысцой за нашими санями, равномерно дышит теплым паром в мой затылок.

— Не наезжай! — раздаётся иногда голос нашего кучера среди мертвого молчания поля.

И мужик тоже что-то покрикивает, соскакивает на раскатах и снова бочком, на бегу, вваливается в свои дровни¹.

А кругом все темнеет и темнеет, и уже ночью въезжаем мы в знакомое село. Ночь темная, но

¹ *Дровни* — крестьянские сани для перевозки дров или сена.

звездная; мелкие звезды содрогаются острыми синими огоньками, крупные блещут переливчатым блеском разноцветных камней. На селе еще краснеют кое-где оконца в смутно чернеющих избах... В чистом, морозном воздухе звонко отдаётся скрип ворот или лай собачонки.

И чувство глубокого довольства и покоя наполняет душу, когда наконец медленно въезжаешь на сугроб перед крыльцом освещенного и теплого деревенского домика!

II

— Но где же весна-то? — спросите вы.

А разве не весеннее радостное чувство наполнило душу за весь этот веселый, солнечный день нашего путешествия в деревню? Разве не с весенним чувством открывал я глаза, проснувшись на другое утро в детской?

В больших комнатах нашего старинного дома с утра всегда стоял синий полусумрак. Это оттого, что дом был окружен садом, а стекла окон сверху донизу зарисовал мороз серебряными пальмовыми листьями, перламутровыми, узорчатыми папоротниками. Еще до чаю я успевал обегать все комнаты, осмотреть все эти рисунки, сделанные морозом за ночь, и даже — побывать в сенцах, где стоят лыжи.

— Папа, я пойду покатаюсь немного, — робко говорил я отцу тотчас после чаю.

Отец пристально смотрел на меня и с улыбкой отвечал:

— Ах ты, дикарь этакий! Настоящий вогул!¹ Ведь еще холодно, нос отморозишь!

— Я только на минутку...

— Ну, если так, — беги!

— Я вогул, я вогул! — кричал я, подпрыгивая от радости и поспешно снаряжаясь в путь.

¹ *Вогул* — устаревшее название народа *манси*.

Резкий, морозный воздух так и охватит всего, когда выйдешь из дому. За садом еще холодно краснеет заря. Солнце только что выкатилось огнистым шаром из-за снежного поля; но вся картина села уже сверкает яркими и удивительно нежными, чистыми красками северного утра. Клубы дыма алеют и медленно расходятся над белыми крышами. Сад — в серебряном инее... Туда-то мне и нужно! И, став на лыжи, окруженный гончими, я спешил забраться в самую чащу, где можно с головой утонуть в снегу.

— Я вогул! — кричал я собакам, пробираясь по пушистому снегу к пруду под садом.

Там, на старых ракидах, до полудня держится густой, махровый иней. Весело отряхнуть его и почувствовать, как он осыпает лицо своим холодным пухом! А еще веселее смотреть, как на пруде работники прорубают проруби и баграми вытаскивают из воды огромные льдины. Словно квадраты светлых горных хрусталей, сияют они на солнце, играя зеленоватыми и синими переливками...

К обеду солнечный день окончательно разыгрывается. С навеса крыльца падают капли. Как слоновою костью, блестят по деревенскому выгону отшлифованные ухабы дороги.

«Весна, весна близко!» — думаешь, прикрывая глаза под лаской солнца.

И весь день не хочется уходить со двора! Все радуется. Забрeдeшь ли на двор, где около яслей дремлют, изредка глубоко вздыхая и раздувая бока, меланхоличные коровы, бродят похудевшие за зиму лошади и жмутся в кучу овцы; пройдешь ли на гумно¹ и слышишь по дороге, как возятся и трещат воробьи в кустах акаций, как они вдруг снимаются всей своей шум-

¹ Гумно — площадь для молотбы.

ной стаей и дождем сыплются на крышу риги¹, — все радуется... А на гумне, в затишье скирдов² и соломенных валов, забитых снегом, особенно уютно. Хорошо полежать под солнцем в омете, в соломе, которая так резко пахнет мышами и снегом!

И весь праздник проходил у меня в этом очаровании солнечными днями, в светлых грезях о близкой весне. Забудешь, бывало, об уроках, забудешь даже лыжи, и все сидишь в освещенной солнцем зале, все глядишь на далекие, снежные поля, которые уже блестят по-весеннему золотистой слюдою крепкого наста.

III

— Ну, не скучай, смотри, — говорил отец, когда наконец меня снова снаряжали в город. — Теперь и не увидишь, как наступит весна. Каких-нибудь два месяца, а там и Святая³, и лето. Приедешь тогда, — жеребчика верхового тебе подарю, будем верхом вместе ездить, за перепелками ходить...

Мне было грустно покидать родной дом, но я вполне соглашался с отцом: теперь уже скоро весна!

— А ведь правда, папа, совсем весной пахнет! — говорил и я, когда утром мы сели в сани, переваливались в воротах через высокий сугроб, набитый вчерашней метелью, и глубоко вздыхали свежим ветром с запахом молодого снега.

— А ты любишь весну? — спрашивал отец с улыбкою.

— Люблю, папа! Очень люблю!

— А деревню любишь?

— Конечно, люблю...

¹ *Ríga* — сарай для сушки снопов.

² *Skírd* — большой, обычно продолговатый стог сена для хранения под открытым небом.

³ *Святая* — имеется в виду праздник Пасхи.

— Это хорошо, — прибавлял отец. — Когда ты вырастешь, ты поймешь, что человек должен жить поближе к природе, любить родные поля, воздух, солнце, небо... Это неправда, будто в деревне скучно. Бедности в деревне много, — вот это правда, и, значит, надо делать так, чтобы было поменьше этой бедности, — помогать деревенским людям, трудиться с ними и для них... И хорошо можно жить в деревне!

«Правда, правда! — думаю я. — В городе даже весной не пахнет. А вот тут пахнет. И проруби вон уже почернели, оттаивать стали...»

Мы проезжаем по большому селу над рекою, и я спешу наглядеться на все деревенское.

Кругом чернеют среди сугробов грязные избы; но скоро сугробы растают, и даже эти бедные избы станут чистенькими и веселыми. Да и теперь весело в них, особенно в тех, кирпичных, где живут зажиточные семьи. И с каким удовольствием входил я в такую избу, когда мы останавливались покормить лошадей!

В кирпичных избах у богатых мужиков всегда сыро, угар зеленоватым паром стоит в теплом воздухе, на полу — мокрая солома, но всегда аппетитно пахнет хлебами, народу много, и все за работой: кто отрывисто гудит тетивой, которая бьет и вздымает пушистую белую «волну»; кто чинит хомут, с внезапной решительностью раздергивая в разные стороны пропущенную в кожу дратву; а бывалый человек, портной, в жилетке, утыканной иголками, и с мотком ниток на шее, забавляет всех рассказами. Сидя на «конике», скорчившись, одна нога под себя, а колено другой поднято почти к самому лицу, — и ухитряясь держать большим пальцем босой ноги край сукна или овчины, он пристально шьет, но говорит не смолкая и при этом задумчиво улыбается веселыми, умными глазами, встряхивая со лба волосы и вдевая на свет нитку в иголку. И все

глядят на него дружелюбно. Он везде свой человек, даже для детей, которых он нянчит по вечерам на руках, дает им брать себя за бороду, а потом вдруг щелкнет зубами, гамкнет, как собака, и схватит ртом детскую ручонку, отчего ребенок, с замиранием сердца ждавший «шутки», радостно взвизгивает и заливается смехом.

Я уже не раз видел его, и теперь смотрю на него с большим любопытством. Но пора ехать. Мы прощаемся с хозяевами и выходим на крыльцо. Хозяин, который нас провожает, стоит на крыльце в шапке, но в одной рубашке, смотрит на меня и, улыбаясь, говорит:

— Что ж, барчук, теперь, значит, до весны в город?

— До весны, — говорю я, — да ведь весна скоро!

— Скоро, скоро! — соглашается мужик.

Мы опять едем мимо черных сельских изб, по буграм, с которых катаются мальчишки на «ледяшках», по лугам, где на высоких лозинах качаются грачиные гнезда, а около горбом нарощих краев проруби бабы бойко полощут белье в темной студеной воде и звонко переговариваются...

Но уже и село кончилось. Впереди только поле, белая пелена пушистого снега. Сколько его набило за ночь в лощинах!.. В поле опять стало ветрено; ветер заносит в сторону гривы и хвосты лошадей, дорога тяжкая; но лошади застоялись, они как будто рады ветру и простору полей и быстро несут нас вперед... Небо сплошь закрыто облаками, вдалеке чернеет лесок.

«Оттепели начались», — думаю я.

И мне представляется, как теперь надолго пойдут эти серые дни, когда на межах в пустой степи уныло качается прошлогодняя полынь от ветра. Но все-таки весна близко! Этот же ветер скоро станет теплее, а когда наступит март, —

шумно и весело пойдет он по березовым лесам в блеске весеннего солнца, пробуждая природу от зимнего сна. А потом загремят по оврагам полые воды, налетят с далекого юга птицы, зазеленеют поля...

Хорошо в полях!

? Поразмышляем над прочитанным

- Каковы впечатления мальчика, его восприятие родной природы, деревни, ее жителей?
- Как восприятие окружающего мира характеризует его взгляды, вкусы, характер? В чем смысл советов отца?
- Бывало ли у вас такое настроение в деревне?

? Проверьте себя

- За что решением Шведской академии в 1933 году И. А. Бунину была присуждена Нобелевская премия? Как об этом сказано в официальном сообщении, выдержка из которого помещена в эпиграфе к рассказу о писателе в вашем учебнике?
- Каким слухом и зрением обладал И. А. Бунин, по его собственным воспоминаниям?
- Перечитайте отрывок из рассказа «Косцы», который вы читали в классе, и высказывание литературоведа О. Н. Михайлова о своих впечатлениях от рассказа. Так ли вы восприняли прочитанное?

«Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже вовеки.

Они косили и пели, и весь березовый лес, еще не утративший густоты и свежести, еще полный цветов и запахов, звучно откликнулся им...» (И. Бунин).

«Великая, всеобъемлющая любовь к отчизне, к России, стократ усиленная вынужденным изгнанием, передана <...> в маленьком рассказе „Косцы“ тем словом, музыка которого, пожалуй, еще никогда не звучала так чисто и пленительно во всей великой нашей литературе. Здесь, в слове, Бунин по праву был завершителем классической традиции и тут не знал себе равных. И русский язык, тот самый, который поддерживал „в дни тяжелых сомнений о судьбах родины“ Тургенева, оставался и продолжал быть лучшим проявлением бунинского таланта» (О. Михайлов).

- Какие особые бунинские слова из рассказов «Косцы» и «В деревне» запомнились вам настолько, что вы могли бы их использовать в своей речи (например: *студеная вода, серые дни, блеск весеннего солнца...*)?

ВЛАДИМИР ГАЛАКТИОНОВИЧ КОРОЛЕНКО

(1853—1921)

Мы надеемся, что вы прочитали полностью повесть «В дурном обществе». Сейчас вы познакомитесь с рассказом «Последний луч».

ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ

I

Ньюйский станок расположен на небольшой полянке, на берегу Лены. Несколько убогих избушек задами прижимаются к отвесным скалам, как бы пятясь от сердитой реки. Лена в этом месте узка, необыкновенно быстра и очень угрюма. Подошвы гор противоположного берега стоят в воде, и здесь больше, чем где-либо, Лена заслуживает свое название «Проклятой щели». Действительно, это как будто гигантская трещина, по дну которой клубится темная река, обставленная угрюмыми скалами, обрывами, ущельями. В ней надолго останавливаются туманы, стоит холодная сырость и почти непрерывные сумерки. Население этого станка даже среди остальных приленских жителей поражает своею вялостью, худосочием и безнадежной апатией¹. Унылый гул лиственниц на горных хребтах составляет вечный аккомпанемент к этому печальному существованию...

Приехав на этот станок ночью, усталый и озябший, я проснулся утром, по-видимому, довольно рано.

Было тихо. В окна глядел не то тусклый рассвет, не то поздний вечер, — что-то заполненное бесформенной и сумеречной мглой. Ветер дул в «щели», как в трубе, и гнал по ней ночные

¹ *Апатия* — безразличное, безучастное отношение к чему или кому-либо.

туманы. Взглянув из окна кверху, я мог видеть клочки ясного неба. Значит, на всем свете зарождалось уже яркое солнечное утро. А мимо станка все продолжала нестись клубами холодная мгла... Было сумрачно, тихо, серо и печально.

В избушке, где я ночевал, на столе горела еще простая керосиновая лампочка, примешивая к сумеркам комнаты свой убогий желтоватый свет. Комната была довольно чистая, деревянные перегородки, отделявшие спальню, были оклеены газетной бумагой. В переднем углу, около божницы, густо пестрели картинки из иллюстраций — главным образом портреты генералов. Один из них был Муравьев-Амурский, большой и в регалиях¹, а рядом еще вчера я разглядел два небольших, скромных портрета декабристов.

Лежа на своей постели, я мог видеть из-за перегородки стол с лампой у противоположной стены. За столом сидел старик с довольно красивым, но бледным лицом. Борода у него была серая, с ровной густой сединой, высокий обнаженный лоб отливал желтизной воска, редкие на темени волосы — сзади были длинны и слегка волнисты. В общем, фигура напоминала духовного, даже, пожалуй, одного из евангелистов, но цвет лица был неприятно бледный и нездоровый, глаза мне казались тусклыми. На шее виднелись, как опухоль, признаки зоба, — болезнь, очень распространенная на Лене, которую приписывают ленской воде.

Рядом с ним сидел мальчик лет около восьми. Мне была видна только его наклоненная голова с тонкими, как лен, белокурыми волосами. Старик, щуря сквозь очки свои подслеповатые глаза, водил указкой по странице лежавшей на столе книги, а мальчик с напряженным вниманием

¹ *Регалии* — внешние знаки отличия.

читал по складам. Когда ему не удавалось, старик поправлял его с ласковым терпением.

— Люди-он... ло... ве-ди-есть, и краткое...

Мальчик остановился. Незнакомое слово, очевидно, не давалось...

Старик сощурился и помог:

— Соловей, — прочел он.

— Соловей, — добросовестно повторил ученик и, подняв недоумевающие глаза на учителя, спросил: — Со-ло-вей... Что такое?

— Птица, — сказал старик.

— Птица... — И он продолжал чтение. — «Слово-иже, си, добро-ять-люди, дел... Соловей си-дел... на че... на че-ре... на че-ре-му-хе...» — Что такое? — опять вопросительно прозвучал, как будто деревянный, безучастный голос ребенка.

— На черемухе. Черемуха, стало быть, дерево. Он и сидел.

— Сидел... Зачем сидел?.. Большая птица?

— Махонькая, поет хорошо.

— Поет хорошо...

Мальчик перестал читать и задумался. В избе стало совсем тихо. Стучал маятник, за окном плыли туманы... Клок неба вверху приводил на память яркий день где-то в других местах, где весной поют соловьи на черемухах... «Что это за жалкое детство! — думал я невольно под однотонные звуки этого детского голоса. — Без соловьев, без цветущей весны... Только вода да камень, заграждающий взгляду простор Божьего мира. Из птиц — чуть ли не одна ворона, по склонам — скучная лиственница да изредка сосна...»

Мальчик прочел еще какую-то фразу все тем же тусклым, непонимающим голосом и вдруг остановился.

— А что, дед, — спросил он, — нам не пора ли, гляди?.. — На этот раз в его голосе слыша-

лись уже живые, взволнованные ноты, и светлые глаза, освещенные огнем лампы, с видимым любопытством обратились на деда.

Тот посмотрел на часы, равнодушно тикавшие маятником, потом на окно с клубившеюся за стеклами мглой и ответил спокойно:

— Рано еще. Только половина!..

— Может, дедушка, часы-то испортились.

— Ну, ну... темно еще... Да оно, глупый, нам же лучше. Вишь, ветер... Может, мороки-те прогонит, а то ничего и не увидишь, как третьеводни.

— Лучше, — повторил мальчик своим прежним, покорным голосом, и чтение продолжалось.

Прошло минут двадцать. Старик взглянул на часы, потом в окно и задул лампочку. В комнате разлился голубоватый полусвет.

— Одевайся, — сказал старик и прибавил: — Тихонько, чтоб Таня не услышала.

Мальчик живо соскочил со стула.

— А ее не возьмем? — спросил он шепотом.

— Не... куда ей... И то кашляет... Пусть спит.

Мальчик принялся одеваться с осторожной торопливостью, и вскоре обе фигуры — дед и внука — промелькнули в сумерках комнаты. На мальчике было надето что-то вроде пальто городского покроя, на ногах большие валенки, шея закутана женским шарфом. Дед был в полушубке. Дверь скрипнула, и оба вышли наружу.

Я остался один. За перегородкой слышалось тихое дыхание спящей девочки и хриплое постукивание маятника. Движение за окном все усиливалось, туманы проносились все быстрее, разрывались чаще, и в промежутках все шире проглядывали суровые пятна темных скал и ущелий. Комната то светлела, то опять погружалась в сумрак.

Мой сон прошел. Молчаливая печаль этого места начинала захватывать меня, и я ждал поч-

ти с нетерпением, когда скрипнет дверь и старик с мальчиком вернутся. Но их все не было...

Тогда я решил посмотреть, что это их выманило из избы в туман и холод. Спал я одетый, поэтому мне не нужно было много времени, чтобы натянуть сапоги и пальто и выйти...

Оба — старик и мальчик — стояли на крыльце, заложив руки в рукава и как будто чего-то ожидая.

Местность показалась мне теперь еще угрюмее, чем из окна. Вверху туман рассеялся, и вершины гор рисовались отчетливо и сурово на посветлевшем небе. На темном фоне гор проносились только отдельные горизонтальные клочья тумана, но внизу все еще стояли холодные сумерки. Ленские струи, еще не замерзшие, но уже тяжелые и темные, сталкивались в тесном русле, заворачивались воронками и омутами. Казалось, река в немом отчаянии кипит и рвется, стараясь пробиться на волю из мрачной щели... Холодный предутренний ветер, прогонявший остатки ночного тумана, трепал нашу одежду и сердито мчался дальше...

Дома станка, неопределенными кучками раскиданные по каменной площадке, начинали просыпаться. Кое-где тянулся дымок, кое-где мерцали окна; высокий худой ямщик в рваном полушубке, зевая, провел в поводу пару лошадей к водопою и скоро ступешивался в тени берегового спуска. Все было буднично и уныло.

— Что это вы ждете? — спросил я у старика.

— Да вот, внучку охота солнушко посмотреть, — ответил он и спросил в свою очередь: — Вы чьи? Российские?

— Да.

— Чернышевых там не знавали?

— Каких Чернышевых? Нет, не знавал.

— Где, поди, знать. Россия велика... Сказывают, генерал был...

Он помолчал, пожимаясь от холода, и, что-то обдумав, опять повернулся ко мне:

— Проезжий тут один сказывал: при царице Екатерине служил Захар Григорьевич Чернышев...

— Да, такой был...

Старик хотел спросить еще что-то, но в это время мальчик резко задвигался и тронул его за рукав...

Я невольно тоже взглянул на вершину утеса, стоявшего на нашей стороне, у поворота Лены...

До сих пор это место казалось каким-то темным жерлом, откуда все еще продолжали выползать туманы. Теперь над ними, в вышине, на остроконечной вершине каменного утеса, внезапно как будто вспыхнула и засветилась верхушка сосны и нескольких уже обнаженных лиственниц. Прорвавшись откуда-то из-за гор противоположного берега, первый луч еще не взошедшего для нас солнца уже коснулся этого каменного выступа и группы деревьев, выросших в его расщелинах. Над холодными синими тенями нашей щели они стояли, как будто в облаках, и тихо сияли, радуясь первой ласке утра.

Все мы молча смотрели на эту вершину, как будто боясь спугнуть торжественно-тихую радость одинокого камня и кучки лиственниц. Мальчик стоял неподвижно, держась за рукав деда. Его глаза были расширены, бледное лицо оживилось и засветилось восторгом. Между тем в вышине что-то опять дрогнуло, затрепетало, и другой утес, до сих пор утопавший в общей синеве угрюмого фона горы, загорелся, присоединившись к освещенной группе. Еще недавно безлично сливавшиеся с отдаленными склонами, теперь они смело выступили вперед, а их фон стал как будто еще отдаленнее, мглистее и темнее.

Мальчик опять дернул деда за рукав, и его лицо уже совершенно преобразилось. Глаза сверка-

ли, губы улыбались, на бледно-желтых щеках, казалось, проступал румянец.

На противоположной стороне реки тоже произошла перемена. Горы все еще скрывали за собой взошедшее солнце, но небо над ними совсем посветлело, и очертания хребта рисовались резко и отчетливо, образуя между двумя вершинами значительную впадину. По темным еще склонам, обращенным к нам, сползали вниз струи молочно-белого тумана и как будто искали места потемнее и посырее... А вверху небо расцветивалось золотом, и ряды лиственниц на гребне выступали на светлом фоне отчетливыми фиолетовыми силуэтами. За ними, казалось, шевелится что-то — радостное, неугомонное и живое. В углублении от горы к горе проплыла легкая тучка, вся в огне, и исчезла за соседней вершиной. За ней другая, третья, целая стая... За горами совершалось что-то ликующее и радостное. Дно расселины все разгоралось. Казалось, солнце подымается с той стороны по склонам хребта, чтобы заглянуть сюда, в эту убогую щель, на эту темную реку, на эти сиротливые избушки, на старика с бледным мальчиком, ждавших его появления.

И вот оно появилось. Несколько ярко-золотистых лучей брызнули беспорядочно в глубине расселины между двумя горами, пробив отверстия в густой стене леса. Огненные искры посыпались пучками вниз, на темные пади и ущелья, вырывая из синего холодного сумрака то отдельное дерево, то верхушку сланцевого утеса, то небольшую горную полянку... Под ними все задвигалось и засуетилось. Группы деревьев, казалось, перебегали с места на место, скалы выступали вперед и опять тонули во мгле, полянки светились и гасли... Полосы тумана змеились внизу тревожнее и быстрее.

Потом на несколько мгновений засветилась даже темная река... Вспыхнули верхушки зыб-

ких волн, бежавших к нашему берегу, засверкал береговой песок с черными пятнами ямщичьих лодок и группами людей и лошадей у водопоя. Косые лучи скользнули по убогим лачугам, отразились в слюдяных окнах, ласково коснулись бледного, восхищенного лица мальчика...

А в расселине между горами уже ясно продвигалась часть огненного солнечного круга, и на нашей стороне весь берег радовался и светился, сверкая, искрясь и переливаясь разноцветными слоями сланцевых пород и зеленью пушистых сосен...

Но это была лишь недолгая ласка утра. Еще несколько секунд, и дно долины опять стало холодно и сине. Река погасла и мчалась опять в своем темном русле, бешено крутя водоворотами, слюдяные окна померкли, тени подымались все выше, горы задернули недавнее разнообразие своих склонов одноцветною синею мглою. Еще несколько секунд горела на нашей стороне одинокая вершина, точно угасающий факел над темными туманами... Потом и она померкла. В расселине закрылись все отверстия, леса сомкнулись по-прежнему сплошной траурной каймой, и только два-три отдельные облачка продвигались над ними, обесцвеченные и холодные...

— Все, — сказал мальчик грустно. И, подняв на деда свои печальные померкшие глаза, прибавил вопросительно: — Больше не будет?

— Не будет, чай, — ответил тот. — Сам ты видел: только край солнушка показался. Завтра уже пойдет низом.

— Кончал, брат! — крикнул возвращавшийся с реки ямщик. — Здравствуйте, дед со внуком!..

Повернувшись, я увидел, что у других избышек тоже кое-где виднелись зрители. Скрипели двери, ямщики уходили в избы, станок утопал опять в обесцвечивающем холодном тумане.

И это уже на долгие месяцы!.. Старик рассказал мне, что летом солнце ходит у них над вершинами, к осени оно опускается все ниже и скрывается за широким хребтом, бессильное уже подняться над его обрезом. Но затем точка восхода передвигается к югу, и тогда на несколько дней оно опять показывается по утрам в расселине между двумя горами. Сначала оно переходит от вершины к вершине, потом все ниже, наконец лишь на несколько мгновений золотые лучи сверкают на самом дне впадины. Это и было сегодня.

Ньюский станок прощался с солнцем на всю зиму. Ямщики, конечно, увидят его во время своих разъездов, но старики и дети не увидят до самой весны или, вернее, до лета...

Последние отблески исчезли... За горами был полный день, но внизу опять сгустился туман, склоны гор задернулись мутной одноцветной дымкой. Рассеянный свет просачивался из-за гор, холодный и неприветливый...

II

— Так вы, говорите, тоже из России? — спросил я у старика, когда мы опять вошли в избу и он поставил на стол небольшой, старенький самовар. Мальчик ушел за перегородку к проснувшейся сестре и стал забавлять ее. По временам оттуда слышался слабый детский смех, точно кто перекидывал кусочки стекла.

Старик поправил убогую скатерку и через некоторое время ответил как-то неохотно:

— Да... Что уж тут... Здесь родились, так и здешние. Они вот, дети, пожалуй что, и не простого роду...

— Как фамилия? — спросил я.

— Да что!.. — опять так же вяло ответил он. — Авдеевы, скажем, фамилия. Да это так, просторечие. А настоящая им фамилия Чернышевы...

Он вдруг оставил скатерть и посмотрел на меня внимательным и заинтересованным взглядом.

— Вы, вот, про Чернышева Захара Григорьевича тоже, значит, читали. Генерал был?

— Да, был генерал при Екатерине. Только он не был сослан.

— Ну, не он, а видно того же роду... При императоре Николае... При восшествии, что ли...

Он испытующе вглядывался в мое лицо, но я не мог ничего припомнить о Чернышеве. Старик грустно покачал головой...

— Говорят, книгочей был. Умирал, все наказывал детям: главное дело за грамоту держитесь крепче...

Он помолчал и затем прибавил:

— Да что уж тут... Известное дело, — гиблое место... Дочь моя за внуком его была, за Евгениевым. Вот и пошли Авдеевы... Не живучи... Сам помер, мать померла, вон двое на руках остались... Я старый, они кволые... Мальчик вот припадочный... Так, видно, и изноем... Следу не останется...

Дверь отворилась, вошел ямщик, перекрестился на образ и сказал:

— Авдеев... Иди, проезжающих запиши... У старосты.

— Ладно!

— Вас разве тоже Авдеевым зовут? — спросил я.

— Да вот, поди-ты... И меня по ним: Авдеев да Авдеев... Когда-то люди были...

И старик, может быть единственный грамотей на Нюйском станке, взял под мышку истрепанную книгу и вышел.

Больше ничего я не мог узнать из области этой туманной генеалогии¹ и вскоре покинул навсегда угрюмый Нюйский станок. Часа через

¹ Генеалогия — родословная.

два, повернув на другое плёсо, я увидел солнце прямо перед собою... Оно стояло невысоко, но все же заливало огненными блестками и берега, и воду... И его тихий, даже, пожалуй, печальный свет показался мне в эту минуту и ярким, и радостным.

III

Впоследствии, вернувшись в Россию, я старался узнать что-нибудь о ссыльной ветви чернышевского рода. Именем Захара Григорьевича Чернышева пестрят страницы екатерининской истории, но он никогда не был в ссылке. Однажды, дожидаясь парохода на волжской отмели, я услышал от рыбака песню о прусском плене русского доброго молодца, Чернышева Захара Григорьевича. Рыбак не знал, конечно, ничего об исторической личности, — но песня все-таки являлась отголоском действительного события. Во времена Пугачева удалой казак Чика принял на себя имя Захара Григорьевича Чернышева и прибавил в народной памяти к популярному имени опальную черту; другая песня говорит уже о темнице на волжском берегу, в городе Лыскове. Удалой добрый молодец, Чернышев Захар Григорьевич, скликает к себе бурлаков и низовую вольницу...

Вообще этому имени почему-то повезло в народной памяти, и среди загадочных личностей Сибири фамилия Чернышевых тоже мелькает довольно часто. Этим я и объяснял себе свою встречу на Ньюйском станке; очевидно, действительное происхождение рода, быть может, ссыльного, потерялось, и старик бессознательно взял популярное имя... В его грустном тоне слышались правдивость и убеждение...

Совсем уже недавно, просматривая небольшую заметку о декабристах, я наткнулся на одно мало известное и мало упоминаемое имя тоже декабриста... «З. Г. Чернышева».

Тогда встреча на Нюйском станке всплыла опять в моей памяти и, казалось, осветилась новым светом: итак, — думал я, — старик Авдеев говорил правду.

Дальнейшие сведения, однако, разрушили эту определенность: декабрист Захар Григорьевич Чернышев вернулся в Россию, здесь женился и умер за границей.

Над генеалогией Авдеевых нависла опять туманная завеса... В обширной и угрюмой Сибири затерялось таким же образом немало жизней, и многие роды с вершин, освещенных солнцем, опускались навсегда в эти холодные низы, в ущелья и туманные долины... Выше Якутска, на берегу Лены, стоит утес, по которому змеится над пропастью узкая тропинка. В расселине скалы сохранились следы жилья. С этим местом связана трогательная легенда: здесь много лет жил какой-то ссыльный, прежде человек знатный, попавший в опалу. В Сибири он жил в разных местах и, наконец, поселился здесь, рядом с убогим поселком. Он сам рубил дрова и таскал воду. Однажды, когда он поднимался на гору с вязанкой дров, вверху на тропинке перед ним появилась знакомая фигура. Это была жена, разыскавшая его в этом ущелье. Ссыльный узнал ее, но от радости или испуга ему сделалось дурно: он покачнулся и упал в пропасть.

Я напрасно старался узнать имя этого человека и подробности этого события: равнодушная и холодная Сибирь плохо хранит эти сведения, и память об этой когда-то, может быть, яркой жизни и трагической смерти замирает отголосками неясной легенды, связанной уже только со скалой, но не с человеком...

Так же неясно и неопределенно происхождение мальчика, которого я встретил на Нюйском станке. Но когда мои воспоминания обращаются к Сибири, в моем воображении невольно встает

эта темная щель, и быстрая река, и убогие лачуги станка, и последние отблески уходящего солнца, гаснущие в печальных глазах последнего потомка какого-то угасающего рода...

? Поразмышляем над прочитанным

- О чем этот рассказ? Что хочет автор рассказать нам о героях? Над чем заставляет задуматься этот рассказ?
- Выберите слова, которые делают картину, нарисованную автором, особенно выразительной (*сердитая река, сумеречная мгла, убогие избушки* и др.).
- Какую характерную черту во всем творчестве В. Г. Короленко подчеркнул А. П. Платонов, слова которого помещены в эпиграфе к рассказу о писателе в вашем учебнике?
- В какой семье родился и воспитывался будущий писатель?
- Почему произведение В. Г. Короленко называется «В дурном обществе»?
- О ком идет речь?

«Все меня звали бродягой, негодным мальчишкой и так часто укоряли в разных дурных наклонностях, что я наконец и сам проникся этим убеждением».

«Это был мальчик лет девяти, больше меня, худощавый и тонкий, как тростник».

«Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца».

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КУПРИН (1870—1938)

Прочитайте рассказ А. И. Куприна «Чудесный доктор». Подумайте, на что обращает внимание писатель. Какие чувства он пытается разбудить в читателе? Удалось ли ему это?

ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР

Следующий рассказ не есть плод досужего вымысла. Все описанное мною действительно произошло в Киеве лет около тридцати тому назад и до сих пор свято, до мельчайших подробностей, сохраняется в преданиях того семейства, о котором пойдет речь. Я, с своей стороны, лишь изменил имена некоторых действующих лиц этой

трогательной истории да придал устному рассказу письменную форму.

— Гриш, а Гриш! Гляди-ка, поросенок-то... Смеется... Да-а. А во рту-то у него!.. Смотри, смотри... травка во рту, ей-богу, травка!.. Вот штука-то!

И двое мальчуганов, стоящих перед огромным, из цельного стекла, окном гастрономического магазина, принялись неудержимо хохотать, толкая друг друга в бок локтями, но невольно приплясывая от жестокой стужи. Они уже более пяти минут торчали перед этой великолепной выставкой, возбуждавшей в одинаковой степени их умы и желудки. Здесь, освещенные ярким светом висящих ламп, возвышались целые горы красных крепких яблок и апельсинов; стояли правильные пирамиды мандаринов, нежно золотившихся сквозь окутывающую их папиросную бумагу; протянулись на блюдах, уродливо разинув рты и выпучив глаза, огромные копченые и маринованные рыбы; ниже, окруженные гирляндами колбас, красовались сочные разрезанные окорока с толстым слоем розоватого сала... Бесчисленное множество баночек и коробочек с солеными, вареными и копчеными закусками довершало эту эффектную картину, глядя на которую оба мальчика на минуту забыли о двенадцатиградусном морозе и о важном поручении, возложенном на них матерью, — поручении, окончившемся так неожиданно и так плачевно.

Старший мальчик первый оторвался от созерцания очаровательного зрелища. Он дернул брата за рукав и произнес сурово:

— Ну, Володя, идем, идем... нечего тут...

Одновременно подавив тяжелый вздох (старшему из них было только десять лет, и к тому же оба с утра ничего не ели, кроме пустых щей) и кинув последний влюбленно-жадный взгляд на

гастрономическую выставку, мальчуганы торопливо побежали по улице. Иногда сквозь запотевшие окна какого-нибудь дома они видели елку, которая издали казалась громадной гроздью ярких, сияющих пятен, иногда они слышали даже звуки веселой польки... Но они мужественно гнали от себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на несколько секунд и прильнуть глазком к стеклу. По мере того как шли мальчики, все малолюднее и темнее становились улицы. Прекрасные магазины, сияющие елки, рысаки, мчавшиеся под своими синими и красными сетками, визг полозьев, праздничное оживление толпы, веселый гул окриков и разговоров, разрумяненные морозом смеющиеся лица нарядных дам — все осталось позади. Потянулись пустыри, кривые, узкие переулки, мрачные, неосвященные косогоры... Наконец они достигли покосившегося ветхого дома, стоявшего особняком; низ его — собственно подвал — был каменный, а верх — деревянный. Обойдя тесным, обледенелым и грязным двором, служившим для всех жильцов естественной помойной ямой, они спустились вниз, в подвал, прошли в темноте общим коридором, отыскивали ощупью свою дверь и открыли ее.

Уже более года жили Мерцаловы в этом подземелье. Оба мальчугана давно успели привыкнуть и к этим закоптелым, плачущим от сырости стенам, и к мокрым отрезкам, сушившимся на протянутой через комнату веревке, и к этому ужасному запаху керосинового чада, детского грязного белья и крыс — настоящему запаху нищеты. Но сегодня, после всего, что они видели на улице, после этого праздничного ликования, которое они чувствовали повсюду, их маленькие детские сердца сжались от острого, недетского страдания.

В углу, на грязной широкой постели, лежала девочка лет семи; ее лицо горело, дыхание было

коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящие глаза смотрели пристально и бесцельно. Рядом с постелью, в люльке, привешенной к потолку, кричал, морщась, надрываясь и захлебываясь, грудной ребенок. Высокая, худая женщина, с изможденным, усталым, точно почерневшим от горя лицом, стояла на коленях около больной девочки, поправляя ей подушку и в то же время не забывая подталкивать локтем качающуюся колыбель.

Когда мальчики вошли и следом за ними стремительно ворвались в подвал белые клубы морозного воздуха, женщина обернула назад свое встревоженное лицо.

— Ну? Что же? — спросила она отрывисто и нетерпеливо.

Мальчики молчали. Только Гриша шумно вытер нос рукавом пальто, переделанного из старого ватного халата.

— Отнесли вы письмо?.. Гриша, я тебя спрашиваю, отдал ты письмо?

— Отдал, — сильным от мороза голосом ответил Гриша.

— Ну, и что же? Что ты ему сказал?

— Да все, как ты учила. Вот, говорю, от Мерцалова письмо, от вашего бывшего управляющего. А он нас обругал: «Убирайтесь вы, говорит, отсюда... Сволочи вы...»

— Да кто же это? Кто же с вами разговаривал?.. Говори толком, Гриша!

— Швейцар разговаривал... Кто же еще? Я ему говорю: «Возьмите, дяденька, письмо, передайте, а я здесь внизу ответа подожду». А он говорит: «Как же, говорит, держи карман... Есть тоже у барина время ваши письма читать...»

— Ну, а ты?

— Я ему все, как ты учила, сказал: «Есть, мол, нечего... Машутка больна... Помирает...» Говорю: «Как папа место найдет, так отблагодает»

рит вас, Савелий Петрович, ей-богу, отблагодарит». Ну, а в это время звонок как зазвонит, как зазвонит, а он нам и говорит: «Убирайтесь скорее отсюда к черту! Чтобы духу вашего здесь не было!..» А Володьку даже по затылку ударил.

— А меня он по затылку, — сказал Володя, следивший со вниманием за рассказом брата, и почесал затылок.

Старший мальчик вдруг принялся озабоченно рыться в глубоких карманах своего халата. Вытащив наконец оттуда измятый конверт, он положил его на стол и сказал:

— Вот оно, письмо-то...

Больше мать не расспрашивала. Долгое время в душной, промозглой комнате слышался только неистовый крик младенца да короткое, частое дыхание Машутки, больше похожее на непрерывные однообразные стоны. Вдруг мать сказала, обернувшись назад:

— Там борщ есть, от обеда остался... Может, поели бы? Только холодный — разогреть-то нечем...

В это время в коридоре послышались чьи-то неуверенные шаги и шуршание руки, отыскивающей в темноте дверь. Мать и оба мальчика — все трое даже побледнев от напряженного ожидания — обернулись в эту сторону.

Вошел Мерцалов. Он был в летнем пальто, летней войлочной шляпе и без калош. Его руки взбухли и посинели от мороза, глаза провалились, щеки облипли вокруг десен, точно у мертвеца. Он не сказал жене ни одного слова, она ему не задала ни одного вопроса. Они поняли друг друга по тому отчаянию, которое прочли друг у друга в глазах.

В этот ужасный роковой год несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала он сам заболел брюшным тифом, и на его лечение ушли все их скудные сбережения. Потом, когда он поправил-

ся, он узнал, что его место, скромное место управляющего домом на двадцать пять рублей в месяц, занято уже другим... Началась отчаянная судорожная погоня за случайной работой, за перепиской, за ничтожным местом, залог и перезалог вещей, продажи всякого хозяйственного трепья. А тут еще пошли болеть дети. Три месяца тому назад умерла одна девочка, теперь другая лежит в жару и без сознания. Елизавете Ивановне приходилось одновременно ухаживать за больной девочкой, кормить грудью маленького и ходить почти на другой конец города в дом, где она поденно стирала белье.

Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий выжать откуда-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. С этой целью Мерцалов обегал чуть ли не полгорода, клянча и унижаясь повсюду; Елизавета Ивановна ходила к своей барыне, дети были посланы с письмом к тому барину, домом которого управлял раньше Мерцалов... Но все отговаривались или праздничными хлопотами, или неимением денег... Иные, как, например, швейцар бывшего патрона, просто-напросто гнали просителей с крыльца.

Минут десять никто не мог произнести ни слова. Вдруг Мерцалов быстро поднялся с сундука, на котором он до сих пор сидел, и решительным движением надвинул глубже на лоб свою истрепанную шляпу.

— Куда ты? — тревожно спросила Елизавета Ивановна.

Мерцалов, взявшийся уже за ручку двери, обернулся.

— Все равно, сидением ничего не поможешь, — хрипло ответил он. — Пойду еще... Хоть милостыню попробую просить.

Выйдя на улицу, он пошел бесцельно вперед. Он ничего не искал, ни на что не надеялся. Он

давно пережил то жгучее время бедности, когда мечтаешь найти на улице бумажник с деньгами или получить внезапно наследство от неизвестного троюродного дядюшки. Теперь им овладело неукротимое желание бежать куда попало, бежать без оглядки, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи.

Просить милостыни? Он уже попробовал это средство сегодня два раза. Но в первый раз какой-то господин в енотовой шубе прочел ему наставление, что надо работать, а не кланчить, а во второй — его обещали отправить в полицию.

Незаметно для себя Мерцалов очутился в центре города, у ограды густого общественного сада. Так как ему пришлось все время идти в гору, то он запыхался и почувствовал усталость. Машинально он свернул в калитку и, пройдя длинную аллею лип, занесенных снегом, опустился на низкую садовую скамейку.

Тут было тихо и торжественно. Деревья, окутанные в свои белые ризы, дремали в неподвижном величии. Иногда с верхней ветки срывался кусочек снега, и слышно было, как он шуршал, падая и цепляясь за другие ветви. Глубокая тишина и великое спокойствие, сторожившие сад, вдруг пробудили в истерзанной душе Мерцалова нестерпимую жажду такого же спокойствия, такой же тишины.

«Вот лечь бы и заснуть, — думал он, — и забыть о жене, о голодных детях, о больной Машутке». Просунув руку под жилет, Мерцалов нащупал довольно толстую веревку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове. Но он не ужаснулся этой мысли, ни на мгновение не содрогнулся перед мраком неизвестного.

«Чем погибать медленно, так не лучше ли избрать более краткий путь?» Он уже хотел встать, чтобы исполнить свое страшное намерение, но

А. И. Куприн. «Чудесный доктор». Худ. И. Харкевич

в это время в конце аллеи слышался скрип шагов, отчетливо раздавшийся в морозном воздухе. Мерцалов с озлоблением обернулся в эту сторону. Кто-то шел по аллее. Сначала был виден огонек то вспыхивающей, то потухавшей сигары. Потом Мерцалов мало-помалу мог разглядеть старика небольшого роста, в теплой шапке, меховом пальто и высоких калошах. Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросил:

— Вы позволите здесь присесть?

Мерцалов умышленно резко отвернулся от незнакомца и подвинулся к краю скамейки. Минут пять прошло в обоюдном молчании, в продолжение которого незнакомец курил сигару и (Мерцалов это чувствовал) искоса наблюдал за своим соседом.

— Ночка-то какая славная, — заговорил вдруг незнакомец. — Морозно... тихо. Что за прелесть — русская зима!

Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. Мерцалов молчал, не оборачиваясь.

— А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил, — продолжал незнакомец (в руках у него было несколько свертков). — Да вот по дороге не утерпел, сделал круг, чтобы садом пройти: очень уж здесь хорошо.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он резким движением повернулся в сторону старика и закричал, нелепо размахивая руками и задыхаясь:

— Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомым ребятишкам подарочки!.. А я... а у меня, милостивый государь, в настоящую минуту мои ребятишки с голоду дома подышают... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребенок целый день не ел... Подарочки!..

Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных, озлобленных криков старик поднимется и уйдет, но он ошибся.

Старик приблизил к нему свое умное, серьезное лицо с седыми баками¹ и сказал дружелюбно, но серьезным тоном:

— Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мне все по порядку и как можно короче. Может быть, вместе мы придумаем что-нибудь для вас.

¹ Баки, или бакенбарды, — часть бороды от висков по щекам.

В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же без малейшей усталости, но страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Он рассказал о своей болезни, о потере места, о смерти ребенка, обо всех своих несчастьях, вплоть до нынешнего дня. Незнакомец слушал, не перебивая его ни словом, и только все пытливей и пристальнее заглядывал в его глаза, точно желая проникнуть в самую глубь этой наболевшей, возмущенной души. Вдруг он быстрым, совсем юношеским движением вскочил с своего места и схватил Мерцалова за руку. Мерцалов невольно тоже встал.

— Едемте! — сказал незнакомец, увлекая за руку Мерцалова. — Едемте скорее!.. Счастье ваше, что вы встретились с врачом. Я, конечно, ни за что не могу ручаться, но... поедemте!

Минут через десять Мерцалов и доктор уже входили в подвал. Елизавета Ивановна лежала на постели рядом со своей больной дочерью, зарывшись лицом в грязные, замаслившиеся подушки. Мальчишки хлебали борщ, сидя на тех же местах. Испуганные долгим отсутствием отца и неподвижностью матери, они плакали, размазывая слезы по лицу грязными кулаками и обильно проливая их в закопченный чугунок. Войдя в комнату, доктор скинул с себя пальто и, оставшись в старомодном, довольно поношенном сюртуке, подошел к Елизавете Ивановне. Она даже не подняла головы при его приближении.

— Ну, полно, полно, голубушка, — заговорил доктор, ласково погладив женщину по спине. — Вставайте-ка! Покажите мне вашу больную.

И точно так же, как недавно в саду, что-то ласковое и убедительное, звучащее в его голосе, заставило Елизавету Ивановну мигом подняться с постели и беспрекословно исполнить все, что

говорил доктор. Через две минуты Гришка уже растапливал печку дровами, за которыми чудесный доктор послал к соседям, Володя раздувал изо всех сил самовар, Елизавета Ивановна обращивала Машутку согревающим компрессом... Немного погодя явился и Мерцалов. На три рубля, полученные от доктора, он успел купить за это время чаю, сахару, булок и достать в ближайшем трактире горячей пищи. Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумажки, который он вырвал из записной книжки. Окончив это занятие и изобразив внизу какой-то своеобразный крючок вместо подписи, он встал, прикрыл написанное чайным блюдечком и сказал:

— Вот с этой бумажкой вы пойдете в аптеку... давайте через два часа по чайной ложке. Это вызовет у малютки отхаркивание... Продолжайте согревающий компресс... Кроме того, хотя бы вашей дочери и сделалось лучше, во всяком случае пригласите завтра доктора Афросимова. Это дельный врач и хороший человек. Я его сейчас же предупрежу. Затем прощайте, господа! Дай Бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнесся к вам, чем этот, а главное — не падайте никогда духом.

Пожав руки Мерцалову и Елизавете Ивановне, все еще не оправившимся от изумления, и потрепав мимоходом по щеке разинувшего рот Володю, доктор быстро всунул свои ноги в глубокие калоши и надел пальто. Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор уже был в коридоре, и кинулся вслед за ним.

Так как в темноте нельзя было ничего разобрать, то Мерцалов закричал наугад:

— Доктор! Доктор, постойте!.. Скажите мне ваше имя, доктор! Пусть хоть мои дети будут за вас молиться!

И он водил в воздухе руками, чтобы поймать невидимого доктора. Но в это время в другом

конце коридора спокойный старческий голос произнес:

— Э! Вот еще пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорей!

Когда он возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов...

В тот же вечер Мерцалов узнал и фамилию своего неожиданного благодетеля. На аптечном ярлыке, прикрепленном к пузырьку с лекарством, четкою рукою аптекаря было написано: «По рецепту профессора Пирогова¹».

Я слышал этот рассказ, и неоднократно, из уст самого Григория Емельяновича Мерцалова — того самого Гришки, который в описанный мною сочельник проливал слезы в закоптелый чугунок с пустым борщом. Теперь он занимает довольно крупный, ответственный пост в одном из банков, слывя образцом честности и отзывчивости на нужды бедности. И каждый раз, заканчивая свое повествование о чудесном докторе, он прибавляет голосом, дрожащим от скрываемых слез:

— С этих пор точно благодетельный ангел снизошел в нашу семью. Все переменялось. В начале января отец отыскал место, Машутка встала на ноги, меня с братом удалось пристроить в гимназию на казенный счет. Просто чудо совершил этот святой человек. А мы нашего чудесного доктора только раз видели с тех пор — это когда его перевозили мертвого в его собственное имение Вишню. Да и то не его видели, потому что то великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невозвратно.

¹ *Пирогов Николай Иванович* (1810—1881) — всемирно известный врач-хирург. Был также известным педагогом, воспитал не одно поколение студентов-медиков. Выступал за всеобщее образование народа, за передовые общественные преобразования.

? Поразмышляем над прочитанным

- Можно ли сказать, что рассказ вызывает сочувствие, сострадание? Как вы понимаете слово «сострадание»?

ВИКТОРИНА

1. Как назвал О. Н. Михайлов талант А. И. Куприна? Вспомните эпиграф к рассказу о писателе в учебнике.
2. Почему детство Куприна было тягостным?
3. В каком рассказе Куприна герой встречается с известным музыкантом? Кто был этим музыкантом?
4. В каком рассказе скворцы освобождали скворечники от воробьев?
5. В каком рассказе Куприна знаменитый доктор помог больному ребенку в бедной семье? Кто был этот замечательный доктор?

ПРОДОЛЖАЕМ ЗНАКОМИТЬСЯ С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКОЙ

**Л. ПАНТЕЛЕЕВ
(1908—1987)**

ДВЕ ЛЯГУШКИ

Жили-были две лягушки. Были они подруги и жили в одной канаве. Только одна из них была храбрая, сильная, веселая, а другая — ни то ни се: трусиха была, лентяйка, соня.

Но все-таки они жили вместе, эти лягушки. И вот однажды ночью вышли они погулять. Идут себе по лесной дороге и вдруг видят: стоит дом. А около дома погреб. И пахнет из этого погреба очень вкусно: плесенью пахнет, сыростью, мохом, грибами. А это как раз то самое, что лягушки любят. Вот забрались они поскорей в погреб, стали там играть и прыгать. Прыгали, прыгали и нечаянно свалились в горшок со сметаной. И стали тонуть.

А тонуть им, конечно, не хочется. Тогда они стали барахтаться, стали плавать. Но у этого глиняного горшка были очень высокие скользкие стенки. И лягушкам оттуда никак не выбраться. Та лягушка, что была лентяйкой, поплавала немного, побарахталась и думает:

«Все равно мне отсюда не выбраться. Зачем же я буду напрасно барахтаться? Только мучиться зря. Уж лучше я сразу утону».

Подумала она так, перестала барахтаться — и утонула.

А вторая лягушка — та была не такая. Та думает:

«Нет, братцы, утонуть я всегда успею. Это от меня не уйдет. А лучше я еще побарахтаюсь, еще поплаваю. Кто его знает, может быть, у меня что-нибудь и выйдет».

Но только — нет, ничего не выходит. Как ни плавай — далеко не уплывешь. Горшок маленький, стенки скользкие — не вылезти лягушке из сметаны. Но все-таки она не сдаётся, не унывает. «Ничего, — думает, — пока силы есть, буду барахтаться. Я ведь еще живая, значит, надо жить. А там — что будет!»

И вот из последних сил борется наша храбрая лягушка со своей лягушачьей смертью. Уж вот она и память стала терять. Уж вот захлебнулась. Уж вот ее ко дну тянет. А она и тут не сдаётся. Знай себе лапками работает. Дрыгает лапками и думает:

«Нет! Не сдамся! Шалишь, лягушачья смерть...» И вдруг — что такое? Вдруг чувствует наша лягушка, что под ногами у нее уже не сметана, а что-то твердое, что-то такое крепкое, надежное, вроде земли. Удивилась лягушка, посмотрела и видит: никакой сметаны в горшке уже нет, а стоит она, лягушка, на комке масла.

«Что такое? — думает лягушка. — Откуда взялось здесь масло?»

Удивилась она, а потом догадалась: ведь это она сама лапками своими из жидкой сметаны твердое масло сбила.

«Ну вот, — думает лягушка, — значит, я хорошо сделала, что сразу не утонула».

Подумала она так, выпрыгнула из горшка, отдохнула и поскакала к себе домой, в лес.

А вторая лягушка осталась в горшке.

И никогда уж она, голубушка, больше не видела белого света, и никогда не прыгала, и никогда не квакала.

Ну что ж. Если говорить правду, так сама ты, лягушка, и виновата. Не падай духом! Не умирай раньше смерти!

? Поразмышляем над прочитанным

- Вы прочитали забавную и поучительную сказку о том, что случилось с двумя лягушками, попавшими в беду. Какая беда приключилась с лягушками? Как они вели себя? Почему погибла одна из них? Как вы объясните последние слова сказки?
- Как удалось избежать беды настойчивой лягушке? Что ей помогло? Какой вывод можно сделать из этой сказки?

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК **(1887—1964)**

Вы прочитали пьесу-сказку С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев». Познакомьтесь с прозаическим вариантом сказки, написанным тоже С. Я. Маршаком. Сравните оба варианта сказки. В чем между ними разница? Какой вариант сказки легче читать по ролям? Назовите героев обеих сказок. Можно ли инсценировать прозаическое произведение? Что для этого нужно сделать?

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Славянская сказка

Знаешь ли ты, сколько месяцев в году?

Двенадцать.

А как их зовут?

Январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Только окончится один месяц, сразу же начинается другой. И ни разу еще не бывало так, чтобы февраль пришел раньше, чем уйдет январь, а май обогнал апрель.

Месяцы идут один за другим и никогда не встречаются.

Но люди рассказывают, будто в горной стране Богемии была девочка, которая видела все двенадцать месяцев сразу.

Как же это случилось?

А вот как.

В одной маленькой деревушке жила злая и скупая женщина с дочкой и падчерицей. Дочку она любила, а падчерица ничем ей не могла угодить. Что ни сделает падчерица, — все не так, как ни повернется, — все не в ту сторону.

Дочка по целым дням на перине валялась да пряники ела, а падчерице с утра до ночи и приесть некогда было: то воды натаскай, то хворосту из лесу привези, то белье на речке выполочи, то грядки в огороде выполи.

Знала она и зимний холод, и летний зной, и весенний ветер, и осенний дождь. Потому-то, может, и довелось ей однажды увидеть все двенадцать месяцев разом.

Была зима. Шел январь месяц. Снегу намело столько, что от дверей его приходилось отгребать лопатами, а в лесу на горе деревья стояли по пояс в сугробах и даже качаться не могли, когда на них налетал ветер.

Люди сидели в домах и топили печки.

В такую-то пору, под вечер, злая мачеха приоткрыла дверь, поглядела, как метет вьюга, а потом вернулась к теплой печке и сказала падчерице:

— Сходила бы ты в лес да набрала там подснежников. Завтра сестрица твоя именинница.

Посмотрела на мачеху девочка: шутит она или вправду посылает ее в лес? Страшно теперь в лесу! Да и какие среди зимы подснежники? Раньше марта месяца они и не появятся на свет, сколько их ни ищи. Только пропадешь в лесу, увязнешь в сугробах.

А сестра говорит ей:

— Если и пропадешь, так плакать о тебе никто не станет! Ступай да без цветов не возвращайся. Вот тебе корзинка.

Заплакала девочка, закуталась в рваный платок и вышла из дверей.

Ветер снегом ей глаза порошит, платок с нее рвет. Идет она, еле ноги из сугробов вытягивает.

Все темнее становится кругом. Небо черное, ни одной звездочки на землю не глядит, а земля чуть посветлее. Это от снега.

Вот и лес. Тут уж совсем темно — рук своих не разглядишь. Села девочка на поваленное дерево и сидит. Все равно, думает, где замерзать.

И вдруг далеко, меж деревьев, блеснул огонек — будто звезда среди ветвей запуталась.

Поднялась девочка и пошла на этот огонек. Тонет в сугробах, через бурелом перелезает. «Только бы, — думает, — огонек не погас!» А он не гаснет, он все ярче горит. Уж и теплым дымком запахло, и слышно стало, как потрескивает в огне хворост.

Девочка прибавила шагу и вышла на полянку. Да так и замерла.

Светло на полянке, точно от солнца. Посреди полянки большой костер горит, чуть ли не до самого неба достает. А вокруг костра сидят люди — кто поближе к огню, кто подальше. Сидят и тихо беседуют.

Смотрит на них девочка и думает: кто же они такие? На охотников будто не похожи, на дровосеков еще того меньше: вон они какие наряд-

ные — кто в серебре, кто в золоте, кто в зеленом бархате.

Стала она считать, насчитала двенадцать: трое старых, трое пожилых, трое молодых, а последние трое — совсем еще мальчики.

Молодые у самого огня сидят, а старики — поодаль.

И вдруг обернулся один старик — самый высокий, бородатый, бровастый — и поглядел в ту сторону, где стояла девочка.

Испугалась она, хотела убежать, да поздно. Спрашивает ее старик громко:

— Ты откуда пришла? Чего тебе здесь нужно?

Девочка показала ему свою пустую корзинку и говорит:

— Нужно мне набрать в эту корзинку подснежников.

Засмеялся старик:

— Это в январе-то подснежников? Вон что выдумала!

— Не я выдумала, — отвечает девочка, — а прислала меня сюда за подснежниками моя мачеха и не велела мне с пустой корзинкой домой возвращаться.

Тут все двенадцать поглядели на нее и стали между собой переговариваться.

Стоит девочка, слушает, а слов не понимает — будто это не люди разговаривают, а деревья шумят.

Поговорили они, поговорили и замолчали.

А высокий старик опять обернулся и спрашивает:

— Что же ты делать будешь, если не найдешь подснежников? Ведь раньше марта месяца они и не выглянут.

— В лесу останусь, — говорит девочка. — Буду марта месяца ждать. Уж лучше мне в лесу замерзнуть, чем домой без подснежников вернуться.

Сказала это и заплакала.

И вдруг один из двенадцати, самый молодой, веселый, в шубке на одном плече, встал и подошел к старику:

— Братец Январь, уступи мне на час свое место!

Погладил свою длинную бороду старик и говорит:

— Я бы уступил, да не бывает Марту прежде Февраля.

— Ладно уж, — проворчал другой старик, весь лохматый, с растрепанной бородой. — Уступи, я спорить не стану! Мы все хорошо ее знаем: то у проруби ее встретишь с ведрами, то в лесу с вязанкой дров... Всем месяцам она своя. Надо ей помочь.

— Ну, будь по-вашему, — сказал Январь.

Стукнул он ледяным своим посохом и заговорил:

Не трещите, морозы,
В заповедном бору,
У сосны, у березы
Не грызите кору!
Полно вам воронье
Замораживать,
Человечье жильё
Выхолаживать!

Замолчал старик, и тихо стало в лесу. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег начал падать густо, большими, мягкими хлопьями.

— Ну, теперь твой черед, братец, — сказал Январь и отдал посох меньшому брату, лохматому Февралю.

Тот стукнул посохом, мотнул бородой и загудел:

Ветры, с ури, ураганы,
Дуйте что есть мочи!
Вихри, вьюги и бураны,
Разыграйтесь к ночи!

В облаках трубите громко,
Вейтесь над землю,
Пусть бежит в полях поземка
Белою змеею!

И только он это сказал, как зашумел в ветвях бурный, мокрый ветер. Закружились снежные хлопья, понеслись по земле белые вихри.

А Февраль отдал свой ледяной посох младшему брату и сказал:

— Теперь твой черед, братец Март.

Взял младший брат посох и ударил оземь.

Смотрит девочка, а это уже не посох. Это большая ветка, вся покрытая почками.

Усмехнулся Март и запел звонко во весь свой мальчишеский голос:

Разбегайтесь, ручьи,
Растекайтесь, лужи,
Вылезайте, муравьи,
После зимней стужи!
Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник.
Стали птицы песни петь,
И расцвел подснежник!

Девочка даже руками всплеснула. Куда девались высокие сугробы? Где ледяные сосульки, что висели на каждой ветке?

Под ногами у нее — мягкая весенняя земля. Кругом каплет, течет, журчит. Почки на ветвях надулись, и уже выглядывают из-под темной кожуры первые зеленые листики.

Глядит девочка — наглядеться не может.

— Что же ты стоишь? — говорит ей Март-месяц. — Торопись, нам с тобой всего один часок братья мои подарили.

Девочка очнулась и побежала в чащу подснежники искать. А их видимо-невидимо! Под кустами и под камнями, на кочках и под кочка-

ми — куда ни поглядишь. Набрала она полную корзину, полный передник — и скорее опять на полянку, где костер горел, где двенадцать братьев сидели.

А там уже ни костра, ни братьев нет... Светло на поляне, да не по-прежнему. Не от огня свет, а от полного месяца, что взошел над лесом.

Пожалела девочка, что поблагодарить ей некого, и побежала домой.

А месяц за нею поплыл.

Не чуя под собой ног, добежала она до своих дверей — и только вошла в дом, как за окошками опять загудела зимняя вьюга, а месяц спрятался в тучи...

— Ну что, — спросили ее мачеха и сестра, — уже домой вернулась? А подснежники где?

Ничего не ответила девочка, только высыпала из передника на лавку подснежники и поставила рядом корзинку.

Мачеха и сестра так и ахнули:

— Да где же ты их взяла?

Рассказала им девочка все, как было. Слушают они обе и головами качают — верят и не верят. Трудно поверить, да ведь вот на лавке целый ворох подснежников, свежих, голубеньких. Так и веет от них мартом месяцем!

Переглянулись мачеха с дочкой и спрашивают:

— А больше тебе ничего месяцы не дали?

— Да я больше ничего и не просила.

— Вот дура так дура! — говорит сестра. — В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретишься, а ничего, кроме подснежников, не выпросила! Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного — яблок да груш сладких, у другого — земляники спелой, у третьего — грибов беленьких, у четвертого — свежих огурчиков!

— Умница, доченька! — говорит мачеха. — Зимой землянике да грушам цены нет. Продали

бы мы их и сколько бы денег выручили! А эта дурочка подснежников натаскала! Одевайся, дочка, потеплее да сходи на полянку. Уж тебя они не проведут, хоть их двенадцать, а ты одна.

— Где им! — отвечает дочка, а сама — руки в рукава, платок на голову.

Мать ей вслед кричит:

— Рукавички надень, шубку застегни!

А дочка уже за дверью. Убежала в лес.

Идет по сестриным следам, торопится. «Скорее бы, — думает, — до полянки добраться!»

Лес все гуще, все темней, сугробы все выше, бурелом стеной стоит.

«Ох, — думает мачехина дочка, — и зачем только я в лес пошла! Лежала бы сейчас дома в теплой постели, а теперь ходи да мерзни! Еще пропадешь тут!»

И только она это подумала, как увидела вдалеке огонек — точно звездочка в ветвях запуталась.

Пошла она на огонек. Шла, шла и вышла на полянку. Посреди полянки большой костер горит, а вокруг костра сидят двенадцать братьев, двенадцать месяцев. Сидят и тихо беседуют.

Подошла мачехина дочка к самому костру, не поклонилась, приветливого слова не сказала, а выбрала место, где пожарче, и стала греться.

Замолчали братья-месяцы. Тихо стало в лесу. И вдруг стукнул Январь-месяц посохом о землю.

— Ты кто такая? — спрашивает. — Откуда взялась?

— Из дому, — отвечает мачехина дочка. — Вы нынче моей сестре целую корзинку подснежников дали. Вот я и пришла по ее следам.

— Сестру твою мы знаем, — говорит Январь-месяц, — а тебя и в глаза не видали. Ты зачем к нам пожаловала?

— За подарками. Пусть Июнь-месяц мне земляники в корзинку насыплет, да покрупней.

А Июль-месяц — огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август — яблок да груш сладких. Сентябрь-месяц — орехов спелых. А Октябрь...

— Погоди, — говорит Январь-месяц. — Не бывать лету перед весной, а весне перед зимой. Далеко еще до Июня-месяца. Я теперь лесу хозяин, тридцать один день здесь царствовать буду.

— Ишь какой сердитый! — говорит мачехина дочка. — Да я не к тебе и пришла — от тебя, кроме снега да инея, ничего не дождешься. Мне летних месяцев надо.

Нахмурился Январь-месяц.

— Ищи лета зимой! — говорит.

Махнул он широким рукавом, и поднялась в лесу метель от земли до неба — заволокла и деревья, и полянку, на которой братья-месяцы сидели. Не видно стало за снегом и костра, а только слышно было, как свистит где-то огонь, потрескивает, полыхает.

Испугалась мачехина дочка.

— Перестань! — кричит. — Хватит!

Да где там!

Кружит ее метель, глаза ей слепит, дух перехватывает. Свалилась она в сугроб, и замело ее снегом.

Ждала-ждала мачеха свою дочку, в окошко смотрела, за дверь выбегала — нет ее, да и только. Закуталась она потеплее и пошла в лес. Да разве найдешь кого-нибудь в чаще в такую метель и темень!

Ходила она, ходила, искала-искала, пока и сама не замерзла.

Так и остались они обе в лесу лета ждать.

А падчерица долго на свете жила, большая выросла, замуж вышла и детей вырастила.

И был у нее, рассказывают, вокруг дома сад — да такой чудесный, какого и свет не видывал. Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблоки

и груши. В жару было там прохладно, в метель тихо.

— У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят! — говорили люди.

Кто знает — может, так оно и было.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ БАЖОВ (1879—1950)

Вы прочитали в классе сказ П. П. Бажова «Медной горы Хозяйка». Понравился ли вам сказ? Познакомьтесь еще с одним произведением этого замечательного писателя.

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

Не одни мраморские на славе были по каменному-то делу. Тоже и в наших заводах, рассказывают, это мастерство имели. Та только различка, что наши больше с малахитом возгались, как его было довольно, и сорт — выше нет. Вот из этого малахиту и выделывали подходяще. Такие, слышь-ко, штучки, что диву дашься: как ему помогло.

Был в ту пору мастер Прокопъич. По этим делам первый. Лучше его никто не мог. В пожилых годах был.

Вот барин и велел приказчику поставить к этому Прокопъичу парнишек на выучку.

— Пущай-де переймут все до тонкости.

Только Прокопъич, — то ли ему жаль было расставаться со своим мастерством, то ли еще что, — учил шибко худо. Все у него с рывка да с тычка.

Насадит парнишке по всей голове шишек, уши чуть не оборвет, да и говорит приказчику:

— Не гоже этот... Глаз у него неспособный, рука не несет. Толку не выйдет.

Приказчику, видно, заказано было ублаготворять Прокопъича.

— Не гожд, так не гожд... Другого дадим... — И нарядит другого парнишку.

Ребятишки прослышали про эту науку... Спозаранку ревут, как бы к Прокопьючу не попасть. Отцам-матерям тоже не сладко родного дитенка на зряшную муку отдавать, — выгораживать стали своих-то, кто как мог. И то сказать, нездорово это мастерство, с малахитом-то. Отрава чистая. Вот и оберегаются люди.

Приказчик все ж таки помнит баринов наказ — ставит Прокопьючу учеников. Тот по своему порядку помытарит парнишку, да и сдаст обратно приказчику.

— Не гожд этот...

Приказчик взъедаться стал:

— До какой поры это будет? Не гожд да не гожд, когда гожд будет? Учи этого... Прокопьюч, знай, свое:

— Мне что... Хоть десять годов учить буду, а толку из этого парнишки не будет...

— Какого тебе еще?

— Мне хоть и вовсе не ставь, — об этом не скучаю...

Так вот и перебрали приказчик с Прокопьючем много ребятишек, а толк один: на голове шишки, а в голове — как бы убежать. Нарочно которые портили, чтобы Прокопьюч их прогнал. Вот так-то и дошло дело до Данилки Недокормыша. Сиротка круглый был этот парнишечко. Годов, поди, тогда двенадцати, а то и боле. На ногах высоконький, а худой-расхудой, в чем душа держится. Ну, а с лица чистенький. Волосенки кудрявеньки, глазенки голубеньки. Его и взяли сперва в казачки при господском доме: табакерку, платок подать, сбегать куда и протча. Только у этого сиротки дарованья к такому делу не оказалось. Другие парнишки на таких-то местах вьюнами вьются. Чуть что — на вытяжку: что прикажете? А этот Данилко забьется куда в уголок, устанится

глазами на картину какую, а то на украшение, да и стоит. Его кричат, а он и ухом не ведет. Били, конечно, поначалу-то, потом рукой махнули:

— Блаженный какой-то! Тихоход! Из такого хорошего слуги не выйдет.

На заводскую работу либо в гору все ж таки не отдали — шибко жидко место, на неделю не хватит. Поставил его приказчик в подпаски. И тут Данилко не вовсе гош пришелся. Парнишечко ровно старательный, а все у него оплошка выходит. Все будто думает о чем-то. Уставится глазами на травинку, а коровы-то — вон где! Старый пастух ласковый попался, жалел сиротку, и тот временем ругался:

— Что только из тебя, Данилко, выйдет? Погубишь ты себя, да и мою старую спину под бой подведешь. Куда это годится? О чем хоть думка-то у тебя?

— Я и сам, дедко, не знаю... Так... ни о чем... Засмотрелся маленько. Букашка по листочку ползла. Сама сизенька, а из-под крылышек у ней желтенько выглядывает, а листок широконый... По краям зубчики, вроде оборочки, выгнуты. Тут потемнее показывает, а середка зеленая-презеленая, ровно ее сейчас выкрасили... А букашка-то и ползет...

— Ну, не дурак ли ты, Данилко? Твое ли дело букашек разбирать? Ползет она — и ползи, а твое дело за коровами глядеть. Смотри у меня, выбрось эту дурь из головы, не то приказчику скажу!

Одно Данилушке далось. На рожке он играть научился — куда старику! Чисто на музыке какой. Вечером, как коров пригонят, девки-бабы просят:

— Сыграй, Данилушко, песенку.

Он и начнет наигрывать. И песни все незнакомые. Не то лес шумит, не то ручей журчит, пташки на всякие голоса перекликаются, а хорошо выходит. Шибко за те песенки стали женщи-

П. П. Бажов. «Каменный цветок». Худ. В. Панов

ны привечать Данилушку. Кто пониточек починит, кто холста на онучи отрежет, рубашонку новую сошьет. Про кусок и разговору нет, — каждая норовит дать побольше да послаще. Старик у пастуху тоже Данилушковые песни по душе пришлись. Только и тут маленько неладно выходило. Начнет Данилушко наигрывать и все забудет, ровно и коров нет. На этой игре и пристигла его беда.

Данилушко, видно, заигрался, а старик задремал по малости. Сколько-то коровенок у них и отбилось. Как стали на выгон собирать, глядят — той нет, другой нет. Искать кинулись, да где тебе. Пасли около Ельничной... Самое тут волчье место, глухое... Одну только коровенку и нашли. Пригнали стадо домой... Так и так — обсказали. Ну, из завода тоже побежали — поехали на розыски, да не нашли.

Расправа тогда, известно, какая была. За всякую вину спину кажи. На грех еще одна-то корова из приказчичьего двора была. Тут и вовсе спуску не жди. Растянули сперва старика, потом и до Данилушки дошло, а он худенький да тощенький. Господский палач оговорился даже.

— Экой-то, — говорит, — с одного разу сомлеет, а то и вовсе душу выпустит.

Ударил все ж таки — не пожалел, а Данилушко молчит. Палач его вдругорядь — молчит, втретьи — молчит. Палач тут и расстервенился, давай полысать со всего плеча, а сам кричит:

— Я тебя, молчуна, доведу... Дашь голос... Дашь!

Данилушко дрожит весь, слезы капают, а молчит. Закусил губенку-то и укрепился. Так и сомлел, а словечка от него не слышали. Приказчик, — он тут же, конечно, был, — удивился:

— Какой еще терпеливый выискался! Теперь знаю, куда его поставить, коли живой останется.

Отлежался-таки Данилушко. Бабушка Вихориха его на ноги поставила. Была, сказывают, старушка такая. Заместо лекаря по нашим заводам на большой славе была. Силу в травах знала: которая от зубов, которая от надсады, которая от ломоты... Ну, все как есть. Сама те травы собирала в самое время, когда какая трава полную силу имела. Из таких трав да корешков настойки готовила, отвары варила да с мазями мешала.

Хорошо Данилушке у этой бабушки Вихорихи пожилось. Старушка, слышь-ко, ласковая да словоохотливая, а трав, да корешков, да цветков всяких у ней засушено да навешано по всей избе. Данилушко к травам-то любопытен — как эту зовут? где растет? какой цветок? Старушка ему и рассказывает.

Раз Данилушко и спрашивает:

— Ты, бабушка, всякий цветок в наших местах знаешь?

— Хвастаться, — говорит, — не буду, а все будто знаю, какие открытые-то.

— А разве, — спрашивает, — еще не открытые бывают?

— Есть, — отвечает, — и такие. Папору вот слышал? Она будто цветет на Иванов день. Тот цветок колдовской. Клады им открывают. Для человека вредный. На разрыв-траве цветок — бегучий огонек. Поймай его — и все тебе затворы открыты. Воровской это цветок. А то еще каменный цветок есть. В малахитовой горе будто растет. На змеинный праздник полную силу имеет. Несчастный тот человек, который каменный цветок увидит.

— Чем, бабушка, несчастный?

— А это, дитенок, я и сама не знаю. Так мне сказывали.

Данилушко у Вихорихи, может, и подольше бы пожил, да приказчиковы вестовщики углядели, что парнишко мало-мало ходить стал, и сейчас к приказчику. Приказчик Данилушку призвал, да и говорит:

— Иди-ко теперь к Прокопьючу — малахитному делу обучаться. Самая там по тебе работа.

Ну, что сделаешь? Пошел Данилушко, а самого еще ветром качает. Прокопьюч поглядел на него, да и говорит:

— Еще такого недоставало. Здоровым парнишкам здешняя учеба не по силе, а с такого что взыщешь — еле живой стоит.

Пошел Прокопьюч к приказчику:

— Не надо такого. Еще ненароком убьешь — отвечать придется.

Только приказчик — куда тебе, слушать не стал:

— Дано тебе — учи, не рассуждай! Он — этот парнишка — крепкий. Не гляди, что жиденский.

— Ну, дело ваше, — говорит Прокопьюч, — было бы сказано. Буду учить, только бы к ответу не потянули.

— Тянуть некому. Одинокий этот парнишка, что хочешь с ним делай, — отвечает приказчик.

Пришел Прокопъич домой, а Данилушко около станочка стоит, досочку малахитовую оглядывает. На этой досочке зарез сделан — кромку отбить. Вот Данилушко на это место уставился и головенкой покачивает.

Прокопъичу любопытно стало, что этот новенький парнишка тут разглядывает. Спросил строго, как по его правилу велось:

— Ты это что? Кто тебя просил поделку в руки брать? Что тут доглядываешь?

Данилушко и отвечает:

— На мой глаз, дедушко, не с этой стороны кромку отбивать надо. Вишь, узор тут, а его и срежут.

Прокопъич закричал, конечно:

— Что? Кто ты такой? Мастер? У рук не бывало, а судишь? Что ты понимать можешь?

— То и понимаю, что эту штуку испортили, — отвечает Данилушко.

— Кто испортил? а? Это ты, сопляк, мне — первому мастеру!.. Да я тебе такую порчу покажу... жив не будешь!

Пошумел так-то, покричал, а Данилушку пальцем не задел. Прокопъич-то, вишь, сам над этой досочкой думал — с которой стороны кромку срезать. Данилушко своим разговором в самую точку попал. Прокричался Прокопъич и говорит вовсе уж добром:

— Ну-ко, ты, мастер явленный, покажи, как по-твоему сделать?

Данилушко и стал показывать да рассказывать:

— Вот бы какой узор вышел. А того бы лучше — пустить досочку поуже, по чистому полю кромку отбить, только бы сверху плетешок малый оставить.

Прокопъич знай покрикивает:

— Ну-ну... Как же! Много ты понимаешь. Накопил — не просыпь! — А про себя думает: «Верно парнишка говорит. Из такого, пожалуй, толк будет. Только учить-то его как? Стукни разок — он и ноги протянет».

Подумал так, да и спрашивает:

— Ты хоть чей, экий ученый?

Данилушко и рассказал про себя.

Дескать, сирота. Матери не помню, а про отца и вовсе не знаю, кто был. Кличут Данилкой Недокормышем, а как отчество и прозвание отцовское — про то не знаю. Рассказал, как он в дворе не был и за что его прогнали, как потом лето с коровьим стадом ходил, как под бой попал.

Прокопъич пожалел:

— Не сладко, гляжу, тебе, парень, житьишко-то задалось, а тут еще ко мне попал. У нас мастерство строгое.

Потом будто рассердился, заворчал:

— Ну, хватит, хватит! Вишь, разговорчивый какой! Языком-то — не руками — всяк бы работал. Целый вечер лясы да балясы! Ученичок тоже! Погляжу вот завтра, какой у тебя толк. Садись ужинать, да и спать пора.

Прокопъич одиночкой жил. Жена-то у него давно умерла. Старушка Митрофановна из соседней с находу у него хозяйство вела. Утрами ходила постряпать, сварить чего, в избе прибрать, а вечером Прокопъич сам управлял, что ему надо.

Поели, Прокопъич и говорит:

— Ложись вон тут на скамеечке!

Данилушко разулся, котомку свою под голову, понитком закрылся, поежился маленько, — вишь, холодно в избе-то было по осеннему времени, — все-таки вскорости уснул. Прокопъич тоже лег, а уснуть не мог: все у него разговор о малахитовом узоре из головы нейдет. Ворочал-

ся-ворочался, встал, зажег свечку, да и к станку — давай эту малахитовую досочку так и сяк примерять. Одну кромку закроет, другую... прибавит поле, убавит. Так поставит, другой стороной повернет, и все выходит, что парнишка лучше узор понял.

— Вот тебе и Недокормышек! — дивится Прокопъич. — Еще ничем-ничего, а старому мастеру указал. Ну, и глазок! Ну, и глазок!

Пошел потихоньку в чулан, притащил оттуда подушку да большой овчинный тулуп. Подсунул подушку Данилушке под голову, тулупом накрыл:

— Спи-ко, глазастый!

А тот и не проснулся, повернулся только на другой бочок, растянулся под тулупом-то — тепло ему стало, — и давай насвистывать носом полегоньку. У Прокопъича своих ребят не было, этот Данилушко и припал ему к сердцу. Стоит мастер, любитесь, а Данилушко, знай, посвистывает, спит себе спокойненько. У Прокопъича забота, — как бы этого парнишку хорошенько на ноги поставить, чтоб не такой тощий да нездоровый был.

— С его ли здоровьишком нашему мастерству учиться. Пыль, отравы, — живо зачахнет. Отдохнуть бы ему сперва, подправиться, потом учить стану. Толк, видать, будет.

На другой день и говорит Данилушке:

— Ты спервоначалу по хозяйству помогать будешь. Такой у меня порядок заведен. Понял? Для первого разу сходи за калиной. Ее иньями прихватило, — в самый раз она теперь на пироги. Да, гляди, не ходи далеко-то. Сколь наберешь — то и ладно. Хлеба возьми полишку, — естся в лесу-то, — да еще к Митрофановне зайди. Говорил ей, чтоб тебе пару яичек испекла да молока в туюсочек¹ плеснула. Понял?

¹ Туюсók, туюсóчек — берестяной кузовок.

На другой день опять говорит:

— Поймай-ко мне щегленка поголосистее да чечетку побойчее. Гляди, чтобы к вечеру были. Понял?

Когда Данилушко поймал и принес, Прокопъич говорит:

— Ладно, да не вовсе. Лови других.

Так и пошло. На каждый день Прокопъич Данилушке работу дает, а все забава. Как снег выпал, велел ему с соседом за дровами ездить — пособишь-де. Ну, а какая подмога! Вперед на санях сидит, лошадью правит, а назад за возом пешком идет. Промнется так-то, поест дома да спит покрепче. Шубу ему Прокопъич справил, шапку теплую, рукавицы, пимы¹ на заказ скатали. Прокопъич, видишь, имел достаток. Хоть крепостной был, а по оброку ходил, зарабатывал маленько. К Данилушке-то он крепко прилип. Прямо сказать, за сына держал. Ну, и не жалел для него, а к делу своему не подпускал до времени.

В хорошем-то житье Данилушко живо поправляться стал и к Прокопъичу тоже прильнул. Ну, как! — понял Прокопъичеву заботу, в первый раз так-то пришлось пожить. Прошла зима. Данилушке и вовсе вольготно стало. То он на пруд, то в лес. Только и к мастерству Данилушко присматривался. Прибежит домой, и сейчас же у них разговор. То, другое Прокопъичу расскажет, да и спрашивает — это что да это как? Прокопъич объяснит, на деле покажет. Данилушко примечает. Когда и сам примется: «Ну-ко, я...» — Прокопъич глядит, поправит, когда надо, укажет, как лучше.

Вот как-то раз приказчик и углядел Данилушку на пруду. Спрашивает своих-то вестовчиков:

— Это чей парнишка? Который день его на пруду вижу... По будням с удочкой балуется, а уж не маленький... Кто-то его от работы прячет...

¹ Пимы — валенки.

Узнали вестовщики, говорят приказчику, а он не верит.

— Ну-ко, — говорит, — тащите парнишку ко мне, сам дознаюсь.

Привели Данилушку. Приказчик спрашивает:

— Ты чей?

Данилушко и отвечает:

— В ученье, дескать, у мастера по малахитному делу.

Приказчик тогда хватъ его за ухо:

— Так-то ты, стервец, учишься! — Да за ухо и повел к Прокопъичу.

Тот видит — неладно дело, давай выгораживать Данилушку:

— Это я сам его послал окуньков половить. Сильно о свеженьких-то окуньках скучаю. По нездоровью моему другой еды принимать не могу. Вот и велел парнишке половить.

Приказчик не поверил. Смекнул тоже, что Данилушко вовсе другой стал: поправился, рубашонка на нем добрая, штанишки тоже и на ногах сапожнешки. Вот и давай проверку Данилушке делать:

— Ну-ко, покажи, чему тебя мастер выучил?

Данилушко запончик¹ надел, подошел к станку и давай рассказывать да показывать. Что приказчик спросит — у него на все ответ готов. Как околтать² камень, как распилить, фасочку снять³, чем когда склеить, как полер навести⁴, как на медь присадить, как на дерево. Одним словом, все как есть.

Пытал-пытал приказчик, да и говорит Прокопъичу:

— Этот, видно, гож тебе пришелся?

— Не жалуюсь, — отвечает Прокопъич.

¹ *Запѳн*, *запѳнчик* — фартук, фартучек.

² *Околтать* — обтесать камень, придать ему основную форму.

³ *Фаску*, *фасочку снять* — обточить грань.

⁴ *Пѳлер навести* — отшлифовать.

— То-то, не жалуешься, а баловство разводишь! Тебе его отдали мастерству учиться, а он у пруда с удочкой! Смотри! Таких тебе свежих окуньков отпущу — до смерти не забудешь, да и парнишке невесело станет.

Погрозился так-то, ушел, а Прокопъич дивуется:

— Когда хоть ты, Данилушко, все это понял? Ровно я тебя еще и вовсе не учил.

— Сам же, — говорит Данилушко, — показывал да рассказывал, а я примечал.

У Прокопъича даже слезы закапали, — до того ему это по сердцу пришлось.

— Сыночек, — говорит, — милый, Данилушко... Что еще знаю, все тебе открою... Не по-таю...

Только с той поры Данилушке не стало вольготного житья. Приказчик на другой день послал за ним и работу на урок стал давать. Сперва, конечно, попроще что: бляшки, какие женщины носят, шкатулочки. Потом с точкой пошло: подсвечники да украшенья разные. Там и до резьбы доехали. Листочки да лепесточки, узорчики да цветочки. У них ведь — малахитчиков — дело мешкотное. Пустяковая ровно штука, а сколько он над ней сидит! Так Данилушко и вырос за этой работой.

А как выточил зарукавье¹ — змейку из цельного камня, так его и вовсе мастером приказчик признал. Барину об этом отписал:

«Так и так, объявился у нас новый мастер по малахитному делу — Данилко Недокормыш. Работает хорошо, только по молодости еще тих. Прикажете на уроках его оставить али, как и Прокопъича, на оброк отпустить?»

Работал Данилушко вовсе не тихо, а на диво ловко да скоро. Это уж Прокопъич тут сноровку

¹ Зарукавье — браслет.

поимел. Задаст приказчик Данилушке какой урок на пять ден, а Прокопъич пойдет да и говорит:

— Не в силу это. На такую работу полмесяца надо. Учится ведь парень. Поторопится — только камень без пользы изведет.

Ну, приказчик поспорит сколько, а дней, глядишь, прибавит. Данилушко и работал без натуги. Поучился даже потихоньку от приказчика читать, писать. Так, самую малость, а все ж таки разумел грамоте. Прокопъич ему в этом тоже сноровлял¹. Когда и сам наладится приказчиковы уроки за Данилушку делать, только Данилушко этого не допускал:

— Что ты! Что ты, дяденька! Твое ли дело за меня у станка сидеть! Смотри-ка, у тебя борода позеленела от малахиту, здоровьем скудаться² стал, а мне что делается?

Данилушко и впрямь к той поре выправился. Хоть по старинке его Недокормышем звали, а он вон какой! Высокий да румяный, кудрявый да веселый. Одним словом, сухота девичья. Прокопъич уж стал с ним про невест заговаривать, а Данилушко, знай, головой потряхивает:

— Не уйдет от нас! Вот мастером настоящим стану, тогда и разговор будет.

Барин на приказчиково известие отписал:

«Пусть тот Прокопъичев выученик Данилко сделает еще точеную чашу на ножке для моего дому. Тогда погляжу — на оброк отпустить али на уроках держать. Только ты гляди, чтобы Прокопъич тому Данилке не пособлял. Не доглядишь — с тебя взыск будет».

Приказчик получил это письмо, призвал Данилушку, да и говорит:

— Тут, у меня, работать будешь. Станок тебе наладят, камню привезут, какой надо.

¹ *Сноровлять, сноровить* — содействовать, помогать, сделать кстати.

² *Скудаться* — недомогать, хворать.

Прокопъич узнал, запечалился: как так? что за штука? Пошел к приказчику, да разве он скажет... Закричал только: «Не твое дело!»

Ну, вот пошел Данилушко работать на новое место, а Прокопъич ему наказывает:

— Ты, гляди, не торопись, Данилушко! Не оказывай себя.

Данилушко сперва остерегался. Примеривал да прикидывал больше, да тоскливо ему показалось. Делай не делай, а срок отбывай — сиди у приказчика с утра до ночи. Ну, Данилушко от скуки и сорвался на полную силу. Чаша-то у него живой рукой и вышла из дела. Приказчик поглядел, будто так и надо, да и говорит:

— Еще такую же делай!

Данилушко сделал другую, потом третью. Вот когда он третью-то кончил, приказчик и говорит:

— Теперь не увернешься! Поймал я вас с Прокопъичем. Барин тебе, по моему письму, срок для одной чаши дал, а ты три выточил. Знаю твою силу. Не обманешь больше, а тому старому псу покажу, как потворствовать! Другим закажет!

Так об этом и барину написал и чаши все три предоставил. Только барин, — то ли на него умный стих нашел, то ли он на приказчика за что сердит был, — все как есть наоборот повернул.

Оброк Данилушке назначил пустяковый, не велел парня от Прокопъича брать — может-де вдвоем скорее придумают что новенькое. При письме чертеж послал. Там тоже чаша нарисована со всякими штуками. По ободку кайма резная, на поясе лента каменная со сквозным узором, на подножке листочки. Одним словом, придумано. А на чертеже барин подписал: «Пусть хоть пять лет просидит, а чтобы такая в точности сделана была».

Пришлось тут приказчику от своего слова отступить. Объявил, что барин написал, отпустил Данилушку к Прокопъичу и чертеж отдал.

Повеселели Данилушко с Прокопъичем, и работа у них бойчее пошла. Данилушко вскоре за ту новую чашу принялся. Хитрости в ней многое множество. Чуть неладно ударил, — пропала работа, снова начинай. Ну, глаз у Данилушки верный, рука смелая, силы хватит — хорошо идет дело. Одно ему не по нраву — трудности много, а красоты ровно и вовсе нет. Говорил Прокопъичу, а он только удивился:

— Тебе-то что? Придумали — значит, им надо. Мало ли я всяких штук выточил да вырезал, а куда они — толком и не знаю.

Пробовал с приказчиком поговорить, так куда тебе. Ногами затопал, руками замахал:

— Ты очумел? За чертеж большие деньги плачены. Художник, может, по столице первый его делал, а ты пересуживать выдумал!

Потом, видно, вспомнил, что барин ему заказывал, — не выдумают ли вдвоем-то чего новенького, — и говорит:

— Ты вот что... делай эту чашу по барскому чертежу, а если другую от себя выдумаешь — твое дело. Мешать не стану. Камня у нас, по-ди-ко, хватит. Какой надо — такой и дам.

Тут вот Данилушке думка и запала. Не нами сказано — чужое охаять мудрости немного надо, а свое придумать — не одну ночку с боку на бок повертись. Вот Данилушко сидит над этой чашей по чертежу-то, а сам про другое думает. Переводит в голове, какой цветок, какой листок к малахитовому камню лучше подойдет. Задумчивый стал, невеселый. Прокопъич заметил, спрашивает:

— Ты, Данилушко, здоров ли? Полегче бы с этой чашей. Куда торопиться? Сходил бы в разгулку куда, а то все сидишь да сидишь.

— И то, — говорит Данилушко, — в лес хоть сходить. Не увижу ли, что мне надо.

С той поры и стал чуть не каждый день в лес бегать. Время как раз покосное, ягодное. Травы

все в цвету. Данилушко остановится где на покосе либо на полянке в лесу и стоит, смотрит. А то опять ходит по покосам да разглядывает траву-то, как ищет что. Людей в ту пору в лесу и на покосах много. Спрашивают Данилушку — не потерял ли чего? Он улыбнется этак невесело, да и скажет:

— Потерять не потерял, а найти не могу.

Ну, которые и заговаривали:

— Неладно с парнем.

А он придет домой и сразу к станку, да до утра и сидит, а с солнышком опять в лес да на покосы. Листки да цветки всякие домой притаскивать стал, а все больше из объеда: черемицу да омег, дурман да багульник, да резуну всякие. С лица спал, глаза беспокойные стали, в руках смелость потерял. Прокопъич вовсе забеспокоился, а Данилушко и говорит:

— Чаша мне покою не дает. Охота так ее сделать, чтобы камень полную силу имел.

Прокопъич давай отговаривать:

— На что она тебе далась? Сыты ведь, чего еще? Пущай бары тешатся, как им любо. Нас бы только не задевали. Придумают какой узор — сделаем, а навстречу-то им зачем лезть? Лишний хомут надевать — только и всего.

Ну, Данилушко на своем стоит.

— Не для барина, — говорит, — стараюсь. Не могу из головы выбросить ту чашу. Вижу, поди-ко, какой у нас камень, а мы что с ним делаем? Точим да режем, да полер наводим и вовсе ни к чему. Вот мне и припало желанье так сделать, чтобы полную силу камня самому поглядеть и людям показать.

По времени отошел Данилушко, сел опять за ту чашу, по барскому-то чертежу. Работает, а сам посмеивается:

— Лента каменная с дырками, каемочка резная...

Потом вдруг забросил эту работу. Другое начал. Без передышки у станка стоит. Прокопъичу сказал:

— По дурман-цветку свою чашу делать буду.

Прокопъич отговаривать принялся. Данилушко сперва и слушать не хотел, потом, дня через три-четыре, как у него какая-то оплошка вышла, и говорит Прокопъичу:

— Ну ладно. Сперва барскую чашу кончу, потом за свою примусь. Только ты уж тогда меня не отговаривай... Не могу ее из головы выбросить.

Прокопъич отвечает:

— Ладно, мешать не стану, — а сам думает: «Уходитя парень, забудет. Женить его надо. Вот что! Лишняя дурь из головы вылетит, как семьей обзаведется».

Занялся Данилушко чашей. Работы в ней много — в один год не укладешь. Работает усердно, про дурман-цветок не поминает. Прокопъич и стал про женитьбу заговаривать:

— Вот хоть бы Катя Летемина — чем не невеста? Хорошая девушка... Похаять нечем.

Это Прокопъич-то от ума говорил. Он, вишь, давно заприметил, что Данилушко на эту девушку сильно поглядывал. Ну, и она не отворачивалась. Вот Прокопъич, будто ненароком, и заводил разговор. А Данилушко свое твердит:

— Погоди! Вот с чашкой управлюсь. Надоела мне она. Того и гляди — молотком стукну, а он про женитьбу! Уговорились мы с Катей. Подождет она меня.

Ну, сделал Данилушко чашу по барскому чертежу. Приказчику, конечно, не сказали, а дома у себя гулянку маленькую придумали сделать. Катя — невеста-то — с родителями пришла, еще которые... из мастеров же малахитных больше. Катя дивится на чашу.

— Как, — говорит, — только ты ухитрился узор такой вырезать и камня нигде не обломил! До чего все гладко да чисто обточено!

Мастера тоже одобряют:

— В аккурат-де по чертежу. Придраться не к чему. Чисто сработано. Лучше не сделать, да и скоро. Так-то работать станешь — пожалуй, нам тяжело за тобой тянуться.

Данилушко слушал-слушал, да и говорит:

— То и горе, что похаять нечем. Гладко да ровно, узор чистый, резьба по чертежу, а красота где? Вон цветок... самый что ни есть плохонький, а глядишь на него — сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует? На что она? Кто поглядит, всяк, как вон Катенька, подивится, какой-де у мастера глаз да рука, как у него терпенья хватило нигде камень не обломить.

— А где оплошал, — смеются мастера, — там подклеил да полером прикрыл, и концов не найдешь.

— Вот-вот... А где, спрашиваю, красота камня? Тут прожилка прошла, а ты на ней дырки сверлишь да цветочки режешь. На что они тут? Порча ведь это камня. А камень-то какой! Первый камень! Понимаете, первый!

Горячиться стал. Выпил, видно, маленько.

Мастера и говорят Данилушке, что ему Прокосьич не раз говорил:

— Камень — камень и есть. Что с ним сделаешь? Наше дело такое — точить да резать.

Только был тут старичок один. Он еще Прокосьича и тех — других-то мастеров — учил. Все его дедушкой звали. Вовсе ветхий старичочко, а тоже этот разговор понял, да и говорит Данилушке:

— Ты, милый, по этой половице не ходи! Из головы выбрось! А то попадешь к Хозяйке в горные мастера...

— Какие мастера, дедушко?

— А такие... в горе живут, никто их не видит... Что Хозяйке понадобится, то они сделают. Случилось мне раз видеть. Вот работа! От нашей, от здешней, на отличку.

Всем любопытно стало. Спрашивают, — какую поделку видел.

— Да змейку, — говорит, — ту же, какую вы на зарукавье точите.

— Ну, и что? Какая она?

— От здешних, говорю, на отличку. Любой мастер увидит, сразу узнает — не здешняя работа. У наших змейка, сколь чисто ни выточат, каменная, а тут как есть живая. Хребтик черненький, глазки... Того и гляди — клюнет. Им ведь что! Они цветок каменный видали, красоту поняли.

Данилушко, как услышал про каменный цветок, давай спрашивать старика. Тот по совести сказал:

— Не знаю, милый сын. Слышал, что есть такой цветок. Видеть его нашему брату нельзя. Кто поглядит, тому белый свет не мил станет.

Данилушко на это и говорит:

— Я бы поглядел.

Тут Катенька, невеста-то его, так и затрепыхалась:

— Что ты, что ты, Данилушко! Неуж тебе белый свет наскучил? — да в слезы.

Прокопчыч и другие мастера сметили дело, давай старого мастера на смех подымать:

— Выживаться из ума, дедушко, стал. Сказки сказываешь. Парня зря с пути сбиваешь.

Старик разгорячился, по столу стукнул:

— Есть такой цветок! Парень правду говорит: камень мы не разумеем. В том цветке красота показана.

Мастера смеются:

— Хлебнул, дедушко, лишка!

А он свое:

— Есть каменный цветок!

Разошлись гости, а у Данилушки тот разговор из головы не выходит. Опять стал в лес бегать да около своего дурман-цветка ходить, про свадьбу и не поминает. Прокопъич уж понуждать стал:

— Что ты девушку позоришь? Который год она в невестах ходить будет? Того жди — пере-смеивать ее станут. Мало смотниц-то¹?

Данилушко одно свое:

— Погоди ты маленько! Вот только придумаю да камень подходящий подберу.

И повадился на медный рудник — на Гумешки-то. Когда в шахту спустится, по забоям обойдет, когда наверху камни перебирает. Раз как-то поворотил камень, оглядел его, да и говорит:

— Нет, не тот...

Только это промолвил, кто-то и говорит:

— В другом месте поищи... у Змеиной горки.

Глядит Данилушко — никого нет. Кто бы это? Шутят, что ли... Будто и спрятаться негде. Поогляделся еще, пошел домой, а вслед ему опять:

— Слышишь, Данило-мастер? У Змеиной горки, говорю.

Оглянулся Данилушко, — женщина какая-то чуть видна, как туман голубенький. Потом ничего не стало.

«Что, — думает, — за штука? Неуж *сама*? А что, если сходить на Змеиную-то?»

Змеиную горку Данилушко хорошо знал. Тут же она была, недалеко от Гумешек. Теперь ее нет, давно всю срыли, а раньше камень поверху брали.

Вот на другой день и пошел туда Данилушко. Горка хоть небольшая, а крутенькая. С одной стороны и вовсе как срезано. Глядельце² тут первосортное. Все пласты видно, лучше некуда.

Подошел Данилушко к этому глядельцу, а тут малахитина выворочена. Большой камень — на

¹ *Смотница* — сплетница.

² *Глядельце* — разлом горы, глубокая промоина — место, где видно напластование горных пород.

руках не унести, и будто обделан вроде кустика. Стал оглядывать Данилушко эту находку. Все, как ему надо, цвет снизу погуще, жилки на тех самых местах, где требуется... Ну, все как есть... Обрадовался Данилушко, скорей за лошадью побежал, привез камень домой, говорит Прокопичу:

— Гляди-ко, камень какой! Ровно нарочно для моей работы. Теперь живо сделаю. Тогда и жениться. Верно, заждалась меня Катенька. Да и мне это не легко. Вот только эта работа меня и держит. Скорее бы ее кончить!

Ну, и принялся Данилушко за тот камень. Ни дня, ни ночи не знает. А Прокопич помалкивает. Может, уgomонится парень, как охотку шешит. Работа ходко идет. Низ камня отделал. Как есть, слышь-ко, куст дурмана. Листья широкие кучкой, зубчики, жилки — все пришлось лучше нельзя. Прокопич и то говорит — живой цветок-то, хоть рукой пощупать. Ну, как до веру дошел — тут заколодило. Стебелек выточил, боковые листики тонехоньки — как только держатся! Чашку, как у дурман-цветка, а не то... Не живой стал и красоту потерял. Данилушко тут и сна лишился. Сидит над этой своей чашей, придумывает, как бы поправить, лучше сделать. Прокопич и другие мастера, кои заходили поглядеть, дивятся, — чего еще парню надо? Чашка вышла — никто такой не делывал, а ему неладно. Умуется¹ парень, лечить его надо.

Катенька слышит, что люди говорят, — заплакивать стала. Это Данилушку и образумило.

— Ладно, — говорит, — больше не буду. Видно, не подняться мне выше-то, не поймать силу камня. — И давай сам торопить со свадьбой. Ну, а что торопить, коли у невесты давным-давно все готово. Назначили день. Повеселел Дани-

¹ Умуется — близок к помешательству; заговаривается.

лушко. Про чашу-то приказчику сказал. Тот прибежал, глядит — вот штука какая! Хотел сейчас эту чашу барину отправить, да Данилушко говорит:

— Погоди маленько, доделка есть.

Время осеннее было. Как раз около Змеиного праздника свадьба прищлась. К слову, кто-то и помянул про это — вот-де скоро змеи все в одно место соберутся. Данилушко эти слова на приметку взял. Вспомнил опять разговоры о малахитовом цветке. Так его и потянуло: «Не сходить ли последний раз к Змеиной горке? Не узнаю ли там чего?» — и про камень припомнил: «Ведь как положенный был! И голос на руднике-то... про Змеиную же горку говорил».

Вот и пошел Данилушко. Земля тогда уже подмерзать стала, снежок припорашивал. Подошел Данилушко ко крутику, где камень брал, глядит, а на том месте выбоина большая, будто камень ломали. Данилушко о том не подумал, кто это камень ломал, зашел в выбоину. «Посижу, — думает, — отдохну за ветром. Потеплее тут». Глядит — у одной стены камень-серовик, вроде стула. Данилушко тут и сел, задумался, в землю глядит, и все цветок тот каменный из головы нейдет. «Вот бы поглядеть!» Только вдруг тепло стало, ровно лето воротилось. Данилушко поднял голову, а напротив, у другой-то стены, сидит Медной горы Хозяйка. По красоте-то да по платью малахитову Данилушко сразу ее признал. Только и то думает:

«Может, мне это кажется, а на деле никого нет». Сидит — молчит, глядит на то место, где Хозяйка, и будто ничего не видит. Она тоже молчит, вроде как призадумалась. Потом и спрашивает:

— Ну, что, Данило-мастер, не вышла твоя дурман-чаша?

— Не вышла, — отвечает.

— А ты не вешай голову-то! Другое попытай. Камень тебе будет, по твоим мыслям.

— Нет, — отвечает, — не могу больше. Измаялся весь, не выходит. Покажи каменный цветок.

— Показать-то, — говорит, — просто, да потом жалеть будешь.

— Не отпустишь из горы?

— Зачем не отпущу! Дорога открыта, да только ко мне же ворочаются.

— Покажи, сделай милость!

Она еще его уговаривала:

— Может, еще попытаешь сам добиться! — Про Прокопьяча тоже помянула: — Он-де тебя пожалел, теперь твой черед его пожалеть. — Про невесту напомнила: — Души в тебе девка не чаёт, а ты на сторону глядишь.

— Знаю я, — кричит Данилушко, — а только без цветка мне жизни нет. Покажи!

— Когда так, — говорит, — пойдём, Данило-мастер, в мой сад.

Сказала и поднялась. Тут и зашумело что-то, как осыпь земляная. Глядит Данилушко, а стен никаких нет. Деревья стоят высоченные, только не такие, как в наших лесах, а каменные. Которые мраморные, которые из змеевика-камня... Ну, всякие... Только живые, с сучьями, с листочками. От ветру-то покачиваются и голк¹ дают, как галечками кто подбрасывает. Понизу трава, тоже каменная. Лазоревая, красная... разная... Солнышка не видно, а светло, как перед закатом. Промеж деревьев змейки золотенькие трепыхаются, как пляшут. От них и свет идет.

И вот подвела та девица Данилушку к большой полянке. Земля тут, как простая глина, а по ней кусты черные, как бархат. На этих кустах большие зеленые колокольцы малахитовы и

¹ Гóлк — шум, гул, отзвук.

в каждом сурьмяная¹ звездочка. Огневые пчелки над теми цветками сверкают, а звездочки тонехонько позванивают, ровно поют.

— Ну, Данило-мастер, поглядел? — спрашивает Хозяйка.

— Не найдешь, — отвечает Данилушко, — камня, чтобы так-то сделать.

— Кабы ты сам придумал, дала бы тебе такой камень, а теперь не могу. — Сказала и рукой махнула. Опять зашумело, и Данилушко на том же камне, в ямине-то этой оказался. Ветер так и свистит. Ну, известно, осень.

Пришел Данилушко домой, а в тот день как раз у невесты вечеринка была. Сначала Данилушко веселым себя показывал — песни пел, плясал, а потом и затуманился. Невеста даже испугалась:

— Что с тобой? Ровно на похоронах ты!

А он и говорит:

— Голову разломило. В глазах черное с зеленым да красным. Света не вижу.

На этом вечеринка и кончилась. По обряду невеста с подружками провожать жениха пошла. А много ли дороги, коли через дом либо через два жили. Вот Катенька и говорит:

— Пойдемте, девушки, кругом. По нашей улице до конца дойдем, а по Еланской воротимся.

Про себя думает: «Пообдует Данилушку ветром, — не лучше ли ему станет».

А подружкам что... Рады-радехоньки.

— И то, — кричат, — проводить надо. Шибко он близко живет — провожальную песню ему по-доброму и не певали.

Ночь-то тихая была, и снежок падал. Самое для разгулки время. Вот они и пошли. Жених с невестой попереду, а подружки невестины с холостяжником, который на вечеринке был,

¹ Сурьмяный — окрашенный в черный цвет.

поотстали маленько. Завели девки эту песню провожальную. А она протяжно да жалобно поется, чисто по покойнику. Катенька видит — вовсе ни к чему это: «И без того Данилушко у меня невеселый, а они еще причитанье петь придумали».

Старается отвести Данилушку на другие думки. Он разговорился было, да только скоро опять запечалился. Подружки Катенькины тем временем провожальную кончили, за веселые принялись. Смех у них да беготня, а Данилушко идет, голову повесил. Сколь Катенька ни старается, не может развеселить. Так и до дому дошли. Подружки с холостяжником стали расходиться, а Данилушко уж без обряда невесту свою проводил и домой пошел.

Прокопъич давно спал. Данилушко потихоньку зажег огонь, выволок свои чаши на середину избы и стоит, оглядывает их. В это время Прокопъича кашлем бить стало. Так и надрывается. Он, вишь, к тем годам вовсе нездоровый стал. Кашлем-то этим Данилушку как ножом по сердцу резнуло. Всю прежнюю жизнь припомнил. Крепко жаль ему старика стало. А Прокопъич прокашлялся, спрашивает:

— Ты что это с чашами-то?

— Да вот гляжу, не пора ли сдавать?

— Давно, — говорит, — пора. Зря только место занимают. Лучше все равно не сделаешь.

Ну, поговорили еще маленько, потом Прокопъич опять уснул. И Данилушко лег, только сна ему нет и нет. Поворочался-поворочался, опять поднялся, зажег огонь, поглядел на чаши, подошел к Прокопъичу. Постоял тут над стариком-то, повздыхал...

Потом взял балодку¹ да как ахнет по дурман-цветку, — только схрупало. А ту чашу, —

¹ Балодка — одноручный молот.

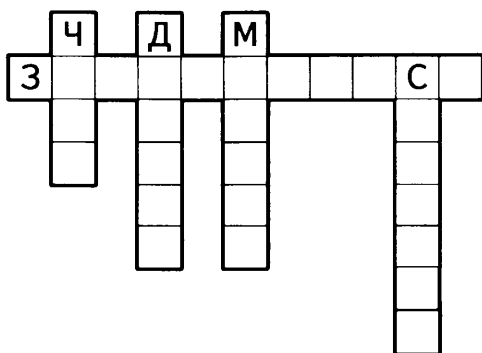
по барскому-то чертежу, — не пошевелил! Плюнул только в середку и выбежал. Так с той поры Данилушку и найти не могли.

Кто говорил, что он ума решился, в лесу загибнул, а кто опять сказывал — Хозяйка взяла его в горные мастера.

На деле по-другому вышло. Про то дальше сказ будет.

? Поразмышляем над прочитанным

- Вы познакомились еще с одним сказом Бажова. Как вы думаете, какой из прочитанных вами сказов нужно поставить первым, какой — вторым? Почему?
- Кто главный герой сказа? Какова его история? Как он оказался у Прокопьяча? Чем он заинтересовал старого мастера?
- Чем удивил Данилушка Прокопьяча и приказчика?
- Почему Прокопьяч советовал «не оказывать» себя?
- Как вы понимаете текст: «Тут вот Данилушке думка и запала. Не нами сказано — чужое охаять мудрости немного надо, а свое придумать — не одну ночку с боку на бок повертись. Вот Данилушка сидит над этой чашей по чертежу-то, а сам про другое думает...»?
- Почему Прокопьяч и Катенька отговаривали Данилушку искать каменный цветок? Почему он не послушался их?
- Какой диалог (разговор) был у Данилы с Хозяйкой? Как понять его слова: «Без цветка мне жизни нет»?
- Чем заканчивается сказ и как вы понимаете концовку?
- Расскажите о Даниле. Чем он вам интересен? Что отличало его от окружающих людей?
- Вставьте слова в кроссворд из сказа Бажова «Каменный цветок».

Слова для проверки: *затуманился, чаша, дурман, мастер, смекнул.*

1. Какие сказки писателей XIX и XX веков вам известны? (Назовите трех-четырёх писателей и их сказки.)
2. В каких сказках (народных и литературных) главными героями были лягушки?
3. Чему учат сказки «Две лягушки» и «Царевна-лягушка»? О чем напоминают читателям?
4. Назовите жанр произведений, составивших главную книгу Павла Петровича Бажова «Малахитовая шкатулка».
5. Какие сказы Бажова вы читали? О чем они? Какие художники чаще всего создавали иллюстрации к сказам Бажова?
6. Что сказал К. Г. Паустовский о книгах и чтении?
7. В какой сказке действует герой Филька? В чем его ошибки и как он их исправлял?
8. В каком рассказе заяц спас героя?
9. В какой сказке героями становятся все двенадцать месяцев? Какое доброе дело они сделали?
10. Чем отличается сказ от сказки; драматическая сказка от прозаической; народная от литературной?

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВИЧ ПЛАТОНОВ (1899—1951)

В предисловии к книге «А. П. Платонов. Повести. Рассказы. Из писем» литературовед В. Свительский пишет: «Для писателя же главное — сеять души в людях... Андрей Платонов был писателем в том высоком смысле, который придала этому слову русская классическая литература. Он дал голос самому сокровенному в народной душе, „неописанному и нерассказанному миру“». Как следует понимать эти слова?

? Вопросы и задания

- О каком чтении народа говорил А. П. Платонов? Вспомните эпитафию к рассказу о писателе.
- В какой семье родился Платонов?
- В каком произведении Платонова герой видел в неодушевленных предметах своих близких людей: бабушку, дедушку...?
- Почему Никита хотел все неодушевленные предметы сделать живыми? Что об этом сказал его отец?

- Как вы понимаете слова отца Никиты: «Этого гвоздя-человечка ты сам трудом сработал, он и добрый» — и слова самого Никиты: «Давай все трудом работать, и все живые будут»?
- Как раскрывается душа мальчика в рассказе «Никита»? Что нравится сыну и отцу друг в друге?
- Попробуйте создать рисунки, составить кроссворды к прочитанному рассказу Платонова или написать отзыв на это произведение.

ПИСАТЕЛИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 ГОДОВ

Великая Отечественная война вызвала к жизни множество прекрасных стихотворных и прозаических произведений. Людям и событиям Отечественной войны посвящены стихотворения и поэмы А. Твардовского и К. Симонова, А. Суркова и М. Алигер, П. Антокольского и А. Фатьянова и т. д. О войне писали рассказы и повести А. Толстой и М. Шолохов, Э. Казакевич, В. Некрасов и многие другие писатели. Вы читали и учили наизусть стихотворения А. Твардовского «Рассказ танкиста» и К. Симонова «Майор привез мальчишку на лафете...». Книга «Читаем, думаем, спорим...» познакомит вас с рассказом Л. Кассиля о войне «У классной доски». О чем заставляют задуматься эти произведения?

ЛЕВ АБРАМОВИЧ КАССИЛЬ У КЛАССНОЙ ДОСКИ

Про учительницу Ксению Андреевну Карташову говорили, что у нее руки поют. Движения у нее были мягкие, неторопливые, округлые, и, когда она объясняла урок в классе, ребята следили за каждым мановением руки учительницы, и рука пела, рука объясняла все, что оставалось непонятным в словах. Ксении Андреевне не приходилось повышать голос на учеников, ей не надо было прикрикивать. Зашумят в классе, она подымет свою легкую руку, поведет ею — и весь класс словно прислушивается, сразу становится тихо.

— Ух, она у нас и строгая же! — хвастались ребята. — Сразу все замечает...

Тридцать два года учительствовала в селе Ксения Андреевна. Сельские милиционеры отдавали ей честь на улице и, козыряя, говорили:

— Ксения Андреевна, ну как мой Ванька у вас по науке двигает? Вы его там покрепче.

— Ничего, ничего, двигается понемножку, — отвечала учительница, — хороший мальчуган. Ленился вот только иногда. Ну, это и с отцом бывало. Верно ведь?

Милиционер смущенно оправлял пояс: когда-то он сам сидел за партой и отвечал у доски Ксении Андреевне и тоже слышал про себя, что малый он неплохой, да только ленился иногда... И председатель колхоза был когда-то учеником Ксении Андреевны, и директор машинно-тракторной станции учился у нее. Много людей прошло за тридцать два года через класс Ксении Андреевны. Строгим, но справедливым человеком прослыла она.

Волосы у Ксении Андреевны давно побелели, но глаза не выцвели и были такие же синие и ясные, как в молодости. И всякий, кто встречал этот ровный и светлый взгляд, невольно веселел и начинал думать, что, честное слово, не такой уж он плохой человек и на свете жить безусловно стоит. Вот какие глаза были у Ксении Андреевны!

И походка у нее была тоже легкая и певучая. Девчонки из старших классов старались перенять ее. Никто никогда не видел, чтобы учительница заторопилась, поспешила. А в то же время всякая работа быстро спорилась и тоже словно пела в ее умелых руках. Когда писала она на классной доске условия задачи или примеры из грамматики, мел не стучал, не скрипел, не крошился и ребятам казалось, что из мелка, как из тюбика, легко и вкусно выдавливается белая

струйка, выписывая на черной глади доски буквы и цифры. «Не спеши! Не скачи, подумай сперва как следует!» — мягко говорила Ксения Андреевна, когда ученик начинал плутать в задаче или в предложении и, усердно надписывая и стирая написанное тряпкой, плавал в облачках мелового дыма.

Не заспешила Ксения Андреевна и в этот раз. Как только послышалась трескотня моторов, учительница строго оглядела небо и привычным голосом сказала ребятам, чтобы все шли к траншее, вырытой в школьном дворе. Школа стояла немножко в стороне от села, на пригорке. Окна классов выходили к обрыву над рекой. Ксения Андреевна жила при школе. Занятий не было. Фронт проходил совсем недалеко от села. Где-то рядом гроыхали бои. Части Красной Армии отошли за реку и укрепились там. А колхозники собрали партизанский отряд и ушли в ближний лес за селом. Школьники носили им туда еду, рассказывали, где и когда были замечены немцы. Костя Рожков — лучший пловец школы — не раз доставлял на тот берег красноармейцам донесения от командира лесных партизан. Шура Капустина однажды сама перевязала раны двум пострадавшим в бою партизанам — этому искусству научила ее Ксения Андреевна. Даже Сеня Пичугин, известный тихоня, высмотрел как-то за селом немецкий патруль и, разведав, куда он идет, успел предупредить отряд.

Под вечер ребята собирались у школы и обо всем рассказывали учительнице. Так было и в этот раз, когда совсем близко заурчали моторы. Фашистские самолеты не раз уже налетали на село, бросали бомбы, рыскали над лесом в поисках партизан. Косте Рожкову однажды пришлось даже целый час лежать в болоте, спрятав голову под широкие листья кувшинок. А совсем рядом, подсеченный пулеметными очередями

самолета, валился в воду камыш... И ребята уже привыкли к налетам.

Но теперь они ошиблись. Урчали не самолеты. Ребята еще не успели спрятаться в щель, как на школьный двор, перепрыгнув через невысокий палисад, забежали три запыленных немца. Автомобильные очки со створчатыми стеклами блестели на их шлемах. Это были разведчики-мотоциклисты. Они оставили свои машины в кустах. С трех разных сторон, но все разом они бросились к школьникам и нацелили на них свои автоматы.

— Стой! — закричал худой длиннорукий немец с короткими рыжими усиками, должно быть, начальник. — Пионирен? — спросил он.

Ребята молчали, невольно отодвигаясь от дула пистолета, который немец по очереди совал им в лицо.

Но жесткие, холодные стволы двух других автоматов больно нажимали сзади в спины и шеи школьников.

— Шнеллер, шнеллер, бистро! — закричал фашист.

Ксения Андреевна шагнула вперед прямо на немца и прикрыла собой ребят.

— Что вы хотите? — спросила учительница и строго посмотрела в глаза немцу. Ее синий и спокойный взгляд смутил невольно отступившего фашиста.

— Кто такое ви? Отвечать сию минуту... Я кой-чем говорить по-русски.

— Я понимаю и по-немецки, — тихо отвечала учительница, — но говорить мне с вами не о чем. Это мои ученики, я учительница местной школы. Вы можете опустить ваш пистолет. Что вам угодно? Зачем вы пугаете детей?

— Не учить меня! — зашипел разведчик.

Двое других немцев тревожно оглядывались по сторонам. Один из них сказал что-то начальнику. Тот забеспокоился, посмотрел в сторону се-

«Фашист пролетел». Худ. А. Пластов

ла и стал толкать дулом пистолета учительницу и ребят по направлению к школе.

— Ну, ну, поторапливайся, — приговаривал он, — мы спешим... — Он пригрозил пистолетом. — Два маленьких вопросы — и все будет в порядке.

Ребята вместе с Ксенией Андреевной втолкнули в класс. Один из фашистов остался сторожить на школьном крыльце. Другой немец и начальник загнали ребят за парты.

— Сейчас я вам буду давать небольшой экзамен, — сказал начальник. — Сидеть на место!

Но ребята стояли, сгрудившись в проходе, и смотрели, бледные, на учительницу.

— Садитесь, ребята, — своим негромким и обычным голосом сказала Ксения Андреевна, как будто начинался очередной урок.

Ребята осторожно расселись. Они сидели молча, не спуская глаз с учительницы. Они сели по

привычке на свои места, как сидели обычно в классе: Сеня Пичугин и Шура Капустина впереди, а Костя Рожков сзади всех, на последней парте. И, очутившись на своих знакомых местах, ребята понемножку успокоились.

За окнами класса, на стеклах которых были наклеены защитные полоски, спокойно голубело небо, на подоконнике в банках и ящиках стояли цветы, выращенные ребятами. На стеклянном шкафу, как всегда, парил ястреб, набитый опилками. И стену класса украшали аккуратно наклеенные гербарии. Старший немец задел плечом один из наклеенных листов, и на пол посыпались с легким хрустом засушенные ромашки, хрупкие стебельки и веточки.

Это больно резануло ребят по сердцу. Все было дико, все казалось противным привычно установившемуся в этих стенах порядку. И таким дорогим показался ребятам знакомый класс, парты, на крышках которых засохшие чернильные подтеки отливали, как крыло жука-бронзовика.

А когда один из фашистов подошел к столу, за которым обычно сидела Ксения Андреевна, и пнул его ногой, ребята почувствовали себя глубоко оскорбленными.

Начальник потребовал, чтобы ему дали стул. Никто из ребят не пошевелился.

— Ну! — прикрикнул фашист.

— Здесь слушаются только меня, — сказала Ксения Андреевна. — Пичугин, принеси, пожалуйста, стул из коридора.

Тихонький Сеня Пичугин неслышно соскользнул с парты и пошел за стулом. Он долго не возвращался.

— Пичугин, поскорее! — позвала Сеню учительница.

Тот явился через минуту, волоча тяжелый стул с сиденьем, обитым черной клеенкой. Не до-

жидаясь, пока он подойдет поближе, немец вырвал у него стул, поставил перед собой и сел. Шура Капустина подняла руку:

— Ксения Андреевна... можно выйти из класса?

— Сиди, Капустина, сиди. — И, понимаясь взглянув на девочку, Ксения Андреевна еле слышно добавила: — Там же все равно часовой.

— Теперь каждый меня будет слушать! — сказал начальник.

И, коверкая слова, фашист стал говорить ребятам о том, что в лесу скрываются красные партизаны, и он это прекрасно знает, и ребята тоже это прекрасно знают. Немецкие разведчики не раз видели, как школьники бегали туда-сюда в лес. И теперь ребята должны сказать начальнику, где спрятались партизаны. Если ребята скажут, где сейчас партизаны, — натурально, все будет хорошо. Если ребята не скажут, — натурально, все будет очень плохо.

— Теперь я буду слушать каждый, — закончил свою речь немец.

Тут ребята поняли, чего от них хотят. Они сидели не шелохнувшись, только переглядываясь успели и снова застыли на своих партах.

По лицу Шуры Капустиной медленно ползла слеза. Костя Рожков сидел, наклонившись вперед, положив крепкие локти на откинутую крышку парты. Короткие пальцы его рук были сплетены. Костя слегка покачивался, уставившись в парту. Со стороны казалось, что он пытается расцепить руки, а какая-то сила мешает ему сделать это.

Ребята сидели молча.

Начальник подозвал своего помощника и взял у него карту.

— Прикажете им, — сказал он по-немецки Ксении Андреевне, — чтобы они показали мне на карте или на плане это место. Ну, живо! Только смотрите у меня... — Он заговорил опять по-рус-

ски: — Я вам предупреждаю, что я понятен русскому языку и что вы будете сказать детей...

Он подошел к доске, взял мелок и быстро набросал план местности — реку, село, школу, лес... Чтобы было понятней, он даже трубу нарисовал на школьной крыше и нацарапал завитушки дыма.

— Может быть, вы все-таки подумаете и сами скажете мне все, что надо? — тихо спросил начальник по-немецки у учительницы, вплотную подойдя к ней. — Дети не поймут, говорите по-немецки.

— Я уже сказала вам, что никогда не была там и не знаю, где это.

Фашист, схватив своими длинными руками Ксению Андреевну за плечи, грубо потряс ее:

— Смотри, я буду пока очень добрый, но дальше...

Ксения Андреевна высвободилась, сделала шаг вперед, подошла к партам, оперлась обеими руками на переднюю и сказала:

— Ребята! Этот человек хочет, чтобы мы сказали ему, где находятся наши партизаны. Я не знаю, где они находятся. Я там никогда не была. И вы тоже не знаете. Правда?

— Не знаем, не знаем!.. — зашумели ребята. — Кто их знает, где они! Ушли в лес — и все.

— Вы совсем скверные учащиеся, — попробовал пошутить немец, — не может отвечать на такой простой вопрос. Ай, ай...

Он с деланой веселостью оглядел класс, но не встретил ни одной улыбки. Ребята сидели строгие и настороженные. Тихо было в классе, только угрюмо сопел на первой парте Сеня Пичугин.

Немец подошел к нему:

— Ну, ты, как звать?.. Ты тоже не знаешь?

— Не знаю, — тихо ответил Сеня.

— А это что такое, знаешь? — И немец ткнул дулом пистолета в опущенный подбородок Сени.

— Это знаю, — сказал Сеня. — Пистолет-автомат системы «вальтер»...

— А ты знаешь, сколько он может убивать таких скверных учащихся?

— Не знаю. Сами считайте... — буркнул Сеня.

— Кто такое! — закричал немец. — Ты сказал: сами считать! Очень прекрасно! Я буду сам считать до трех. И если никто мне не сказать, что я просил, я буду стрелять сперва вашу упрямую учительницу. А потом — всякий, кто не скажет. Я начинал считать! Раз!..

Он схватил Ксению Андреевну за руку и рванул ее к стене класса. Ни звука не произнесла Ксения Андреевна, но ребятам показалось, что ее мягкие певучие руки сами застонали. И класс загудел. Другой фашист тотчас направил на ребят свой пистолет.

— Дети, не надо, — тихо произнесла Ксения Андреевна и хотела по привычке поднять руку, но фашист ударил стволом пистолета по ее кисти, и рука бессильно упала.

— Алзо, итак, никто не знай из вас, где партизаны, — сказал немец. — Прекрасно, будем считать. «Раз» я уже говорил, теперь будет «два».

Фашист стал поднимать пистолет, целя в голову учительницы. На передней парте забила в рыданиях Шура Капустина.

— Молчи, Шура, молчи, — прошептала Ксения Андреевна, и губы ее почти не двигались. — Пусть все молчат, — медленно проговорила она, оглядывая класс, — кому страшно, пусть отвернется. Не надо смотреть, ребята. Прощайте! Учитесь хорошенько. И этот наш урок запомните...

— Я сейчас буду говорить «три»! — перебил ее фашист.

И вдруг на задней парте поднялся Костя Рожков и поднял руку:

— Она правда не знает!

— А кто знай?

— Я знаю... — громко и отчетливо сказал Костя. — Я сам туда ходил и знаю. А она не была и не знает.

— Ну, показывай, — сказал начальник.

— Рожков, зачем ты говоришь неправду? — проговорила Ксения Андреевна.

— Я правду говорю, — упрямо и жестко сказал Костя и посмотрел в глаза учительнице.

— Костя... — начала Ксения Андреевна.

Но Рожков перебил ее:

— Ксения Андреевна, я сам знаю...

Учительница стояла, отвернувшись от него, уронив свою белую голову на грудь. Костя вышел к доске, у которой он столько раз отвечал урок. Он взял мел. В нерешительности стоял он, перебирая пальцами белые крошащиеся кусочки. Фашист приблизился к доске и ждал. Костя поднял руку с мелком.

— Вот, глядите сюда, — зашептал он, — я покажу.

Немец подошел к нему и наклонился, чтобы лучше рассмотреть, что показывает мальчик. И вдруг Костя обеими руками изо всех сил ударил черную гладь доски. Так делают, когда, исписав одну сторону, доску собираются перевернуть на другую. Доска резко повернулась в своей раме, взвизгнула и с размаху ударила фашиста по лицу. Он отлетел в сторону, а Костя, прыгнув через раму, мигом скрылся за доской, как за щитом. Фашист, схватившись за разбитое в кровь лицо, без толку палил в доску, всаживая в нее пулю за пулей. Напрасно... За классной доской было окно, выходившее к обрыву над рекой. Костя, не задумываясь, прыгнул в открытое окно, бросился с обрыва в реку и поплыл к другому берегу.

Второй фашист, отголкував Ксению Андреевну, подбежал к окну и стал стрелять по мальчику из пистолета. Начальник отпихнул его в сторону, вырвал у него пистолет и сам прицелился через

окно. Ребята вскочили на парты. Они уже не думали про опасность, которая им самим угрожала. Их тревожил теперь только Костя. Им хотелось сейчас лишь одного — чтобы Костя добрался до того берега, чтобы немцы промахнулись.

В это время, заслышав пальбу на селе, из леса выскочили выслеживавшие мотоциклистов партизаны. Увидев их, немец, стороживший на крыльце, выпалил в воздух, прокричал что-то своим товарищам и кинулся в кусты, где были спрятаны мотоциклы. Но по кустам, прошивая листья, срезая ветви, хлестнула пулеметная очередь красноармейского дозора, что был на другом берегу...

Прошло не более пятнадцати минут, и в класс, куда снова ввалились взволнованные ребята, партизаны привели троих обезоруженных немцев. Командир партизанского отряда взял тяжелый стул, придвинул его к столу и хотел сесть, но Сеня Пичугин вдруг кинулся вперед и выхватил у него стул.

— Не надо, не надо! Я вам сейчас другой принесу.

И мигом притащил из коридора другой стул, а этот задвинул за доску. Командир партизанского отряда сел и вызвал к столу для допроса начальника фашистов. А двое других, помятые и притихшие, сели рядышком на парте Сени Пичугина и Шуры Капустиной, старательно и робко размещая там свои ноги.

— Он чуть Ксению Андреевну не убил, — зашептала Шура Капустина командиру, показывая на фашистского разведчика.

— Не совсем точно так, — забормотал немец, — это правильно совсем не я...

— Он, он! — закричал тихонький Сеня Пичугин. — У него метка осталась... я... когда стул тащил, на клеенку чернила опрокинул нечаянно.

Командир перегнулся через стол, взглянул и усмехнулся: на серых штанах фашиста сзади темнело чернильное пятно...

В класс вошла Ксения Андреевна. Она ходила на берег узнать, благополучно ли доплыл Костя Рожков. Немцы, сидевшие за передней партой, с удивлением посмотрели на вскочившего командира.

— Встать! — закричал на них командир. — У нас в классе полагается вставать, когда учительница входит. Не тому вас, видно, учили!

И два фашиста послушно поднялись.

— Разрешите продолжать наше занятие, Ксения Андреевна? — спросил командир.

— Сидите, сидите, Широков.

— Нет уж, Ксения Андреевна, занимайте свое законное место, — возразил Широков, придвигая стул, — в этом помещении вы у нас хозяйка. И я тут, вон за той партой, уму-разуму набрался, и дочка моя тут у вас... Извините, Ксения Андреевна, что пришлось этих охальников в класс наш допустить. Ну, раз уж так вышло, вот вы их сами и порасспросайте толком. Подсобите нам: вы по-ихнему знаете...

И Ксения Андреевна заняла свое место за столом, у которого она выучила за тридцать два года много хороших людей. А сейчас перед столом Ксении Андреевны, рядом с классной доской, пробитой пулями, мялся длиннорукий рыжеусый верзила, нервно оправлял куртку, мычал что-то и прятал глаза от синего строгого взгляда старой учительницы.

— Стойте как следует, — сказала Ксения Андреевна, — что вы ерзаете? У меня ребята этак не держатся. Вот так... А теперь потрудитесь ответить на мои вопросы.

И долговязый фашист, оробев, вытянулся перед учительницей.

? Поразмышляем над прочитанным

- Рассказ известного детского писателя Л. А. Кассиля посвящен Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. О чем он?
- Какой экзамен предложила война учащимся и их учительнице? Как проявились характеры героев рассказа?

ПИСАТЕЛИ УЛЫБАЮТСЯ

САША ЧЕРНЫЙ

В учебнике вы прочитали два рассказа Саши Черного в рубрике «Писатели улыбаются». Какой из этих рассказов вам понравился? Почему? Познакомьтесь еще с одним рассказом Саши Черного — «Люся и дедушка Крылов». Это произведение тоже, наверное, вызовет у вас улыбку.

ЛЮСЯ И ДЕДУШКА КРЫЛОВ

I

Люся легла в кроватку. На ночном столике аккуратно разложила свои любимые вещи: камушек с океана, безносую китайскую собачку и басни Крылова и, как всегда перед сном, стала думать о разных разностях... Днем ведь думать трудно: то школа, то уроки, то всякие домашние разговоры о дяде Ване, от которого ни шерсти, ни молока... Какого им молока от дяди Вани нужно? Странная публика!

В тишине и темноте совсем-совсем другие мысли в голову приходят... Как приходят, — никто не знает. Думает, например, Люся о мышах. На каком языке разговаривают мыши? Есть ли у них под полом мышиное училище? И вдруг — чик! — мышь перепрыгнула на Северный полюс... А что, если бы на Северном полюсе поставить центральное отопление? Лед бы весь растаял, на теплой земле вырос бы Булонский лес, и можно было бы туда летать на аэроплане к эскимосам на дачу... Для белых медведей Люся решила оставить небольшой холодный уголок: они ведь тепла не любят... Ходила бы к ним в гости и кормила их с ложечки мороженым.

Потом стала думать о баснях. Как будто стихи и как будто не стихи. И все разговоры, а в конце «мораль». Мораль — это, должно быть, выговор за плохое поведение... «А я бы повару иному велел на стенке зарубить...» И почему-то одни строчки в сантиметр, а другие длинные-длинные, как дождевой червяк...

Вот только «Стрекоза и Муравей» вся ровненькая...

По улице прокатил одинокий автомобиль, рывкнул басом: «Охрип! Охрип! Охрип!» — и умчался. Люся вздохнула, подложила под голову, чтоб мягче было спать, кулачок и уснула.

Кто это у кровати раскашлялся? Люся открыла глаза да заодно и рот — удивительно! В комнате голубой молочный свет. Под табуреткой, в ногах постели колышется облако. На табуретке сидит добродушный грузный старик и ухмыляется... О! Да это же он... Конечно! Она ведь отлично помнит по картинке: вот так, совсем так сидит он на своем памятнике: в Летнем саду...

Девочка прислонилась к подушке, посмотрела на облако — расплылось! — и робко спросила:

— Скажите, вы... дедушка Крылов?

Старик кивнул головой.

— Это вы мне снитесь, да?

— А может быть, и не снюсь. Ты почему знаешь?

— Нет, снитесь... Во-первых, сквозь вашу жилетку обои видно. А во-вторых, кто ж наяву на облаке в комнату приплывает? Да еще ночью... Консьержка бы вас с облаком ни за что не пустила. Она сырости очень не любит.

— Ишь ты какая умная, Люся!

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Догадался. Очень твое имя к тебе подходит: маленькая, беленькая, светлый чубик, на щеках ямочки. Люся, да и только.

Девочка рассмеялась.

— А вас зовут Василий Андреевич! Я тоже знаю. Только уж вы позвольте, я вас буду дедушкой звать. К вам «Василий Андреевич» совсем не подходит. Вы не обидитесь?

— Нет. У меня вас, внучат, — миллион и один. Стало быть — дедушкой и зови.

— Спасибо, дедушка. Очень я рада, что вы пришли. Очень! Только сядьте в креслице. Табуретка твердая, и я боюсь, чтобы вы не растаяли, как ваше облачко...

Дедушка Крылов осторожно ткнул себя пальцем под ребра и улыбнулся.

— Ничего. С полчаса продержусь. А в креслице твое куда же мне, большому, влезть? Все равно что слона в твои башмачки обувать...

— Ну, сидите на табуретке. Шоколадку хотите? У меня под вашими баснями всегда плиточка. Проснусь, пожую и опять усну. Мягкая, вы не бойтесь... Не хотите? Слушайте, дедушка, у меня много-премного вопросов. Взрослых я уже и не спрашиваю, они меня всегда на смех подымают, а сами ничего не понимают, вроде вашей мартышки, которая пенсне на хвост нанизывала. Очень мне ваши басни нравятся! Больше китайской собачки. Но вот только... Можно спросить?

— Спрашивай.

— Например, «Ворона и Лисица». Я была в парижском зоологическом саду, нарочно проверяла. Принесла с собой тартинку с сыром, сунула лисице в клетку, — а она не ест! Ни за что не хотела есть... Как же так? Чего же она к вороне лезла со своими комплиментами? «Ах, шейка!», «Ах, глазки!» Скажите, пожалуйста!..

Крылов огорченно крякнул и только руками развел.

— Не ест, говоришь, сыру... Ишь ты? Я и не подумал. И у Лафонтена, который басни по-французски писал, тоже — сыр. Что же делать, Люся?

— Очень просто, дедушка. Надо так: «Вороне где-то Бог послал кусочек мяса...» Поняли? Потом «Лисица и виноград»... Я и винограду с собой кисточку принесла в зоологический сад.

— Не ест? — спросил с досадой дедушка.

— В рот не берет! Как же у нее «глаза и зубы разгорелись»?

— Что же делать-то, по-твоему?

— Пусть, дедушка, цыплята сидят на высокой ветке. Лисица внизу прыгает и злится, а они ей нос показывают.

— Ладно! Вот ведь какая шустрая девочка. Еще что? Спрашивай.

— «Лебедь, щука и рак». Вы как думаете, дедушка, если бы они все вместе в одну сторону потянули, телега бы покатилаься?

— Гм... Как тебе сказать...

— Ни за что бы не покатилаься! Мы летом жили на даче у океана. И на дворе стояла телега мясника. Боря храбрый: привязал к телеге собаку, гуся и котенка... Стали мы их погонять, они все в одну сторону потянули, а телега ни с места. Вот вам и «мораль».

Дедушка обиделся.

— Я думал, Люся, что ты умная, а ты совсем еще козявка. Слона, что ли, мне запрягать...

— Совсем я не козявка. Слона не надо. Можно иначе:

Однажды вол, медведь и лошадь
Везти с поклажей воз взялись...

— Ах ты, пуговка! — рассмеялся дедушка. — Еще что?

— Что такое, дедушка, «воструха»?

— А это такая непоседа, как ты.

— Ах, боже мой... Мишенька такой прекрасный и так подружился с пустынником. И вдруг воструха эта садится пустыннику на лоб, глупый

Мишка сгреб в лапочки булыжник... Трах! И «череп врозь раздался»... дедушка, вы такой добрый! Нельзя ли так кончить, чтобы медведь промахнулся, а пустынный проснулся и читает ему мораль: «Ты, Мишка, с ума сошел! Кто ж муху со лба булыжником сгоняет? Возьми веточку и смахни...» А Мишка чтобы сконфузился и лизнул пустынного в нос.

— Ну, что ж, пусть. Да ты бы, Люся, лучше сама басни и сочиняла. А то мне из-за тебя все басни перешивать придется.

— Что вы, что вы! Какая же я после вас баснописица?.. Потом... про стрекозу и муравья. Муравей, по-моему, безжалостный грубиян. Что же такое, что стрекоза «лето целое пропела»? И соловьи поют, — не поступать же им в шоферы в самом деле... Почему он стрекозу прогнал и еще танцевать ее заставляет? Я тоже танцую, дедушка... и когда вырасту, буду такая же знаменитая, как Анна Павлова! Что ж тут плохого? Ненавижу вашего муравья!..

— И танцуй, дружок, на здоровье. Я тоже муравья не совсем одобряю. И даже думаю, что когда он стрекозу прогнал — ему стало стыдно... Побежал он за ней, вернул, накормил и приютил у себя до весны...

— В самом деле? — обрадовалась Люся. — Значит, и мораль тогда другая будет: «Бывают иногда муравьи, у которых доброе сердце». Вот хорошо!.. Осла, дедушка, тоже не надо уж так обижать. Почему он всегда в баснях круглый дурак? У нас на пляже ослик был такой умный, что хоть в капитаны его назначай... Детей катал осторожно-осторожно. Другой малыш с седла сползает, на боку повиснет, ослик сейчас же остановится и к жожаку голову обернет, — чего, мол, он зеваает? Собака какая-нибудь глупая перед его мордой начнет плясать и лаять, ослик — нуль внимания, идет да идет...

Китайская собачка на столике вдруг подняла фарфоровую лапку и тонко-претонко залаяла:

— Тяв-тяв! Странная девочка! Я из Китая. По-русски понимать только у тебя и научилась, когда ты мне басни Крылова вслух читала. Мне четыреста тридцать восемь лет, а тебе только семь... Тяв! Поэтому ты еще ничего не понимаешь. Лисица, говоришь, сыра и винограда не ест? А кукла твоя суп ест? Однако ты ее каждый день супом кормишь. В пушку ты божью коровку летом запрягала? Когда ты на Бороны глупости вчера рассердилась, как ты его назвала? Еще тебе досталось за это... «Ослом» назвала. Ага!

— Цыц! — строго сказал Крылов. — Ты чего к девочке пристала? Вот суну тебя в чайник с кипятком, будешь знать... Прощай, Люся, мне пора. В воскресенье опять приду, поболтаем. Может быть, к воскресенью у тебя опять сто вопросов будет...

— Нет, дедушка, — ни одного вопроса! — жалобно крикнула Люся. — Не уходите, пожалуйста. Я же вам самого главного не сказала, как я ужасно-ужасно-ужасно вас люблю.

Дедушка Крылов встал, положил на голову Люси добрую мягкую ладонь — точно лебяжьим пушком погладил... Под ногами у него опять за клубилось облако... Голубой молочный свет погас.

Вздыхнула Люся и раскрыла глаза. Вверху над железными ставнями солнечная полоска. Под окном на дудке заливается пастух: гонит стадо коз по парижской улице и зовет жильцов... Кому сладкого козьего молока в кружечку надоить? Собачка на столике лежит на боку и молчит.

Досадно Люсе ужасно, щеки маком горят. Как она могла, пусть даже во сне, так с Крыловым разговаривать? Конечно, китайская собачка умнее ее, и, конечно, она еще козявка... Только бы

дедушка пришел, только бы пришел в воскресенье. Непременно она извинится и прочтет ему все любимые басни в лицах, как она еще никогда не читала. Сыр! Подумаешь... Да ведь она лисице совала в клетку простой французский сыр, а та, быть может, только швейцарский любит?

Раскрыла Люся басни и посмотрела на памятник. Нет, совсем он, дедушка Крылов, не сердитый. За что ж сердиться? Она только хотела узнать, да и то обо всем спросить не успела.

II

В воскресенье вечером Люся долго ворочалась в постели и не могла заснуть: увидит или не увидит она опять во сне дедушку Крылова? Ведь он обещал прийти в воскресенье снова. Неужели забудет? Положим, русских девочек и мальчиков немало. И таких, которые не станут к нему с расспросами приставать и басни критиковать. Вот он их во сне и будет навещать... по очереди. Ах, досада какая!

Но Люся ошиблась. Заснула — и вдруг кто-то ей в лицо дунул. Открыла глаза и расплылась: дедушка! Сидит на постели в персидском халате, на голове татарская шапочка колпачком, левым глазом ей подмигивает.

— Здравствуй, девочка. Что смотришь! Не узнала?

— Узнала! Какой у вас костюм интересный... Можно погладить?

— Погладь.

— Очень к вам идет. Точно вы большое кресло с персидскими узорами... А шапочку я такую непременно своему Мишке сделаю. Повернитесь, пожалуйста, в профиль! Хорошо, теперь я запомнила... Дедушка, а я перед вами очень, очень виновата.

— Это еще что за новости?

— Во-первых, я в прошлый раз во сне ошиблась!. Назвала вас Васильем Андреевичем, а ведь вы... Иван Андреевич. Правда?

— Ну, беда не велика. Давай-ка подумаем, почему ты ошиблась. Ты что днем читала, когда меня первый раз во сне видела?

— «Ундино», дедушка. Третий раз читаю и начитаться не могу.

— Так. А кто «Ундино» написал, знаешь?

— Жуковский. Поэт. Гладкое такое личико, как яйцо, и добрые глаза.

— Знаю, знаю, как же. А как Жуковского звали?

— Василий Андреевич!

— Вот и ясно! Со мной говорила, а о нем думала. Огорчаться не стоит. Когда я в Петербурге жил... давно это было... тогда еще ни твоего папы, ни мамы на свете не было, — изучал я древнегреческий язык. Однажды, после обеда, прилег я на диван. Голуби ко мне в форточку прилетели, пшеницу я для них на подносе всегда держал... Ходят голуби по ногам, воркуют тихонько, стонут. Я под их музыку и заснул. И увидел во сне старшего греческого бога Зевса. Будто он сидит на кафедре в белом купальном халате, строгий такой, и оранжевую молнию в руке держит. А я перед ним на скамеечке, оробел совсем, притих. Зевс меня и начал экзаменовать:

— Как по-гречески «самовар»?

Молчу.

— Гм. А «клюква» как?

Молчу.

— Гм... Как «Демьянова уха»? Тоже не знаешь?

Молчу.

Насупил Зевс косматые брови, вынул из-за пазухи записную книжку и говорит:

— Кол. А кол, дружок, это самая последняя отметка, хуже и быть не может... Как, говорит, твоя фамилия?

А я весь затрясся, зубами стучу, еле выговорил:

— Иван Крyлович Андреев.

Видишь, какие во сне промашки бывают... Рассердился старик, хлопнул своей молнией по кафедре. Дым, треск... и исчез. Просыпаюсь: голубь у меня на плече сидит и меня в пуговицу клювом долбит...

Люся всплеснула руками.

— Ай, как страшно!.. Дедушка, расскажите мне про Петербург что-нибудь. Что вам в Петербурге больше всего нравилось?

— Пожары. Что ж ты глаза вытаращила? Очень это красивая штука. Проскачет по Невскому ездовой-пожарный и в трубу трубит... Обоз за ним прогремит... Стекла так и звякнут. Я шляпу в руку и на улицу. Жил я в Публичной библиотеке вблизи Гостиного двора. Посмотрю на каланчу, сейчас же по сигнальным шарам соображу, в какой части горит. Сяду на дрожки и мчусь. Дом горит, народу на улице, как тараканов за печкой. Пожарные кони землю копытами роют, шеи — лебедями, трудно им на месте устоять. Лестницы, багры, дым из-под крыши в узлы свивается, каски блестят, брандмайор на всю площадь баском распоряжается. Очень интересно!

— Пойдите, дедушка. Я не понимаю. Какие кони? Какая каланча? Почему шары?

— Как не понимаешь? Обоз кто привез? Кони. А на каланче (высокая башня такая над Думой) всегда дежурный пожарный ходит: чуть где пожар, сейчас же он тревогу подымет.

— Ну... У нас в Париже совсем не так. Пожарные всегда на автомобилях выезжают.

— На чем?

— На ав-то-мо-би-лях.

— Не понимаю.

— Ах, дедушка, какой вы странный. Это такие самокатные экипажи. Внутри бензин... Пых-

тит и едет, запах только скверный. А пожарный резиновую грушу нажимает: тяф-тяф-тяф! И все дают дорогу. Очень просто.

— А лошади где?

— Лошадей никаких нет. И каланчи у нас нет. Где загорится, по телефону дадут знать...

— Что это ты какие слова выдумываешь...

— Совсем не выдумываю. Не знаете телефона?! С одной стороны ящичек, с другой стороны ящичек, посередине проволока. Дзинь-дзинь! Алло! Кто говорит? Люся! — Что вам угодно? — У нас пожар. — Очень приятно, сейчас приедем... Вот и все... Есть и без проволоки. Ей-богу, дедушка. Из Парижа спрашивают: «Как ваше здоровье?» А из Нью-Йорка отвечают: «Спасибо, у меня насморк, чего и вам желаю!»...

Дедушка недоверчиво покачал головой.

— Так вы, пожалуй, и про аэроплан не поверите?

— Кушанье, что ли, французское?

— Да нет же! Это такая машина с планочками, хвостом вертит, бензин чихает, — а она людей по воздуху перевозит. Через океан или через Монблан, — ей все равно...

— Скажешь! Этак, по-твоему, и медведи по воздуху летают! Выдумщица какая!

— И летают. Из Москвы недавно немец один в Берлин на аэроплане медвежонка привез... Вы, дедушка, и про кинематограф тоже ничего не знаете? Люди по полотну бегают и всякую чепуху представляют. То есть не люди, а фотографии такие... Быстро-быстро, как пауки по воде. Поезд подходит к мосту, жулик бросается в воду, за ним полицейский. Потом — фить! — гостиная, старичок фабрикант ломает руки: кто украл мою любимую картину? Фить! Жулик уже в Африке и подкрадывается к носорогу... Фить!..

Крылов огорченно вздохнул:

— Постой, Люся. Запутала ты меня совсем. Фить да фить. Страусы у вас по потолкам еще не бегают?

— Не бегают, дедушка.

— И то слава богу! В голове от твоих сказок звенит... А что за труба на столе?

— Это, дедушка, граммофон.

— Ишь ты, слово какое. Что за штука такая? Кофе мелют, что ли?

— Ах, какой вы смешной! Вот вы сейчас увидите, какой это... кофе...

Люся соскочила на пол, подбежала к граммофону, выбрала одну пластинку, пыхтя, завела с трудом пружину и лукаво посмотрела на дедушку.

И вдруг из трубы кто-то фыркнул, зашипел и простуженным голосом стал читать с чувством, с толком, с расстановкой:

«КВАРТЕТ».
БАСНЯ КРЫЛОВА!
ПРОКАЗНИЦА-МАРТЫШКА,
ОСЕЛ,
КОЗЕЛ
ДА КОСОЛАПЫЙ МИШКА
ЗАТЕЯЛИ СЫГРАТЬ КВАРТЕТ...

Подошел дедушка к говорящей трубе, шапочку свою от волнения на затылок передвинул, прослушал до конца и крякнул.

— История! А может быть, труба твоя и басни сама сочиняет?

— Нет, дедушка, этого она не может. Теперь небось мне верите? Про автомобиль, телефон и аэроплан сочинила я вам? Хотите, по телефону пожарную команду вызовем? Я вам сейчас номер разыщу, а телефон у нас в передней висит.

— Нет уж, спасибо. А китайского дракона ты тоже вызвать можешь?

— Прошу над нашим драконом не насмехаться! — хрипло затыкала фарфоровая китайская собачка на столике.

Люся топнула на нее ногой и... проснулась. Вот горе! Почему же она дедушке Крылову ни одной басни не продекламовала? Ротозейка несчастная!..

? Поразмышляем над прочитанным

- Как называется раздел, посвященный юмористическим произведениям? Произведения каких писателей в него вошли? Что вы узнали о них? Какие писатели входили в число авторов и редакторов журнала «Сатирикон»? Какие их произведения вы читали самостоятельно? Каковы размышления Люси о баснях? С чем бы вы согласились, а с чем — нет?
- В чем смысл игр детей в кавказского пленника и Робинзона? К чему стремились «сочинители» этих игр?

О ЖИЗНИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

ТЭФФИ
(1872—1952)

ДЕДУШКА ЛЕОНТИЙ

Перед обедом дети заглянули на террасу и — сразу назад: на террасе сидел кто-то.

Сидел маленький, серенький, седенький, мох-растый, вертел вострым носиком и ежился.

— Кто такой?

— Спроси у Эльвиркарны.

Эльвира Карловна возилась с банками в буфетной комнате, сердилась на грушевое варенье, что оно скисло и шипело.

— Кто такой? Дедушка ваш! Дедушка Леонтий, вашего дедушки брат.

— Отчего же он сидит? — спросила Валька.

Станным показалось, что не шагает дедушка по зале, как другие гости, не спрашивает, как кто поживает, не смеется «хе-хе-хе, мерси», а просто сел и сидит один у посудного столика, куда грязные тарелки ставят.

— Пришел через сад, вот и сидит, — отвечала Эльвира Карловна.

— А где же лошади? — спросила Валька.

И маленькая Гуля повторила басом:

— А где же лошади?

— Пешком пришел.

Пошли, посмотрели в щелочку на дедушку, который в гости пешком пришел.

А тот все сидел да поглядывал, как воробей. На коленях у него был клеенчатый сверточек, черный, на сгибах побелевший — старый, мно-

го трепанный, и веревочкой крест-накрест перевязан.

Покосился дедушка на щелочку.

Дети испугались.

— Смотрит!

— Шмотрит!

Отошли. Зашлепала Фенька босыми ногами, загремела посуда, закричала Эльвира Карловна.

— Подано! Подано!

И в ответ застучали каблуки на лестнице — отец обедать спускался.

— Папа, там дедушка... там дедушка Леонтий... пришел и сидит.

— Знаю, знаю.

Отец чем-то недоволен.

Пошли на террасу обедать.

Дедушка встал, засуетился на одном месте, а когда отец поздоровался, стал долго и смешно трясти ему руку. Потом опять подошел к своему стулу у посудного стола.

— Садитесь с нами, чего же вы! — сказал отец.

Дедушка покраснел, заторопился, сел на углу стола и подсунул под стул свой клеенчатый узелок.

— У меня тут кое-какие вещи... путешествую по-стариковски! — объяснил он, точно старики всегда ходят с такими клеенчатыми узелками.

За супом все молчали. Только когда дедушка съел свою порцию, отец сказал Эльвире Карловне:

— Налейте же ему еще...

Дедушка покраснел и заволновался.

— Я сыт! Я уже совершенно сыт!

Но снова принялся за суп, изредка только вскользь поглядывая на хозяина.

— Вы откуда сейчас? — спросил наконец тот.

— От Крышкиной, от Марьи Ивановны. Тут недалеко, всего тринадцать верст. Она непременно

но хотела бричку дать, непременно хотела, да я отказался. Погода хорошая, и моцион полезен. Мы, старики, должны моцион делать. А Марья Ивановна новую мельницу строит. Чудесную. Я у них три недели гостил. Непременно хотела, чтоб я еще пожил. Непременно. Ну, да я лучше потом заверну.

Он говорил скоро, так что даже покраснел, и смотрел на всех пугливо и быстро, точно справлялся — нравится ли то, что он говорит.

— И на что ей мельница? — сказал отец. — Только лишние хлопоты...

— Да, да, — заспешил дедушка. — Именно на что... именно... хлопоты...

— В хороших руках, разумеется, доходно, а тут...

— Да, да, в хороших доходно... именно доходно.

Потом снова замолчали на весь обед.

После обеда отец пробурчал что-то себе под нос и ушел наверх. Дедушка тоже пропал.

— Эльвиркарна! Он будет жить у нас?

Эльвира Карловна все еще была чем-то недовольна и молчала.

— Он дедушкин брат?

— Не родной брат. От другой матери. Все равно ничего не понимаешь.

— А где его домик?

— Нету дома, зять отнял.

Странный был дедушка. И мать у него какая-то другая, и дом отняли...

Пошли посмотреть, что он делает.

Нашли его на крыльце. Сидел на лесенке и говорил собачонке Белке что-то длинное и толковое, только не разобрать что.

— Это наша Белка. Она приبلудная пустолайка, ночью спать не дает, — сказала Валька.

— Ее кухарка кипятком шпарила, — прибавила Гулька.

Обе стояли рядом на толстых сытых ножках, смотрели круглыми глазами, и ветер шевелил их белокурые хохолки.

Дедушка очень заинтересовался разговором. Расспрашивал про Белку, когда пришла, да откуда, да чем кормится. Потом рассказал про своих знакомых собак, какую как зовут, да где живут, у каких помещиков, да про разные их штуки, очень все интересное.

Белка слушала тоже, изредка только отбегала полаять, насторожив ухо к большой дороге. Пустолайка была.

С собак перешел разговор на детей.

Дедушка Леонтий столько их перевидал, что три дня рассказывать мог. Все имена помнил, и у какой девочки новое платье, и как кто шалил.

Потом показывал, как у помещика Корницкого мальчик Котя китайский танец плясал. Вскочил, маленький, седенький, мохрастый, завертелся, присел, сразу сморщился и закашлял.

— Извините, старик я. Старый человек. Вы сами попробуйте, у вас лучше выйдет.

Завертелись втроем, Гулька шлепнулась, Белка-пустолайка залаяла. Весело стало.

А перед ужином дедушка снова съежился, затаих, сел около посудного стола и вертел головой по-воробьиному, пока его за стол не позвали.

А за столом опять смотрел всем в глаза, точно боялся, что не угодил.

На другой день дедушка совсем подружился, так что Валька даже рассказала ему о своем заветном желании купить пояс с пряжкой и скакалку. У Гульки отдельных желаний не было, и она присоседилась к Валькиным: тоже пояс и скакалку.

Тогда дедушка рассказал о своей тайне: денег у него совсем нету, но помещица Крышкина обещала на праздник подарить десять рублей. Она страшно добрая, и мельница у нее будет чудес-

ная — первая в мире. Десять рублей! Вот тогда они заживут. Прежде всего табаку купят. Дедушка уже две недели не курил, а хочется до смерти. Чудесного табаку купят массу, чтобы курить и чтобы надолго хватило. Хорошо бы на какой-нибудь таможне какую-нибудь контрабанду, заграничного, значит. Только какие же тут таможни, когда тут и границы никакой нету. Ну, просто табаку купят простого, но чудесного. И пояса купят с огромными пряжками и скакалки. А на остальные деньги чего?

Два дня мечтали, придумывали, чего купить на остальные деньги. Потом решили купить сардинок. Очень уж вкусно.

Только бы Крышкина не раздумала. Да нет, не раздумает. Добрая такая и богатая. Бричку предлагала дедушку довести — ей-богу!

На четвертый день за ужином дедушка, запинаясь и переглядываясь с детьми, сказал, что завтра должен заглянуть к помещице Крышкиной. Она очень просила навестить ее. Заночует ночку, а утром и вернется.

Отец отнесся к этому плану с полным равнодушием и стал о чем-то с Эльвирой Карловной говорить по-немецки.

Дедушка, верно, не понимал или чего боялся. Он как-то съезжился, робко косился, и ложка чуть-чуть дрожала в руке.

На другое утро ушел рано. Дети мечтали одни. Решили вместо сардинок купить несколько домов и жить по очереди то в одном, то в другом.

А к вечеру забыли и дедушку, и планы, потому что придумалась новая игра: всовывать травинки в щели крыльца, получался сад для гулянья мух.

На следующий день после обеда приехал дедушка на крышкинской бричке. Такой веселый, соскочил с подножки и долго еще вокруг брички суетился. Очень рад был, что довели.

— Я в бричке приехал. Меня в бричке довели, — говорил всем, хотя все и так видели, откуда он вылез.

Глаза у него сделались от удовольствия маленькие, и вокруг пошли морщинки-лучики, смешные и веселые.

Побежал на крыльцо, зашептал детям:

— Молчите только, все у нас есть... дала десять рублей. Вот вам, смотрите!

Валька не выдержала, завизжала, сорвалась и прямо в комнаты.

— Папа! Эльвиркарна! Крышкина дедушке десять рублей подарила! Дедушка нам пояса купит, скакалку подарит.

Отец вытянул шею, как гусь, собирающийся зашипеть, посмотрел на Эльвиру Карловну.

Та поджала губы и раздвинула ноздри.

Отец вскочил и пошел на крыльцо.

Там он долго визжал, что дедушка приживальщик и что дедушка срамит его семью и позорит дом, выпрашивая подачки от посторонних людей, и что он обязан сейчас же вернуть эти гнусные деньги.

— Никифор! Седлай лошадь! Отвезешь пакет к Крышкиной.

Дедушка молчал и ежился и был совсем виноватый, такой виноватый, что оставаться с ним было стыдно, и дети ушли в комнаты. Отец долго еще визжал про приживальщика и позор, потом отвизжался и ушел к себе.

Стало интересно посмотреть, что-то делает дедушка.

Дедушка сидел, как тогда, в первый день, на крылечке, перевязывал веревкой свой клеенчатый узелок и сам с собой разговаривал. Приблудная пустолайка стояла тут же и внимательно слушала.

— Все сердятся да сердятся, — испуганно твердил дедушка. — А разве так хорошо? Я ведь очень старый. За что же так?

Увидел детей, сконфузился, заспешил.

— Я теперь пойду. Мне пора. Меня очень в одно место звали!

Он не смотрел в глаза и все суетился.

— Звали одни помещики... погостить. Там у них чудесно.

Может быть, у них и было чудесно, но у дедушки лицо было расстроенное и голова тряслась как-то вбок, словно отрицательно, словно сама себе не верила.

— Дедушка, — спросила Валька. — Ты приживальщик? Что такое приживальщик?

— Ты приживальщик, — повторила басом Гулька. — Сто такое...

Дедушка съежился и зашагал по ступеням.

— До свиданья! До свиданья! Ждут меня там...

Видно, не слышал.

Пошел. Обернулся.

Девочки стояли обе рядом, на сытых, толстых ножках, смотрели прямо на него круглыми глазами, и ветер шевелил их белокурые хохолки.

Пошел.

Белка, заведя хвост крючком, проводила его до ворот.

Там он снова обернулся.

Девочки уже не стояли рядом.

Они озабоченно втыкали зеленые травинки в щели крыльца и о чем-то бойко спорили.

Дедушка пождал минутку, повернулся и пошел.

Белка насторожила ухо и несколько раз тявкнула ему вслед.

Приблудная была, пустолайка.

? Поразмышляем над прочитанным

- Вы прочитали еще один рассказ о взаимоотношениях взрослых и детей замечательной писательницы Тэффи. Понравился ли он вам?
- Что вы могли бы рассказать о дедушке Леонтии? Что хотела сказать Тэффи словами: «Станным показалось, что не шагает дедушка по за-

ле, как другие гости, не спрашивает, как кто поживает, не смеется „хе-хе-хе, мерси“, а просто сел и сидит один у посудного столика, куда грязные тарелки ставят?»

- Почему дедушка Леонтий стал бездомным?
- О чем мечтали вместе дедушка и дети? Почему сердился отец? Что такое «приживальщик»?
- Почему ушел дедушка Леонтий? О чем этот рассказ?
- О чем горюет автор? К чему призывает читателей? Какие чувства вызывает рассказ?

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ЯКОВЛЕВ **(1922—1996)**

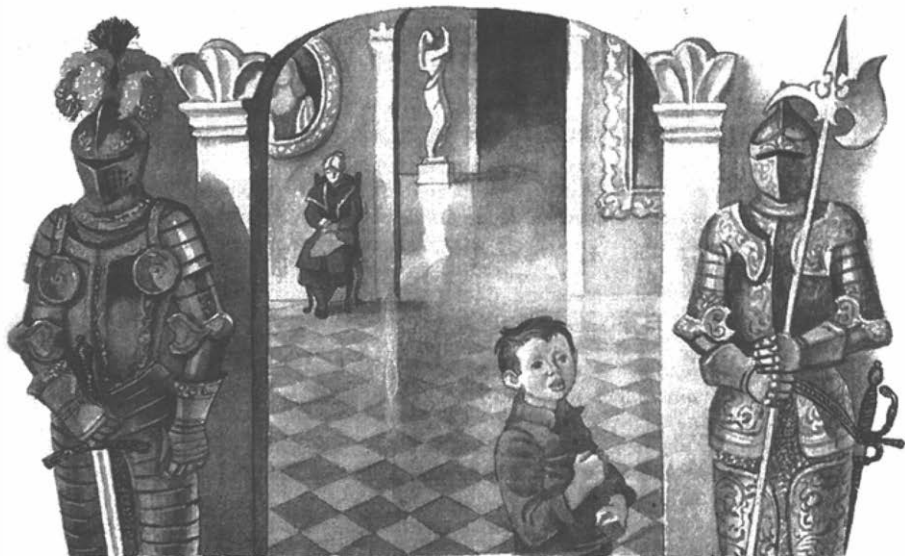
РЫЦАРЬ ВАСЯ

Приятели называли его тюфяком. За его медлительность, неповоротливость и неловкость. Если в классе писали контрольную работу, то ему всегда не хватало времени — он раскачивался только к концу урока. Если он пил чай, то на столе вокруг его блюда образовывалась большая чайная лужа. Он ходил вразвалку и обязательно задевал за край стола или сбивал стул. И новые ботинки за неделю стаптывал так, словно вместе с Суворовым совершал в них переход через Альпы. Вид у него был сонный, будто он только что проснулся или собирался уснуть. У него все валилось из рук, все не ладилось. Одним словом, тюфяк.

Куртка в обтяжку, штаны плотно облегли ноги. На толстом лице выделялись три бугорка: два — над глазами, у начала бровей, а третий — между носом и верхней губой. Когда он напрягался или приходил с мороза, эти бугорки краснели в первую очередь.

Все считали, что причина его полноты — обжорство: с чего еще он такой толстый? Но на самом деле ел он мало. Не любил есть. Терпеть не мог это занятие.

То, что он тюфяк, было написано у него на лице, угадывалось в его медленных, вялых движе-

Ю. Я. Яковлев. «Рыцарь Вася». Худ. А. Тамбовкин

ниях, звучало в глуховатом голосе. Никто не догадывался, что скрывается под этой некрасивой толстой оболочкой.

А в его груди билось благородное сердце рыцаря. В заветных мечтах он видел себя закованным в блестящие стальные доспехи, в пернатом шлеме с опущенным забралом, на белом коне с раздувающимися ноздрями. В таком виде он мчался по свету и совершал множество подвигов, защищая слабых и обиженных. Он был безымянным рыцарем. Потому что у рыцарей обычно были звучные иностранные имена — Ричард, или Родриго, или Айвенго. Его же звали просто Вася, и это имя не подходило для рыцаря.

В мечтах из толстого и косолапого он превращался в стройного и гибкого, а в движениях появлялись ловкость и зоркость. Все его недостатки мгновенно пропадали под блистательными доспехами.

Но стоило ему подойти к зеркалу, как все возвращалось на место. И перед ним вместо пре-

красного рыцаря снова возникал мешковатый мальчик с круглым толстым лицом, на котором краснели три бугорка.

В эти минуты он ненавидел себя за неподходящую для рыцаря внешность.

Кроме насмешливого зеркала, к действительности его возвращала мама. Услышав из кухни его шаги, от которых жалобно звенели стаканы, мама кричала:

— Осторожно! Слон в фарфоровой лавке!

Разве так обращаются с благородным рыцарем?

Он пробовал было поделиться мечтами с приятелем, но не встретил у него поддержки.

Услышав о доспехах, приятель покривился и сказал:

— На такого толстого никакие доспехи не налезут.

Друг и не подозревал, что ранил Васю в самое сердце.

В свободное время он бегал в музей. Здесь в просторных залах висели большие картины в тяжелых золотых рамах, а по углам стояли статуи из пожелтевшего мрамора. Он хладнокровно проходил мимо полотен великих мастеров, словно это были примелькавшиеся плакаты, и направлялся к заветному залу. В этом зале не было никаких картин. Здесь на стенах висели мечи и копья, а на полу стояли рыцари, закованные в латы.

Тайком от дежурной старушки он трогал холодную сталь доспехов и пробовал на палец, хорошо ли заточены мечи. Он медленно переходил от черного рыцаря к золотому, от золотого — к серебряному. К одним рыцарям он относился по-дружески, к другим — со сдержанным холодком. Он кивал им головой и мысленно справлялся, как прошел очередной турнир. Ему казалось, что рыцари следят за ним сквозь смотровые ще-

ли опущенных забрал и никто из них не смеется и не называет его тюфяком.

Почему природа перепутала и вложила гордое сердце Дон-Кихота в толстую, неуклюжую оболочку Санчо Пансы?

Он мечтал о подвигах, а жизнь его проходила однообразно и буднично. Каждое утро он нехотя свешивал ноги с постели и, подгоняемый маминым окриком: «Поторапливайся, а то опоздаешь!», — натягивал на себя штаны и рубаху. Потом он плелся к умывальнику, мочил нос — «И это называется вымылся?!» — и нехотя сел к столу. Поковыряв ложкой кашу — «Не усни над тарелкой!», — он вставал и шел в школу. Он с грохотом скатывался с одной ступеньки на другую, и во всех квартирах знали, кто спускается по лестнице. В классе он появлялся после второго звонка. Бросал тяжелый портфель и протискивался на скамью, сдвигая с места парту.

Все это он проделывал с невозмутимым спокойствием человека, привыкшего к однообразному ходу жизни и не ждущего никаких неожиданностей.

На уроках он не болтал, так как вообще не отличался разговорчивостью, но это не мешало учителям постоянно делать ему замечания:

— Рыбаков, о чем ты мечтаешь?

— Рыбаков, повтори, что я сказала.

— Рыбаков, выйди к доске и объясни решение задачи.

Он плелся к доске, задевая ногой парты, и долго сжимал в пальцах мел, словно хотел из него что-то выжать. Решая задачу, он так сопел, словно в руке у него был не мелок, а тяжелый камень, который он без конца опускал и поднимал. Он думал так медленно и тяжело, что у учительницы лопалось терпение, и она отправляла его на место.

Он садился, и парта мгновенно превращалась в боевого коня, а пухлые короткие пальцы сами начинали рисовать мечи и доспехи.

На уроках физкультуры он был предметом общих насмешек. Когда ему предлагали пройти по буму, ребята уже заранее начинали хихикать. Он делал несколько трудных шагов, потом вдруг терял равновесие, беспомощно хватался руками за воздух и наконец с грохотом спрыгивал на пол. Через «коня» ему тоже не удавалось перепрыгнуть. Он застревал на черной кожаной спине и некоторое время восседал, как всадник в седле. Ребята смеялись, а он неуклюже сползал на животе на пол и шел в строй.

Ему не везло буквально во всем. Даже на школьном утреннике, где он читал стихотворение «Человек сказал Днепру», тоже вышло недоразумение. Он готовился целую неделю. Особенно хорошо у него получались заключительные строки. Он набирал побольше воздуха и с выражением произносил:

— Чтоб на улице и дома
Было вечером светло!

Когда он вышел на сцену, все «выражение» сразу пропало. Он заторопился, чтобы поскорее добраться до конца. Но именно в конце его подстерегала неприятность. Он вдруг заволновался, задергал плечом и прочитал:

— Чтоб на улице и дома
Было вечером темно!

Зал засмеялся. Он вздохнул и тяжело спрыгнул со сцены.

Он привык к судьбе неудачника. Обычно неудачники сердятся на других, а он сердился на самого себя. Он давал себе слово измениться и начать новую жизнь. Старался быстрее двигаться, говорить почти криком и ни в чем не отста-

вать от ребят. Но из этого ничего хорошего не выходило. Дома со стола летели чашки, в классе проливались чернила, а от резких движений его куртка лопалась где-нибудь под мышкой.

...Трудно провести границу между осенью и зимой. Бывает так, что еще не опали листья, а на землю ложится первый слабый снег. А иногда ночью подморозит, и река к утру покрывается льдом. Этот лед, зеркальный и тонкий, манит к себе, и тогда радио предупреждает ребят, что ходить по льду опасно.

Но не все ребята слушают радио. И вот на льду появляются первые смельчаки. Лед прогибается и предупреждающе трещит, но они верят, что родились под счастливой звездой. А счастливая звезда иногда подводит.

Внимание тюфяка привлекли крики, которые долетали с реки. Он ускорил шаг и, запыхавшись, вышел на берег.

Там он увидел Димку Ковалева, который размахивал руками и кричал:

— Тонет! Тонет!

— Кто тонет? — не спеша спросил тюфяк.

— Не видишь, что ли? — огрызнулся Димка. — Пацан тонет. Под лед провалился. Что стоишь?!

Другой бы тут же спросил самого Димку Ковалева: «Что же ты не поможешь ему?» Но он был тюфяк и не догадался этого сделать. Он посмотрел на замерзшую реку и заметил маленького первоклашку, который был по пояс в воде и только руками цеплялся за край льда.

Тюфяк был толще и тяжелее Димки, но он шагнул на лед. Лед слегка прогнулся, но не треснул. Вероятно, у берега он был крепче.

Димка Ковалев оживился. Он снова стал махать руками и кричать:

— Заходи справа!.. Осторожно!.. Не топай ножищами, а то сам...

Он кричал для того, чтобы заглушить свой страх.

А тюфяк шагал по льду. Он не слышал криков. Он видел только насмерть перепуганного малыша, который не мог выговорить и слова.

Около полыньи на льду образовалась лужа. Он дошел до края и, не раздумывая, выставил одну ногу вперед. Ботинок сразу зачерпнул воду. Где-то в глубине души он понимал, что сейчас лед может треснуть и он окажется в воде вместе с посиневшим пацаном.

Но это не остановило его. Он переставил вторую ногу и очутился по щиколотку в воде.

Теперь Ковалев уже не кричал и не размахивал руками, а напряженно выжидал, что будет дальше. Он видел, как тюфяк схватил малыша за руку, как стал обламываться лед.

Наконец первоклассник очутился на льду. Он шел, вцепившись окоченевшими руками в своего спасителя. Зубы его стучали. А по лицу текли слезы.

Когда они вышли на берег, Ковалев ожил.

— Ты ноги промочил, — сказал он товарищу, — беги домой, а пацана я сам доведу.

Тюфяк посмотрел на спасенного им парня, перевел взгляд на мокрые ботинки и сказал:

— Валяй!

Ковалев схватил за руку мокрого, перепуганного мальчишку и куда-то потащил его.

Тюфяк поплелся домой. Его переживания быстро притупила усталость. И теперь оставались только промокшие ноги и легкий озноб.

Дома он с трудом стянул с себя ботинки. Из них полилась вода.

— Что это? — спросила мама, недовольно глядя на перепачканный паркет.

— Промочил ноги, — растягивая слова, ответил мальчик.

Ю. Я. Яковлев. «Рыцарь Вася». Худ. А. Тамбс

— Где это тебя угораздило? — Мама пожала плечами и пошла за тряпкой.

Он хотел было рассказать маме, как было дело, но его начало клонить ко сну и одолевала зевота, и даже в теплой комнате не проходил озноб. Он не стал ничего объяснять, лег на диван и зажмурил глаза. Неожиданно он подумал, что если бы на нем были тяжелые рыцарские доспехи, то лед сразу бы проломился и он не сумел бы спасти пацана. Он быстро уснул.

На другой день, когда после второго звонка он вошел в класс, там никого не было. Оказывается, все ушли наверх, в актовЫй зал, на общую линейку. Он бросил портфель на парту и поплелся на четвертый этаж.

Когда он вошел в зал, все уже построились большой буквой «П». Он протиснулся между ребятами и стал в заднем ряду.

В это время заговорил директор школы. Он сказал, что вчера на реке ученик Дима Ковалев спас первоклассника, провалившегося под лед, и что он, директор, восторгается смелым поступком ученика.

Потом выступала старшая вожатая. Она говорила о пионерском долге, о чести красного галстука и наконец зачитала письмо матери провалившегося пацана, в котором Димка назывался спасителем ее сына.

Стиснутый со всех сторон ребятами, тюфяк стоял у стенки и слушал, как все хвалят Димку Ковалева. В какую-то минуту ему хотелось сказать, что Димка врет — никого он не спасал, а просто махал руками и кричал. Но от одной мысли привлечь к себе внимание ему стало стыдно, и все три бугорка покраснели.

В конце концов он и сам поверил, что Димка — герой вчерашнего происшествия: ведь он первым заметил тонущего. И когда все захлопали Димке, тюфяк захлопал тоже.

Линейка кончилась. Ребятам велели расходиться по классам. И тюфяк, подталкиваемый товарищами, поплелся обратно на второй этаж.

Он с трудом протиснулся за парту — сдвинул ее с места, — а когда начался урок, взял в короткие пухлые пальцы тоненькую ручку и в тетрадке по арифметике стал рисовать рыцаря. Этот рыцарь был фиолетового цвета, как школьные чернила.

? Поразмышляем над прочитанным

- Что обозначает слово «рыцарь»? Почему так назван рассказ?
- Почему приятели называли Васю тюфяком? Как он выглядел? Что хотел сказать читателю автор словами: «А в его груди билось благородное сердце рыцаря»?
- Что разбивало его мечты о рыцарстве в школе и дома?
- Почему Вася не раздумывая стал спасать тонущего мальчика и почему не сказал ребятам, что это сделал он?
- Чем заканчивается рассказ? Какую надежду вселяет автор в читателя, завершая так свое повествование о рыцаре Васе?

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Кто сказал, что «литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели»?
2. Какой герой какого произведения записывал происходившее с ним в две колонки: в первой колонке — «добро», во второй — «зло»?
3. В каком произведении героиня победила королеву?
4. Кто автор произведения, в котором цветы спорили с розой?
5. Какие разделы есть в вашем учебнике? Какие произведения посвящены Отечественной войне 1812 года, Великой Отечественной войне, родной природе?
6. Вспомните название статьи в учебнике, в которой вам даются советы, как научиться выразительно читать стихи.
7. Какие стихотворные произведения вы выучили наизусть? Какова разница между стихотворной и прозаической речью?
8. В каком произведении лягушка путешествовала с утками? В каком — лягушка осталась жива, потому что была настойчива и не унывала?
9. В какой сказке семилетняя дочь спасла своего отца?
10. Какие волшебные и бытовые сказки включены в эту книгу? Каковы приметы волшебных сказок? Назовите народные и литературные сказки, прочитанные вами в 5 классе. Чем отличается литературная сказка от народной? Почему П. П. Бажов называл свои произведения сказами?
11. Какие фантастические произведения вам известны? Кто их авторы?

12. Вспомните названия произведений, включенных в эту книгу, А. И. Куприна, В. Г. Короленко, Н. В. Гоголя и других писателей.
13. Согласны ли вы с мнением, что «хороший читатель — это перечитыватель»? Перечитывали ли вы понравившиеся вам произведения? Расскажите об этих произведениях.
14. В каких стихотворениях вам встречались гиперболы, эпитеты, сравнения? Какую роль они выполняли? Приведите примеры.
15. Расскажите об одном из литературных мест (Захарово, Тарханы, Спасское-Лутовиново, Ясная Поляна).
16. Какие иллюстрации помогли вам лучше представить героев прочитанных произведений? Назовите фамилии художников и произведения.
17. Как называется в вашем учебнике словарь? Помогал ли он вам при подготовке к урокам?

СОДЕРЖАНИЕ

«Книга — это духовное завещание одного поколения другому...» (А. Герцен)	3
--	---

Устное народное творчество

От мифов к преданиям, быличкам и бывальщинам	5
Сказки	11
Марья Моревна	—
Мужик и царь	23
Сердитая барыня	26
Дочь-семилетка	28
Вопросы к сказке «Царевна-лягушка» . .	32

Из древнерусской литературы

Повесть об отроке Тверского князя	34
---	----

Из русской литературы XIX века

И. А. Крылов	43
В. А. Жуковский	46
Старый рыцарь	47
А. С. Пушкин	49
Захарово	53
Пролог к поэме «Руслан и Людмила» «У лукоморья дуб зеленый...»	56
М. Ю. Лермонтов	60
Тарханы	—
Ашик-Кериб	66
<i>Продолжаем знакомиться с русской литературной сказкой</i>	80
В. М. Гаршин. Автобиография	81
Лягушка-путешественница	87
То, чего не было	93
Н. В. Гоголь	99
Пропавшая грамота.	101

Н. А. Некрасов	116
Накануне светлого праздника	117
И. С. Тургенев	119
Л. Н. Толстой	121

Из литературы XX века

И. А. Бунин	123
После половодья	—
В деревне	124
В. Г. Короленко	133
Последний луч	—
А. И. Куприн	145
Чудесный доктор	—
<i>Продолжаем знакомиться с русской литературной сказкой.</i>	157
Л. Пантелеев	—
Две лягушки	—
С. Я. Маршак	159
Двенадцать месяцев	—
П. П. Бажов	168
Каменный цветок	—
А. П. Платонов	194
<i>Писатели о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.</i>	195
Л. А. Кассиль. У классной доски	—
<i>Писатели улыбаются</i>	207
Саша Черный	—
Люся и дедушка Крылов	—
<i>О жизни детей и подростков</i>	219
Тэффи. Дедушка Леонтий	—
Ю. Я. Яковлев. Рыцарь Вася	226
Заключительные вопросы и задания.	236

Учебное издание

**Коровина Вера Яновна, Журавлев Виктор Петрович,
Коровин Валентин Иванович**

ЧИТАЕМ, ДУМАЕМ, СПОРИМ...

Дидактические материалы по литературе

5 класс

Центр гуманитарного образования
Редакция русского языка и литературы
Зав. редакцией *С. И. Красовская*
Редактор *Е. И. Правоторова*
Художественный редактор *А. П. Присекина*
Технический редактор и верстальщик *Н. К. Румянцева*
Корректоры *Е. В. Павлова, В. Г. Голуб, Т. А. Лебедева*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01.

Подписано в печать 06.05.14. Формат 60 × 90¹/₆.

Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBookC. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 10,32. Тираж 5000 экз. Заказ № 37817 (К-Sm).

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в филиале «Смоленский полиграфический комбинат»

ОАО «Издательство «Высшая школа»

214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1

Тел.: +7 (4812) 31-11-96. Факс +7 (4812) 31-31-70

E-mail: spk@smolpk.ru <http://www.smolpk.ru>